Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 67. 1-го іюня 1904 г. Годъ IV.

РЕФОРМАТОРСКІЯ ПОТУГИ.

Царствованіе Александра III оставило глубокій слѣдъ въ развитіи русской политической жизни. Истекавшее кровью самодержавіе напрягало всѣ усилія, чтобы удержать въ своихъ слабѣющихъ рукахъ ускользавшія отъ него нити государственнаго управленія, и цѣлая груда реакціонныхъ законовъ и мѣропріятій изготовлялась ежегодно въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Еще реакціоннѣе становилась годъ отъ году административная практика. Безжалостно урѣзая всѣ, и безъ того немногочисленные, „прогрессивные“ элементы въ законодательствѣ предыдущаго царствованія, новая эра поставила цѣлью своихъ стремленій, если не возстановленіе, — безнадежность такой утопіи была слишкомъ очевидна, — то по крайней мѣрѣ возможное приближеніе къ порядкамъ и отношеніямъ крѣпостной эпохи. Но, — какъ это всегда бываетъ съ реакціонной политикой, идущей въ разрѣзъ съ самыми основными потребностями общественно-экономическаго развитія, — кратковременное укрѣпленіе позицій самодержавія покупалось цѣною усиленія того самаго недовольства, той смуты и „крамолы“, сокрушенія которой съ такой настойчивостью и прямолинейностью добивался царизмъ. И это тѣмъ болѣе, что, ставя одною рукою преграды рвавшему путы крѣпостного уклада развитію капиталистическаго общества, царское правительство, — въ силу требованій финансоваго хозяйства и необходимости искать благосклонности вліятельныхъ элементовъ — другою рукою всячески содѣйствовало росту капиталистической промышленности. А капитализмъ и самъ по себѣ не можетъ надолго примириться съ гнетомъ самодержавно-феодальныхъ порядковъ и — что еще важнѣе — въ лицѣ пролетаріата создаетъ непримиримаго противника всѣхъ устоевъ россійской самобытности. Въ этомъ же фактѣ капиталистическаго преобразованія Россіи черпали все новыя и новыя силы и тѣ слои противниковъ самодержавія, оппозиція которыхъ до тѣхъ поръ не находила достаточной поддержки въ сколько-нибудь широкихъ массахъ.

При такихъ условіяхъ создался для самодержавія своеобразный „порочный кругъ“, въ которомъ каждое новое реакціонное мѣропріятіе съ удвоенной силой будило чувство протеста, накопляло элементы глубокаго недовольства и все болѣе и болѣе отрѣзывало всякую возможность мирнаго, „реформаторскаго“ развитія государственныхъ порядковъ въ сторону болѣе свободныхъ формъ общежитія. Если еще возможно было октроированіе Лорисъ-Меликовской конституціи въ 1881 году, то эпоха реакціи, крайне обострившая антагонизмъ всѣхъ развивающихся слоевъ общества къ самодержавію и въ то же время выдвинувшая и пробудившая къ политической жизни новые соціальные слои, сдѣлала такое разрѣшеніе „назрѣвшаго“ вопроса „сверху“ немыслимымъ. Если въ началѣ 80-хъ годовъ передъ правительствомъ стояла вполнѣ посильная для него задача удовлетворить скромныя конституціонныя мечтанія верховъ „образованнаго“ общества, то теперь не только эти „мечтанія“ приняли болѣе обширный характеръ, но всякая попытка прикоснуться къ фундаменту обветшалаго государственнаго зданія неминуемо повела бы къ предъявленію своихъ политическихъ требованій и такими общественными элементами, которыхъ „сверху“ удовлетворить во всякомъ случаѣ невозможно, потому что ихъ позиція принципіально враждебна самому существованію „верха“.

Александръ III сошелъ въ могилу, когда, казалось, реакція восторжествовала по всей линіи, и всѣ опасныя для самодержавія революціонныя и оппозиціонныя силы какъ бы притаились. Но это только казалось, и первые же годы царствованія его преемника обнаружили ясные признаки надвигающейся ликвидаціи, передъ лицомъ которой самодержавіе оказалось совершенно безпомощнымъ. Реакція исчерпала себя, и дальше въ томъ же направленіи много идти было нельзя. Можно было усилить полицейскій сыскъ и гнетъ; можно было попытаться укрѣпить административную власть и расправу; можно было еще нѣсколько стѣснить земскую „самодѣятельность“. Но все это были не новыя мѣры; это былъ лишь количественный ростъ тѣхъ же самыхъ мѣропріятій, начало которымъ положилъ „незабвенный родитель“, и, при крайне обострившемся нервномъ напряженіи всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, эта политика не окупалась уже больше даже тѣмъ временнымъ ослабленіемъ революціоннаго и оппозиціоннаго натиска, котораго удавалось добиваться самодержавію въ предшествующую эпоху: одинъ за другимъ открыто выступали противъ самодержавія всѣ оппозиціонные слои русскаго общества, и царское правительство оказалось не въ силахъ, хотя бы на время, справиться съ ними. Въ силу указанныхъ выше причинъ, о сколько-нибудь серьезныхъ попыткахъ „реформами“ направить весь революціонный и оппозиціонный протестъ въ русло мирнаго и постепеннаго развитія не могло быть и рѣчи. Вокругъ каждаго, вновь выступавшаго на сцену общественнаго движенія царское правительство безпомощно металось, не рѣшаясь сколько-нибудь серьезно прикоснуться къ шаткому зданію русскаго государственнаго порядка. И своей возней, своей противорѣчивой политикой оно только обостряло и ускоряло развитіе оформленнаго протеста. Первыя же крупныя стачки рабочихъ заставили правительство усиленно захлопотать вокругъ „рабочаго вопроса“ — и въ концѣ семилѣтнихъ хлопотъ мы видимъ колоссальный итогъ въ видѣ ряда демонстрацій и всеобщей стачки на югѣ. Правительство хлопотало вокругъ студенческаго движенія, — и за два года это движеніе изъ академическаго превратилось въ ярко политическое и вызвало на сцену всѣ тѣ отраженныя явленія, которыя сказались во временномъ возрожденіи террористическихъ стремленій. Правительство продолжало свои неустанныя хлопоты вокругъ земства, — и добилось консолидаціи и обособленія „третьяго элемента“, появленія „освобожденства“ и пр. и пр. Памятные петербургскіе съѣзды, техническій и пироговскій, подвели балансъ этой сторонѣ царскаго хозяйничанья.

Наконецъ зашевелился и послѣдній изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ еще опиралось самодержавіе. Политика непрерывно усиливаемой государственной и дворянской „опеки“, политика выкачиванія денежныхъ рессурсовъ деревни и стѣсненія свободнаго развитія ея хозяйственной и культурной жизни — получила страшный отвѣтъ въ видѣ крестьянскаго возстанія въ черноземныхъ губерніяхъ. „Крестьянскій вопросъ“ такъ же властно выдвинулся на авансцену государственной жизни, такъ же настоятельно требовалъ вниманія къ себѣ, какъ это уже раньше случилось съ вопросомъ рабочимъ, вопросомъ студенческимъ, вопросомъ земскимъ. Можно было заранѣе предсказать, что и въ разрѣшеніи „крестьянскаго вопроса“ самодержавіе проявитъ не болѣе творческой силы, не болѣе смѣлости и рѣшительности, чѣмъ во всѣхъ другихъ безчисленныхъ „вопросахъ“ русской жизни. Притронуться сколько-нибудь серьезно къ крестьянскому и неразрывно съ нимъ связанному аграрному вопросу вообще, выдернуть хоть одно звено изъ этой безконечно сложной и запутанной цѣпи общественныхъ отношеній — значило бы для самодержавія рисковать дать толчокъ паденію той лавины революціи и оппозиціи, которая нависла надъ нимъ.

Достаточно вспомнить, что даже такой „реформы“, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, царское правительство не можетъ рѣшиться произвести, хотя „вопросъ“ о розгѣ стоитъ „на очереди“, и самой острой „очереди“, уже добрый десятокъ лѣтъ. Но правило quieta non movere (не тронь существующаго) такъ прочно внѣдрилась въ психологію царизма, что и до сихъ поръ розга въ качествѣ „законнаго“ орудія правительственнаго воздѣйствія (о „незаконномъ“ нечего и говорить) не отмѣнена. „Розга“ стала чуть ли не символомъ „существующей формы правленія“, и для робкихъ либеральныхъ душъ явилась возможность облекать свои конституціонные порывы въ форму „ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія“.

Немудрено, что и тогда, когда крестьянскій „бунтъ“ поставилъ остро вопросъ о деревнѣ, растерявшееся самодержавіе на это требованіе *новыхъ отвѣтовъ* могло устами Николая II лишь *повторить* собравшимся въ Курскѣ волостнымъ старшинамъ все тѣ же слова „незабвеннаго родителя“. Можно ли было лучше обнаружить все безсиліе царскаго правительства бороться съ начинающейся ликвидаціей, обостренной тѣми самыми „старыми средствами“, какія съ такимъ рвеніемъ примѣнялъ Александръ III? Не было новыхъ отвѣтовъ, не было новыхъ средствъ, а старыя вели къ крушенію. И все же правительству не оставалось ничего иного, какъ безпомощно топтаться на одномъ мѣстѣ, стараясь лишь возможно точнѣе попадать въ слѣды, оставленные „стопами“ предшественниковъ: наводненіе деревни „сельскими стражниками“ — вотъ все, что можно было придумать „новаго“.

Манифестъ 26 февраля 1903 г. наряду съ другими потугами на якобы реформы возвѣщалъ и „пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи“. Извѣстно, что всѣ „предположенія“ манифеста въ области государственнаго и земскаго управленія, въ области церковной, школьной и т. д. сводились ни къ чему иному, какъ къ попыткамъ усилить реакцію „въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ нашихъ предшественниковъ“, сдобривъ эти угрюмъ-бурчеевскіе проекты легкой примѣсью сантиментально-либеральнаго постнаго масла. При постепенномъ же осуществленіи ихъ и эта примѣсь все болѣе и болѣе испарялась.

Не было, разумѣется, ни малѣйшаго основанія ожидать, что съ „крестьянскимъ вопросомъ“ будетъ иначе. Тѣмъ болѣе, что уже въ самомъ манифестѣ повелѣвалось „въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины“. Уже въ этой формулировкѣ и въ этой заботѣ объ „облегченіи выхода“ ясно, что не „уравнительныя“, „справедливыя“ тенденціи общины интересовали правительство, не объ ихъ охраненіи оно заботилось, а объ охраненіи и укрѣпленіи той крестьянской сословной обособленности, того крестьянскаго закрѣпощенія и безправія, которыя составляютъ существенное содержаніе пресловутаго „общиннаго строя“ и всею тяжестью свою падаютъ главнымъ образомъ на „деревенскую бѣдноту“. Еще разъ подтвердилось, что правительство не рѣшается затронуть „вѣковые устои“, и отмѣна круговой поруки, проектированная манифестомъ и выполненная 12 марта 1903 года, могла осуществиться только потому, что самое значеніе ея въ общей системѣ крестьянскаго закрѣпощенія упало до нуля. Въ остальномъ все должно было остаться по старому, только, конечно — такова судьба всѣхъ „благихъ начинаній“ умирающаго режима — съ новыми попытками усиленія той самой политики бюрократически-дворянско-поповской опеки, крушеніе которой и выдвинуло на очередь старые вопросы въ новой, острой формѣ. „Пересмотръ законодательства о крестьянахъ“ былъ прежде всего порученъ „редакціонной коммиссіи“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь „очеркъ“ ея работъ обсуждается въ „губернскихъ совѣщаніяхъ“. Коммиссія съ самаго начала исключила изъ своего разсмотрѣнія всѣ вопросы о порядкѣ управленія и правительственномъ надзорѣ за крестьянами, объ ихъ правахъ, личныхъ и имущественныхъ, о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, т. е. исключила всѣ дѣйствительно основные вопросы крестьянской жизни и ограничилась лишь „пересмотромъ“ тѣхъ законовъ, которые относятся къ ея „внутреннимъ распорядкамъ“. Нечего и говорить, что содержаніе „проекта“ сводится цѣликомъ къ сохраненію прежняго закрѣпощенія крестьянъ съ нѣкоторыми лишь ухудшеніями, главнымъ образомъ въ области судебной. Сохраняя волостной, сословный судъ для крестьянъ и рекомендуя выработку особыхъ уголовнаго и гражданскаго кодексовъ для нихъ, „проектъ“ съ одной стороны создаетъ новую „сословную“ апеляціонную инстанцію для крестьянъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника (до сихъ поръ апеляція на приговоры волостного суда приносилась въ уѣздные съѣзды), съ другой — неимовѣрно сокращаетъ самое право апеляціи, якобы „въ цѣляхъ сокращенія неосновательныхъ жалобъ“. Для этого приговоры волостныхъ судовъ по нѣкоторымъ дѣламъ „подлежатъ приведенію въ исполненіе независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ“, а съ другой стороны самое право жалобы обусловливается внесеніемъ денежнаго залога, „подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія“. Разумѣется, этотъ чудовищный налогъ на правосудіе главнымъ образомъ обезправитъ наиболѣе бѣдные слои деревенскаго населенія. Но и вообще, какъ ни мало склонны мы восторгаться россійскимъ правосудіемъ, въ которомъ такъ совершенно переплетается классовая юриспруденція съ административной нагайкой, на усиленіе „сословнаго“ характера крестьянскаго суда мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на попытку еще болѣе усилить то безправіе и произволъ, которые тяготѣютъ надъ деревней, и еще болѣе обособить крестьянъ отъ общегражданскихъ интересовъ страны.

Въ остальномъ всѣ „предположенія“ коммиссіи не заслуживаютъ разбора, такъ какъ рѣшительно ничего новаго не даютъ. Интересно лишь то явное безсиліе, съ которымъ коммиссія подходитъ къ каждому вопросу въ отдѣльности, пытается уяснить себѣ источники недовольства и раздраженія, заключающіеся въ „особенностяхъ“ крестьянскаго законодательства и ихъ несоотвѣтствіи потребностямъ развивающейся жизни, намѣчаетъ тѣ пункты, въ которые слѣдуетъ внести измѣненія, и въ концѣ концовъ, походивши кругомъ да около и убѣдившись въ невозможности вынуть хоть одинъ камень изъ зданія, не снесши его цѣликомъ, безнадежно машетъ рукою и ограничивается внесеніемъ какой-нибудь новой реакціонной „поправки“. Передъ нашими глазами проходитъ рядъ тщетныхъ попытокъ самодержавія приспособиться къ новымъ условіямъ соціально-экономической жизни. Выясняется съ очевидностью, какъ немыслимо для него такое „приспособленіе“. Ему остается только продолжать свои безумныя попытки „приспособить“ все развитіе народной жизни къ себѣ. Самодержавіе и прогрессивное развитіе общества — несовмѣстимы. *Или* самодержавіе, *или* жизнь — такъ ставится вопросъ, и можно ли сомнѣваться, какой будетъ отвѣтъ, какъ бы ни старалось самодержавіе дать его въ свою пользу!

Совершенно не понимая сущности развивающагося передъ его глазами общественно-экономическаго процесса, не давая себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго банкротства традиціонной политики, въ тѣхъ колоссальныхъ измѣненіяхъ, которыя внесъ процессъ капиталистическаго развитія страны въ соціальную структуру и психологію всѣхъ слоевъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крестьянства, самодержавіе — устами редакціонной коммиссіи — продолжаетъ бормотать все тѣ же, давно опровергнутыя жизнью слова, все тѣ же „безсмысленныя мечтанія“: „Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ землѣдельческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“. Вотъ тѣ „старыя пѣсни“, которыя продолжаетъ пѣть самодержавіе, вотъ то старое credo, которое оно не устаетъ повторять: на „неустанномъ трудѣ“, не дающемъ досуга и простора для мысли, на „однообразной обстановкѣ“, суживающей умственный кругозоръ, на вѣрѣ въ „начала высшаго порядка“, отвлекающей вниманіе отъ порядка общественнаго — на этихъ трехъ камняхъ зиждется церковь самодержавія. И оно не хочетъ видѣть, какъ неустанно, какъ неумолимо перемалываетъ жизнь эти камни: оно не хочетъ слышать и видѣть ни „разлагающихъ“ новыхъ пѣсенъ, ни „безпочвенныхъ“ новыхъ птицъ. А новыя времена несутъ съ собою и этихъ птицъ и эти пѣсни...

„Проектъ“ коммиссіи переданъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти, конечно, не внесутъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ проектъ, развѣ только еще усилятъ такъ громко звучащія въ немъ реакціонныя ноты. За это ручается уже самый составъ совѣщаній, въ которыя входятъ чиновники всѣхъ вѣдомствъ, съ усиленнымъ участіемъ земскихъ начальниковъ, и представители отъ дворянства. Члены отъ земства приглашаются по выбору губернатора изъ числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, по одному на уѣздъ. Затѣмъ губернаторъ, предсѣдательствующій въ „совѣщаніи“, можетъ приглашать еще „свѣдущихъ“ лицъ по своему усмотрѣнію.

Цѣль устройства такихъ совѣщаній изъ лицъ, яко бы „довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ“, не требуетъ поясненій. Это — попытка не только эскамотировать общественное мнѣніе, но еще и употребить эти, по внѣшности „мѣстныя“, „общественныя“ силы для санкціонированія и усиленія своихъ реакціонныхъ затѣй. Несомнѣнно, для приданія хотя бы нѣкотораго „приличія“ всей этой *реакціонно-бюрократической комедіи*, кое гдѣ губернаторы будутъ приглашать въ „совѣщанія“ и пару-другую самыхъ наиумѣреннѣйшихъ „либераловъ“. Хотѣлось бы думать, что хотя бы въ этомъ случаѣ у всѣхъ мудрыхъ птицъ либерализма хватитъ политическаго такта (его немного нужно для этого), чтобы отказаться прикрывать своимъ участіемъ позорную игру самодержавія.

Итакъ, „пересмотръ“ законовъ о крестьянахъ свелся къ простому констатированію дальнѣйшаго существованія той крѣпостной кабалы, изъ которой не выходила деревня со времени пресловутаго „освобожденія“, и констатированію безсилія самодержавія въ попыткахъ „реформъ“. Quieta non movere — не трогать существующаго, таковъ законъ его самосохраненія. Оно не можетъ уже медленно, постепенно самоупраздниться путемъ реформъ сверху; оно должно быть упразднено снизу.

И если самодержавіе такъ опасается всего „новаго“, такъ боится притронуться къ тому, что существуетъ, такъ дрожитъ предъ всякимъ рѣшительнымъ толчкомъ, то можно себѣ представить ту роль, которую сыграетъ въ его судьбахъ колоссальная встряска всѣхъ устоевъ русской жизни войной на Дальнемъ Востокѣ!

ПОДЪ ШУМЪ ВОЙНЫ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется этотъ гипнозъ: люди противоположныхъ воззрѣній, патріоты кнута и борцы революціи, разноцвѣтные политики и безцвѣтная обывательская масса, — съ различными чувствами, но съ одинаковымъ волненіемъ — хватаются изо дня въ день за газетный листъ, приносящій извѣстія съ „театра военныхъ дѣйствій“.

На этомъ „театрѣ“ разыгрывается драма ослѣпительной яркости, міроваго значенія. Тамъ косится жизнь, и безмѣрно растетъ каждый часъ гекатомба человѣческихъ тѣлъ. Тамъ, помимо сознанія „героевъ“, разрубается старый узелъ русской исторіи и завязываются новые узлы. Событіе за событіемъ ударяетъ по нервамъ, и утомленное вниманіе, не замѣчая, проходитъ мимо подавленнаго стона, задушеннаго крика — на родинѣ. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ крикъ, этотъ стонъ въ общемъ шумѣ войны, въ многотысячномъ хорѣ надеждъ, опасеній, проклятій, которыя несутся ей вслѣдъ. Глазъ напряженно слѣдитъ за тѣмъ, куда идутъ полки на ляотунгскомъ полуостровѣ, и не видитъ — передвиженія тѣхъ штатскихъ людей, которые подъ охраной общественнаго невниманія свободнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, творятъ свое обычное дѣло. Они творятъ его лихорадочно-спѣшно, они „ловятъ моментъ“, быть можетъ, послѣдній, который предоставилъ въ ихъ распоряженіе режимъ угасающаго самодержавія; моментъ, когда жизнь — подъ нависшими тучами войны — какъ будто замерла, въ ожиданіи событій, когда накопляющіяся неудачи не успѣли еще сложиться въ политически грозный итогъ, и „патріотизмъ“ не обернулся своимъ тыломъ къ „властямъ предержащимъ“, когда обыватель пока еще только вполголоса выражаетъ свое удивленіе „неожиданному“ фіаско русскаго оружія, когда либералъ не знаетъ, кричать ли ему „ура“ или почтительно докладывать о желательности конституціи, когда революціонеръ никакъ еще не можетъ собраться привести въ порядокъ свои „домашнія“ дѣла, и пробуждающееся сознаніе массъ встрѣчаетъ такъ мало организаціонной поддержки.

Въ эту то „страдную пору“ штатскимъ людямъ привольно совершать военные побѣги, производить диверсіи, брать одну за другой позиціи у непріятеля.

Непріятеля! У нихъ есть *свой* непріятель, исконный, „наслѣдственный“ врагъ, съ которымъ ведется борьба вотъ уже цѣлыя десятилѣтія, — революціонный интеллигентъ, сознательный рабочій. Съ ними давніе счеты, для нихъ про запасъ всегда имѣется лишняя пуля у „молодца фанагорійца“, всегда найдется свободное мѣсто — за семью замками, всегда къ услугамъ — даровой проѣздъ въ гиперборейскія страны. Это — старая исторія, занимающая публику порой, какъ интересный романъ, какъ

страшная сказка, слышанная когда-то въ дѣтствѣ, надъ кровавыми эпизодами которой проливались слезы и подъ звуки которой такъ сладко засыпалось!.. Старая исторія, захватывающая только тогда, когда къ ней начинаютъ примѣшиваться раскаты массового движенія, и лишь щекочущая обывательскіе нервы,— во всѣхъ прочихъ случаяхъ!

Неудивительно поэтому, если теперь, особенно теперь проходятъ незамѣченными несчетные подвиги маленькихъ наполеоновъ провинціи надъ непокорной ссылкой, подвиги, отчеты о которыхъ за послѣдніе мѣсяцы заполнили собой столбцы нелегальной печати. Тюремныя голодовки, походы Кутайсова, романовскій разстрѣлъ въ Якутскѣ — все, вѣдь, это въ порядкѣ вещей: революціонеру полагается претерпѣвать, штатскимъ людямъ — надъ революціонеромъ измываться. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ обыватель, но не совсѣмъ такъ, вѣроятно думалъ-бы онъ, — если-бы въ ушахъ его не стоялъ шумъ войны, — о той непринужденности, съ которой творится въ переживаемый нами моментъ иного рода расправа. Дѣло уже идетъ не объ отщепенцахъ современнаго общественнаго строя, не они кладутся подъ всеуравнивающій прессъ самодержавной машины, нѣтъ — сокрушаются „отцы“, сокрушаются „дѣти“, сокрушаются полноправные члены той соціальной семьи, которая не сегодня-завтра возьметъ въ свои руки судьбы обновленной Россіи. „Умѣренные“ „отцы“ и самые подлинныя дѣти!

Какихъ нибудь два года назадъ объ этихъ „отцахъ“ мечтательно вздыхалъ Петръ Струве, тщетно пытаясь приноровить къ ихъ вкусамъ свою редакціонную profession de foi, и на нихъ же загадочно покоился взоръ всемогущаго Плеве, не столько грозя, сколько суля имъ что-то. Въ то благодатное время свободомыслящій предводитель дворянства былъ чѣмъ-то вродѣ jeune premier политической сцены, а съ заправилой московскаго съѣзда, г. Шиповымъ, какъ съ представителемъ земщины, велись дипломатическіе разговоры и переговоры въ министерскомъ кабинетѣ. Казалось, сила идетъ, передъ которой придется многому посторониться: недаромъ, въ великой тревогѣ метался „гражданинъ“ Мещерскій, даже во снѣ отгоняя отъ себя навязчивые образы Стаховича и Шипова... Еще въ пресловутомъ манифестѣ отъ 26-го февраля слышатся отдаленные звуки этихъ прежнихъ „бесѣдъ“... И вдругъ, какой поворотъ! — въ земскихъ рядахъ было мертвенно тихо въ тотъ день, въ тотъ день настоящей весны, когда знаменитый предсѣдатель управы вылеталъ за бортъ излюбленнаго имъ корабля, какъ негодная ветошь.

И почти въ то же самое время властная рука ложилась на плечи общеземской организаціи „помощи больнымъ и раненымъ воинамъ“ и, не стѣсняясь, ставила точку — земскому патріотизму.

„Изъ князей въ грязи“! — сила стала безсиліемъ, миражъ разлетѣлся какъ дымъ!

И однако, нельзя сказать, чтобы редакторъ „Освобожденія“ или полновластный россійскій министръ такъ-таки промахнулись въ своей старой оцѣнкѣ значенія либерально умѣренной, умѣренно-вѣрноподданной земщины. Что два года назадъ, въ эпоху московскаго съѣзда, уѣздныхъ комитетовъ и появленія на свѣтъ такъ называемой „конституціонной партіи“, „умѣренные отцы“ являли собой величину, съ которой приходилось считаться, это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что теперь патріотствующіе, швыряющіеся милліонами „отцы“ представляютъ тотъ политическій нуль, который безъ труда можно скинуть со счетовъ.

Но откуда сіе? Какая фея исторіи подшутила надъ этими почтенными, надъ этими солидными людьми, произведя ихъ въ „калифы на часъ“? — Массовое движеніе, читатель, то самое движеніе, которое они ненавидятъ и боятся едва ли не больше ударовъ административнаго „воздѣйствія“, движеніе, волны котораго, а не что либо другое, выплеснули ихъ на крыльцо самодержавнаго временщика. Чѣмъ выше вздымались эти волны, грозя смыть обветшалое зданіе, тѣмъ податливѣе становились хозяева зданія, тѣмъ важнѣе казалась имъ роль доброхотнаго пособничества, тѣмъ выше оцѣнка его, тѣмъ крупнѣе его будущій эквивалентъ.

Партія-бyфферъ, партія „отцовъ“ *всплывала на поверхность* общественной жизни, *сіяя отраженнымъ свѣтомъ* — о, *иронія* судьбы! — ненавистнаго революціоннаго *солнца*! Но стоило только на время ослабнуть горячимъ лучамъ этого солнца, чтобы исчезъ весь налетъ великолѣпія съ паразитствующей „партіи“, чтобы потерянъ былъ смыслъ ея политическаго существованія. Даже пѣнокъ не сумѣла она снять съ тѣхъ сливокъ, которыя ей взбилъ въ свое время пролетарскій революціонный подъемъ, какое же значеніе *могла* она имѣть въ настоящій историческій антрактъ, когда въ воздухѣ висѣлъ патріотическій угаръ, когда массы *притаились*, а съ Востока, не переставая, доносился оглушающій шумъ громадной, свирѣпой свалки. Она была ненужна, и штатскіе люди расправились съ ней, легко и свободно. А наркотизированное „патріотизмомъ“ „общество“ даже и не пикнуло, — если, впрочемъ, не считать инцидента въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

„Общество“ молчало. Оно молчало даже и тогда, когда „боевой“ генералъ „герой“ русско турецкой компаніи и сподвижникъ финляндскаго Бобрикова, тотъ самый, что, по словамъ одной газеты, всегда приглашался туда, гдѣ необходимо было что либо предпринять по военному, откровенно объявлялъ — на манеръ Святослава: иду на васъ, иду на дѣтей, на вашихъ дѣтей, россійское общество!

Воспитаніе „въ идеѣ безпредѣльной преданности царю и отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка“ — старыя слова, и мы недавно еще слышали ихъ въ высочайшемъ рескриптѣ, написанномъ Мещерскимъ и подписанномъ царемъ, — для Зенгера, но эти старыя слова пріобрѣтали новый смыслъ въ устахъ министра-„рубаки“, произнесшаго ихъ, принимая въ свои руки бразды отечественнаго „просвѣщенія“. Они означали, что теперь штатскіе люди меньше, чѣмъ когда бы то ни было, хотятъ отступиться отъ той головоломной задачи, надъ рѣшеніемъ которой только что свихнулся предтеча г. Глазова, что они готовы идти на проломъ, чего бы это ни стоило, только бы взять въ концѣ концовъ давно лелѣянный призъ — душу русскаго дитяти. Объ этой „душѣ“ и о способахъ ея уловленія много лѣтъ уже мечутъ жребій бюрократы всѣхъ толковъ. Латинскій языкъ или патріотическое отечествовѣдѣніе, сердечное попеченіе или хроническая „вселенская смазь“ — все это лишь отдѣльныя главы одной длинной-предлинной повѣсти о томъ, какъ штатскій человѣкъ напрасно ходилъ по душу русскаго ребенка. Между г. Глазовымъ и тѣми, кто шелъ до него, разница лишь въ томъ, что его предшественники никогда еще эту задачу не рѣшались выставлять на показъ въ такой свободной отъ покрововъ, такой оголенной формѣ. Къ чему говорить о научныхъ системахъ, о педагогической мудрости, надо просто изъ ребячьей души сдѣлать вяленную воблу, а остальное — приложится! Это языкъ того историческаго момента, когда „штатскій“ человѣкъ увидалъ, что онъ можетъ все, что ему нечего бояться, что „общество“ слишкомъ „патріотично“, чтобы встать на защиту попранной дѣтской души. Но и сама воспитательная задача никогда еще такъ властно, какъ теперь не надвигалась на штатскихъ людей. Дѣло въ томъ, что никогда еще школьникъ не былъ въ такой степени „героемъ своего времени“, никогда еще онъ не былъ такъ въ центрѣ вниманія этихъ людей. Каковы бы ни были причины, но не подлежитъ сомнѣнію: за истекшій политическій годъ гимназистъ оттѣснилъ студента. Онъ создалъ *свои* организаціи, онъ сталъ демонстрировать, онъ началъ писать, онъ подошелъ вплотную къ борьбѣ съ настоящимъ режимомъ. И вѣнцомъ своего торжества онъ можетъ назвать — г. Глазова. Если три года назадъ Ванновскій явился въ отвѣтъ на движеніе студентовъ, то военный генералъ есть безспорный продуктъ его — гимназиста — „политика“.

Подъ непрестанный шумъ далекой войны, этотъ финляндскій герой и сокрушитель правовѣрныхъ будетъ теперь — между школьныхъ партъ — пожинать свои побѣдные лавры...

Такова — трагикомедія русской дѣйствительности.

СКАНДАЛЪ ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СЕМЕЙСТВѢ.

Какъ извѣстно, Россія еще „не созрѣла“ ни для конституціи, ни для свободы печати, ни даже для свободы отъ тѣлеснаго наказанія. Но за то она уже достаточно созрѣла для того, чтобы каждое крупное политическое событіе въ ея жизни означало — скандалъ для „верхнихъ десяти тысячъ“, для тѣхъ, кто считаетъ себя вправѣ говорить: мы — Россія.

Въ этомъ отношеніи, мы — при всей нашей „самобытности“ — какъ нельзя болѣе „европейцы“. Ни взятія Бастиліи, ни мартовскихъ дней мы еще не переживали, но Панама (Мамонтовъ!) не дожидалась конституціи, чтобы разразиться въ Россіи, а „величайшее мошенничество“ вѣка крупныхъ мошенничествъ — дѣло Терезы Эмберъ — давно превзойдено на берегахъ Невы эпопеей „свободной наличности“.

И было бы странно, если бы столь современная война, какъ нынѣшняя война изъ за лѣсныхъ концессій г. Безобразова, если бъ такая война не сопровождалась крупнѣйшими скандалами, притомъ скандалами съ европейскимъ „запахомъ“. Истинно-русскіе скандалы, вродѣ расхищенія денегъ Краснымъ Крестомъ, вродѣ назначенія однимъ изъ „хранителей“ народныхъ пожертвованій одного изъ немногихъ мундирныхъ воровъ, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ, бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, — вродѣ исчезновенія цѣлой артиллерійской батареи, числившейся на бумагѣ, стоимость которой осталась въ карманахъ „отцовъ-командировъ“, — всѣ *такіе* скандалы не могутъ служить мѣриломъ россійскаго прогресса: ихъ знали и „крымская кампанія“, и война „за освобожденіе славянъ“. Не новость и разоблачающіеся то тамъ, то сямъ, грабительскіе подвиги подрядчиковъ, спекулянтовъ и всякаго рода чиновныхъ и „приватныхъ“ шакаловъ интендантства. Правда, патріотическій беллетристъ Охотнаго ряда — г. Немировичъ-Данченко, увѣряетъ, что на нынѣшнемъ театрѣ войны „что-то не замѣчается“ „волшебныхъ людей“, „чудотворцевъ провіантскаго ордена“, изъ тѣхъ, что въ 1877 году, по его словамъ „съ нагайкой и конвоемъ казаковъ налеталъ на болгарскія стада, отбивалъ ихъ и, возвращаясь домой Георгіемъ Побѣдоносцемъ, немедленно садился составлять вѣдомость купленному для арміи скоту съ обозначеніемъ цѣнъ болѣе вдохновенныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ“. Но, вѣдь, и то сказать о подвигахъ этихъ „чудотворцевъ“ 1877 г. патріотическій беллетристъ удосужился разсказать намъ только теперь, а въ то время онъ также только безсмысленно кричалъ „ура“ по случаю „освободительной миссіи Россіи“ на Востокѣ Балканскомъ, какъ теперь воспѣваетъ такую же миссію на Востокѣ Манчьжурскомъ. Такъ что — почемъ знать? — не повѣдаетъ ли намъ г. Немировичъ ко времени будущей какой нибудь войны о вновь обрѣтенныхъ имъ въ Манчьжуріи „чудотворцахъ“, которыхъ онъ пока „что-то не замѣчаетъ“ въ то самое время, какъ ихъ очень даже замѣчаютъ изумляющіеся ихъ наглости и алчности нѣкоторые корреспонденты иностранныхъ газетъ (напр., достаточно рабски преданный самодержавію корреспондентъ парижскаго Journal) и особенно — китайское населеніе.

Такъ или иначе, а не въ этой области русскому „обществу“ можно было проявить признаки сдѣланнаго за четверть вѣка прогресса. Въ области пѣнкоснимательства первобытнаго послѣднее слово уже сказано. И „мы“ оказались бы плохими учениками „гнилого Запада“, если бы первая же „колоніальная“ война, которую намъ привелось повести, не застала „насъ“ на высотѣ самаго современнаго пѣнкоснимательства.

„Чумазый“ ставилъ пудовую свѣчу за здравіе христолюбиваго воинства, жертвовалъ сотнягу и шелъ грабить солдата на гнилыхъ сухаряхъ и картонныхъ подошвахъ. Современный европейскій крупный буржуа терроризируетъ своимъ „патріотическимъ“ неистовствомъ общественное мнѣніе, поддерживаетъ и направляетъ „міровую политику“ мірового грабежа и обирательства, содѣйствуетъ вовлеченію своего дорогого отечества въ разорительную и кровопролитную войну — и въ то же самое время сбываетъ „врагу“ на выгодныхъ условіяхъ пушки и другіе боевые снаряды и ссужаетъ ему за хорошій процентъ деньги.

Наша крупная буржуазія ограждена отъ соблазна поставки *японцамъ* пушекъ и военныхъ судовъ — слишкомъ дрянными и дорогими снабжаетъ она отечественную армію и флотъ. Но есть одинъ товаръ, который и въ ея рукахъ имѣетъ ту же цѣнность, что и во всемъ мірѣ, — товаръ, который она не можетъ испортить, потому что не она его „производитъ“. Этотъ товаръ — деньги. И было бы странно, если бы въ ея рядахъ не нашлось охотника спекулировать на японскую побѣду — на предпріятіе, обѣщающее капиталу надежную прибыль.

Деньги не знаютъ отечества. Ubi bene—ibi patria (гдѣ хорошо, тамъ и отечество) — былъ искони девизъ денежнаго капитала, этого самаго революціоннаго изъ современныхъ факторовъ буржуазнаго прогресса, этого самаго циничнаго и безпощаднаго разлагателя всѣхъ соціальныхъ и моральныхъ устоевъ нашего лучшаго изъ возможныхъ міровъ. Привлекаемое запахомъ легкой добычи — человѣческаго пота и крови, кристализующихся въ процентѣ, — золото всегда умѣло пробиться черезъ всѣ препятствія моральнаго свойства, начиная отъ десяти заповѣдей Моисеева закона и кончая новѣйшей заповѣдью буржуазнаго патріотизма.

Недаромъ ядовитые японцы послѣ первой побѣды надъ русскими послали сердечное привѣтствіе своимъ учителямъ — нѣмецкимъ инструкторамъ, — тѣмъ самымъ, которые — если имъ вѣрить — рвутся теперь въ бой помочь Россіи противъ „желтой опасности“. А помощь военными инструкторами есть одинъ изъ видовъ тѣхъ политическихъ услугъ, посредствомъ которыхъ у „некультурныхъ“ народовъ буржуазія покупаетъ новые пути для эксплуатаціи.

Деньги не знаютъ отечества. Или, вѣрнѣе, они знаютъ его въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — но всѣ эти виды могутъ быть сведены къ одному: деньги знаютъ отечество только, какъ объектъ эксплуатаціи. Но здѣсь отечеству приходится передъ лицомъ бога-капитала конкуррировать съ другими возможными объектами эксплуатаціи. И когда эксплуатація „врага отечества“ сулитъ больше %, чѣмъ эксплуатація своего отечества, — въ выборѣ не можетъ быть колебанія.

Неудивительно, поэтому, если, по разсказамъ „С.П.Б. Вѣдомостей“, среди московскихъ финансистовъ „ходкой“ бумагой сталъ... послѣдній японскій заемъ.

„Бумага, видите ли, выгодная, даетъ $7\frac{1}{2}$ % и гарантирована такимъ солиднымъ предметомъ, какъ японскія таможни“.

Увы! — прибавимъ мы — она гарантирована еще болѣе солиднымъ „предметомъ“ — японской *конституціей*. Царское самодержавіе, опираясь на денежную помощь французскихъ буржуа, можетъ оплачивать своихъ кредиторовъ всего 5%, а чутье нашихъ капиталистовъ подсказываетъ имъ, что пришедшій къ экономическому и политическому банкротству отечественный режимъ не можетъ имъ *ничего гарантировать*... Мудрено ли, если ищущій, „гдѣ глубже“, капиталъ предпочелъ обирать японскаго пролетарія изъ $7\frac{1}{2}$%, чѣмъ благодѣтельствовать русскаго мужика изъ пяти и если, по словамъ редактора „С.П.Б. Вѣдом.“, „*восьмая часть* японскаго займа была покрыта Москвой“.

„Москва, братъ, умная“, передаетъ одинъ петербургскій разговоръ та же газета, „...тонкій народъ!.. Вотъ это размахъ — одной рукой пожертвовалъ грошъ, а другой — нажилъ на этой жертвѣ милліонъ... Вотъ это, братъ, по московски! Наживутъ милліоновъ десять на спинѣ русскаго солдата, а потомъ сто тысячъ на Красный Крестъ пожертвуютъ, да на всю Россію объ этомъ широкой глоткой рявкнутъ“.

Разоблаченный „Пет. Вѣд.“ скандалъ вывелъ изъ себя лейбъ-органъ московскихъ толстосумовъ. „Моск. Вѣд.“ клокочутъ отъ избытка патріотическаго негодованія, требуя *смертной казни* для виновниковъ „измѣны“, если разоблаченіе окажется вѣрнымъ, и тяжкой кары для Столыпина (а заодно и передачи Грингмуту субсидіи, получаемой имъ), если оно окажется клеветой. Немедленное вмѣшательство прокуратуры для раскрытія истины! вопитъ Катковскій наслѣдникъ.

Прокуратуры! Шутники вы, господа! Какой прокуратуры? Той самой, что „раскрывала истину“ по дѣлу Золотовой, той самой, что обнаруживала виновниковъ кишиневской рѣзни, той, что лжесвидѣтельствовала въ сотняхъ политическихъ и рабочихъ процессахъ, что обѣляла Кривошеиныхъ, Клейгельсовъ и слѣдовала слѣпо инструкціямъ Муравьевыхъ? *Эта* прокуратура откроетъ намъ тайны московскихъ банкировъ, *она* намъ поможетъ вскрыть, какая связь существуетъ между воинствующимъ патріотизмомъ и запродажей отечества его побѣдоносымъ врагамъ?

Полноте, господа! *Ваше* правосудіе сумѣетъ не замѣтить того, что могло бы скомпрометировать почтенную семейку, такъ грубо оскандаленную г. Столыпинымъ! Нескромный взоръ недреманнаго ока рисковалъ бы рядомъ съ японской облигаціей увидѣть — документы той Безобразовско Алексѣевско-Романовской компаніи „для всеобщаго обирательства“ въ Кореѣ, которая сыграла такую роль въ подготовкѣ нынѣшней войны.

Нѣтъ! не въ интересахъ казеннаго правосудія отыскивать нити и корни этого скандала. И практичное правительство сумѣетъ его использовать такъ, какъ оно использовало имъ же самимъ пущенные слухи о помощи Японіи со стороны капиталистовъ еврейскихъ. Оно побудитъ московскихъ капиталистовъ развязать свою мошну, чтобы загладить крупными пожертвованіями на войну впечатлѣніе отъ этой исторіи. Почемъ знать? — быть можетъ, г. Столыпинъ и въ этомъ случаѣ сыгралъ роль агента-провокатора г. Плеве, изыскивающаго новые и новые объекты для патріотическаго шантажа?[1])

Строгая блюстительница добраго имени „первопрестольной столицы“ отлично понимаетъ, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ и что отъ страшнаго слова („смертная казнь!“) московскому капиталу ничего не станется. Что ее возмущаетъ — это „мораль“ на Москву, пущенная, на потѣху Европѣ, со столбцовъ петербургскаго офиціоза. И, внѣ себя отъ злобы за разглашеніе коммерческой тайны, „истинно-русская“ газета раскрываетъ коварную петербургскую интригу, вспоминая традиціонный антагонизмъ новой и старой столицы. Памятуя, что нѣтъ лучшаго средства затушить скандалъ, какъ скандаломъ же, спеціалистъ-доносчикъ московской газеты, Spectator, въ свою очередь, пускается разоблачать. „Сколько разъ намъ приходилось выслушать, при встрѣчахъ даже съ добрыми знакомыми въ Петербургѣ, слѣдующій, почти стереотипный, иронический вопросъ:

„Ну, что у васъ тамъ въ Москвѣ? Небось, восторгаются „славными подвигами“ нашей арміи и флота? Москва, вѣроятно, не унываетъ и все еще вѣритъ въ „неприступность Портъ-Артура и въ „геніальность“ Куропоткина?.. Ну, что вы, московскіе патріоты, вы еще предаетесь всякимъ тамъ мечтамъ о „великой миссіи“ Россіи на Дальнемъ Востокѣ?“ и т. д.

Такъ вотъ какіе, если вѣрить „Моск. Вѣд.“, разговоры теперь въ ходу у патріотовъ петербургскаго „общества!“ Старайтесь, господа, старайтесь! Выкладывайте, о чемъ говорится и что дѣлается у васъ дома! Знаніе этого можетъ быть только полезно народу.

Воинствующій патріотизмъ финансистовъ, начинающій съ „исторической миссіи Россіи“ и кончающій ссудой японскому правительству; такой же патріотизмъ бюрократовъ, на оборотной сторонѣ котораго написана насмѣшка надъ глупостью тѣхъ, кто вѣритъ въ эту самую „миссію“; прибавьте къ этому „либераловъ“, хорошо знающихъ, кому нужна эта военная авантюра и въ то время кричащихъ: „заложимъ женъ и дѣтей“; не забудьте и „демократовъ“, заранѣе учитывающихъ будущія конъюнктуры и восклицающихъ: „да здравствуетъ армія“... вотъ они, тѣ элементы, которые будутъ задавать политическій тонъ въ готовящейся вылупиться конституціонной Россіи...

Если „лишенный отечества“ пролетаріатъ не сумѣетъ стать во время на стражѣ и наложить свою руку на „столповъ общества“ — старыхъ и новыхъ — не миновать русскому отечеству быть проданнымъ съ молотка! — вотъ единственная мораль раскрытаго г. Столыпинымъ скандала въ благородномъ семействѣ.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ „СОЦІАЛИСТОВЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ“[2]).

Партію „соціалистовъ-революціонеровъ“ можно поздравить: она нашла себѣ естественныхъ союзниковъ въ лицѣ армянскихъ націоналистовъ, органомъ которыхъ является „Дрошакъ“, и грузинскихъ націоналистовъ изъ „Сакартвело“. О заключеніи съ ними „тѣснаго союза“ оповѣщаетъ насъ „Рев. Россія“ въ послѣднемъ своемъ 46-омъ номерѣ.

Всѣмъ извѣстно, какъ кровно обидѣлись на насъ соціалисты-революціонеры, когда нашъ съѣздъ, въ извѣстной резолюціи, отмѣтилъ, что „только дѣятельность, направленная на объединеніе пролетаріата въ вполнѣ самостоятельную политическую силу, вноситъ соціалистически-революціонное содержаніе въ борьбу съ абсолютизмомъ“, что „соціалисты-революціонеры теоретически и практически противодѣйствуютъ усиліямъ соціальдемократовъ въ этомъ направленіи, стараясь, наоборотъ, удержать рабочихъ въ состояніи политически безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи“, и когда на этомъ основаніи и въ этомъ смыслѣ, съѣздъ констатировалъ „что соціалисты-революціонеры являются не болѣе, какъ буржуазно-демократической фракціей“. Новый союзъ „Революц. Россіи“ съ вышеупомянутыми органами даетъ намъ лучшее средство обнаружить несостоятельность претензій соціалистовъ-революціонеровъ на званіе соціалистической партіи. Для этого стоитъ только снять маску съ ихъ новыхъ союзниковъ, которыхъ они привѣтствуютъ, какъ „нашихъ товарищей“, и обнаружить ихъ дѣйствительную анти-соціалистическую физіономію.

Сдѣлать это по отношенію къ „армянскимъ товарищамъ“ („Дрошакистамъ“) тѣмъ легче, что они сами не скрываютъ своего буржуазнаго характера. Напротивъ, они всегда говорили, что преслѣдуютъ чисто націоналистическую цѣль и, для ея достиженія, желаютъ объединить *всѣ классы населенія* подъ общимъ знаменемъ. И первый шагъ армянскихъ соціальдемократовъ на Кавказѣ, старавшихся организовать рабочихъ-армянъ на почвѣ борьбы съ буржуазіей, былъ шагомъ борьбы съ „Дрошакистами“, которые смотрѣли на армянскихъ рабочихъ, какъ на свою монопольную собственность, и всячески оберегали ихъ отъ соціализма. Но когда они увидѣли, что армянскіе рабочіе массами отпадаютъ отъ нихъ и переходятъ въ лагерь соціальдемократіи, они рѣшили перемѣнить фронтъ и внести въ свою программу такія заплаты, при помощи которыхъ имъ можно было бы удержать рабочихъ въ своихъ рядахъ. Это рѣшеніе, принятое на послѣднемъ ихъ конгрессѣ и напечатанное въ „Рев. Россіи“, гласитъ такъ[3]): „Рабочія группы „федераціи“ (т. е. Дрошакистовъ) въ предѣлахъ заводовъ и фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, участвуютъ во всѣхъ рабочихъ стачкахъ и волненіяхъ, которыя связаны съ вопросами объ общей участи рабочихъ *на этихъ заводахъ* и *фабрикахъ*. Что же касается до демонстрацій внѣ фабрично-заводской жизни, каковыя могутъ быть предложены группамъ „Федераціи“ со стороны другихъ партій, но *поводъ* къ которымъ и *цѣль* которыхъ могутъ быть *разнообразны*, то вопросъ объ участіи группъ въ такихъ демонстраціяхъ *предоставляется* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію „Отвѣтственнаго Комитета“[4].)

Итакъ, „общая участь рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, и связанныя съ этою участью „стачки и волненія“ совсѣмъ не

---

[1]) Правда, „Пет. Вѣд.“, получили предостереженіе, но передъ этимъ они успѣли, въ отвѣтъ „Моск. Вѣд.“, сослаться на поддержку, оказанную имъ... органомъ минист. иностр. дѣлъ „Journal de S. Petersbourg.

[2]) Доставленная еще къ предыдущему №, эта статья была нами отложена за недостаткомъ мѣста. *Ред.*

[3]) „Революціонная солидарность“ № 46. Курсивъ нашъ.

[4]) Эта организація націоналистовъ въ Россіи извѣстна подъ именемъ „Комитета самообороны“.

интересуютъ „Армянскую Рев. Федерацію“. Да и „что она Гекубѣ, что Гекуба ей?“ Здѣсь рабочимъ позволяютъ быть солидарными съ ихъ классовыми товарищами. Другое дѣло—демонстраціи съ какими-то неизвѣстными цѣлями, демонстраціи, могущія „быть предложенными со стороны другихъ (какихъ?) партій“. Тутъ-то и лежитъ центръ тяжести вниманія „федераціи“, тутъ рабочіе обязуются *подчиняться* „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію „Отвѣтственнаго Комитета“ дрошакистовъ и дѣйствовать не подъ знаменемъ своей *классовой* политики, а подъ обще національнымъ знаменемъ.

Охарактеризовавъ такъ откровенно свою буржуазную „политику“, „дрошакисты“, никогда — къ чести ихъ будь сказано — не напяливавшіе на себя маску соціализма, въ спеціальной резолюціи спѣшатъ указать на интимное свое родство съ партіей соц.-революціонеровъ. „Общее собраніе, — говоритъ резолюція. — предлагаетъ „Кавказскому Отвѣтственному Комитету“ партіи и провинціальнымъ Комитетамъ стремиться къ установленію солидарности съ другими революціонными организаціями, борющимися на Кавказѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, причемъ среди нихъ *спеціально указываетъ* на русскую „партію соціалистовъ-революціонеровъ“, которая, какъ по *теоретическому своему міровозрѣнію,* такъ и по *тактикѣ борьбы* наиболѣе соотвѣтствуетъ общему духу нашей программы, и на грузинскую партію (?) „Сакартвело“. (ib. курсивъ вездѣ нашъ). Итакъ, „теоретическое міровозрѣніе“ соц.-революціонеровъ „наиболѣе соотвѣтствуетъ“ буржуазной программѣ армянскихъ націоналистовъ — заявляютъ эти послѣдніе. И вмѣсто того, чтобы протестовать противъ такой характеристики, „Рев. Россія“ пишетъ: „Горячо привѣтствуемъ эти резолюціи армянскихъ товарищей“ и т. п. Почему же „Рев. Россія“ такъ горячо протестуетъ, когда мы говоримъ, что ихъ теоретическая позиція „наиболѣе соотвѣтствуетъ“ идеологіи буржуазіи?

„Рев. Россія“ этимъ не удовлетворилась и заключила другой, еще болѣе „тѣсный союзъ“ съ грузинскими націоналистами.

По словамъ газеты — „конференція“ была созвана „по иниціативѣ органа „Сакартвело“, этотъ органъ былъ объявленъ органомъ „конференціи“. Поэтому, прежде чѣмъ охарактеризовать „конференцію“, необходимо выяснить характеръ самой газеты „Сакартвело“. Дѣйствительно-ли это соціалистическій органъ, какъ это утверждаетъ „Рев. Россія“?[1])

„Сакартвело“ въ первомъ же своемъ номерѣ заявляетъ слѣдующее: „Наша политическая концепція — національная автономія, посредствомъ которой мы можемъ защищать нашу національность. Кромѣ того, самоуправленіе намъ даетъ возможность радикально измѣнить наше экономическое положеніе: нужно уничтожить остатки крѣпостного права, узаконить организаціи трудящагося народа, придать стачкамъ законный характеръ и постепенно поднять экономическій бытъ нашего народа. Такимъ образомъ, на нашемъ знамени значится два слова: національное самоуправленіе и демократія“ (№ 1 стр. 5).

Какъ видите, программа газеты — чисто буржуазная: она цѣликомъ стоитъ на почвѣ капиталистическихъ отношеній и выставляетъ требованіе лишь нѣкоторыхъ жалкихъ либеральныхъ реформъ.

Какими средствами можно осуществить намѣченную программу? спрашиваетъ „Сакартвело“ и отвѣчаетъ: „Цѣль борьбы — пріобрѣтеніе національной автономіи. Слѣдовательно, *одинъ отрядъ* долженъ быть составленъ изъ всѣхъ тѣхъ борцовъ, которые желаютъ добыть эту автономію. Кто же эти борцы?“ Это, во первыхъ, „смѣлые дворяне“, которые „воспользуются своими дворянскими правами и открыто скажутъ, что Грузія не можетъ остаться губерніей Россіи. что для возрожденія грузинскаго народа необходимо предоставить Грузіи самоуправленіе, согласно трактату царя Ираклія и потребностямъ современной жизни. Когда на дворянскихъ собраніяхъ будутъ дебатироваться подобные вопросы, тогда, только тогда выполнитъ *наше дворянство* свою обязанность передъ страной и этою смѣлостью возвратитъ народу маленькую часть своего долга. Эти дворяне не сегодня, завтра должны появиться и въ своемъ кругу подготовятъ почву для новой политической жизни“; во вторыхъ, „грузинскіе *епископы* и *священники*“, которые „энергично защитятъ грузинскій языкъ для употребленія въ школахъ и церквахъ. Тогда они въ своемъ кругу, въ сферахъ своего вліянія и дѣятельности заложатъ фундаментъ національнаго возрожденія и тѣмъ войдутъ въ составъ той передовой арміи, на знамени которой выставлены національное самоуправленіе и независимость. Грузія ждетъ появленія этихъ лицъ и они, если не сегодня, то завтра, должны появиться“. Въ третьихъ, „смѣлая *интеллигенція*“, въ самосознаніи которой „въ послѣднее время совершился радикальный переворотъ“, но которой не достаетъ рѣшительности: „Пора выступить нашимъ литераторамъ, юристамъ, врачамъ, педагогамъ и на юридическихъ литературныхъ, медицинскихъ и педагогическихъ собраніяхъ заявить всю правду о положеніи Грузіи и провозгласить необходимость самодѣятельности“. Въ четвертыхъ, *студенчество,* которое теперь „теряется въ океанѣ русскаго движенія“. Въ пятыхъ, *крестьянство,* которое необходимо убѣдить въ томъ. что „реорганизацію землевладѣнія у насъ можетъ произвести только будущее національное собраніе, составленное изъ представителей народа“; и, въ шестыхъ, „грузинскій рабочій“, который, „какъ и грузинское студенчество. долженъ внести въ общерусское движеніе свой оттѣнокъ, свою идею... Но мы искренно огорчены тѣмъ, что въ средѣ нашихъ рабочихъ еще не выработалась ихъ собственная физіономія, собственное направленіе. Кавказская соціальдемократія должна имѣть эту собственную физіономію[2]), собственное направленіе, такъ какъ та почва, на которой она живетъ, выдвинула особые интересы“ (№ 4, ст. 2-4).

Откровенно высказавшись за соединеніе всѣхъ классовъ и сословій, газета, однако, спохватилась: въ массѣ грузинскихъ рабочихъ уже живо классовое сознаніе, и она можетъ отвѣтить презрѣніемъ и негодованіемъ на откровенныя рѣчи „Сакартвело“. Надо и на пролетарскій ладъ затянуть пѣсенку. И вотъ, неожиданно газета въ той же статьѣ начинаетъ отрицать все то, что выше говорила: „мы не призываемъ, — пишетъ она — всѣхъ классовъ и сословій Грузіи для объединеннаго и совмѣстнаго дѣйствія. Такое объединеніе мы считаемъ невозможнымъ. Мы надѣемся только на объединеніе тѣхъ, которые откажутся отъ сословной и буржуазно-классовой почвы дѣятельности и свой умъ, свою нравственную и физическую силу употребятъ на освобожденіе грузинскаго народа“ (ib.).

Вотъ тебѣ и на! Сама же газета столько твердила объ объединеніи разныхъ сословій и классовъ, о составленіи изъ нихъ „одного отряда“, а теперь вдругъ все это признается ею чистой фантазіей! Она, оказывается, надѣется на тѣхъ, которые „откажутся отъ сословной и буржуазно классовой почвы дѣятельности“! Но такъ какъ отъ этой „почвы“ сама „Сакартвело“ не отказалось, напротивъ, вся ея физіономія этимъ характеромъ запечатлѣна, вся ея программа на этой почвѣ построена, то естественно ожидать, что ея примѣру послѣдуетъ вся ея „надежда“ — дирижирующіе классы. Само собою, логическая путаница „Сакартвело“ ихъ не обманетъ и собственными руками себѣ могилу рыть они не станутъ.

Очевидно, газета быстро теряетъ почву подъ ногами, какъ только покидаетъ свою чисто націоналистическую позицію и забирается въ чуждую ей область классовыхъ интересовъ и отношеній. Тутъ исканіе „средствъ борьбы“ вовлекаетъ „Сакартвело“ въ заколдованный кругъ, откуда она никакъ не можетъ выбраться. Будь это только случайное явленіе — не большая бѣда, но какъ разъ здѣсь то и начинается непроходимая чаща логическихъ противорѣчій; тутъ отсутствіе твердаго принципа дѣлается не менѣе твердымъ принципомъ газеты.

[1]) Подробному разбору, съ соціальдемократической точки зрѣнія, направленія „Сакартвело“ („Грузія“) посвящена отдѣльная грузинская брошюра подъ названіемъ „Грузинскіе націоналисты“.

[2]) По грузински сказано „мысль“. Стилистическія шероховатости нашего перевода — въ значительной мѣрѣ — продуктъ стилистическихъ недостатковъ грузинскаго текста.

Послѣ того, какъ она въ первыхъ четырехъ номерахъ ухаживала за господствующими классами, „Сакартвело“ рѣшила приласкать, наконецъ, и рабочихъ и этимъ завербовать и ихъ въ необходимый ей „одинъ отрядъ“. И вотъ газета начинаетъ разсуждать о „классовой борьбѣ“. Послѣ длинныхъ головоломныхъ разсужденій она объявляетъ: ну, да, борьба классовъ существуетъ! Признаніе это дѣлается, конечно, въ довольно стыдливой формѣ, въ тонѣ виноватости: что же, дескать, не наша вина, „спросите у нашего народа“. Робость газеты понятна, вѣдь, раздражать „господъ“ не такъ пріятно. Вѣдь, они могутъ спросить: какъ же это „Сакартвело“ благосклонно начинаетъ относиться къ рабочимъ, которые по ея же словамъ даже „собственнаго мнѣнія“ не имѣетъ? О, нѣтъ, это не вѣрно, говоритъ теперь газета: „народъ является защитникомъ національности, а не дворянство“, „народъ, и только народъ борется за національность, а не кто либо другой“, и т. д.

Оказывается, и грузинскіе рабочіе имѣютъ „собственное мнѣніе“. Мало того, это „мнѣніе“ какъ разъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ національной автономіи. А чтобы рабочіе не запротестовали, не стали возражать, что ихъ цѣль — не только національная автономія, а полное соціальное освобожденіе, „Сакартвело“ спѣшитъ заявить, что это все уже содержится въ понятіи „національная автономія“: „въ автономной Грузіи, — говоритъ она, — не должны имѣть мѣста сословія и классы. Автономія должна быть политической формой экономически уравненнаго народа“ (№ 5, стр. 3).

Такимъ образомъ, „Сакартвело“ цѣликомъ уничтожаетъ все то, что до сихъ поръ сама же писала объ автономіи. Неужели газета даже не знаетъ что такое автономія, т. е. не знаетъ „спеціальнаго предмета“ своей программы?

Съ другой стороны, хотя „Сакартвело“ и допускаетъ *существованіе* борьбы классовъ, но ея прогрессивной творческой роли не признаетъ. Напротивъ, она старается объ ослабленіи борьбы и о примиреніи борющихся сторонъ. И вотъ газета беретъ на себя роль „честнаго маклера“ грузинской національности. Она говоритъ: „Если дворянство и буржуазія, на самомъ дѣлѣ, заботятся о національности, пусть они пожертвуютъ своими частными интересами ради общаго дѣла. Способныхъ на такія жертвы мало? Что дѣлать! Другого пути нѣтъ; они должны быть или противъ народа (слѣдовательно, и противъ національности) или вмѣстѣ съ народомъ. И если они хорошо присмотрятся къ существующей экономической борьбѣ, то они увидятъ, что не такъ трудно имъ пойти по второму пути. Рабочіе и крестьяне испытываютъ теперь такую острую нужду, они добиваются удовлетворенія такихъ мелкихъ потребностей, что ихъ требованія легко пріемлемы... Такъ называемая программа минимумъ рабочей партіи такова, что для ея осуществленія вовсе не нужно вмѣшательства войска и правительства (?!?).... Если „передовые“ классы на самомъ дѣлѣ желаютъ служить національности, пусть они прежде всего не безпокоятъ (угнетаютъ?) народъ, пусть облегчаютъ народу борьбу съ русскимъ самодержавіемъ... Повторяемъ, если національность не пустой звукъ, ея дворянскіе и буржуазные поклонники прежде всего должны противостоять правительству и уступить народу въ томъ, чего народъ требуетъ отъ нихъ противъ воли правительства и, быть можетъ, противъ ихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ. Это невозможно? Въ такомъ случаѣ невозможно примиреніе классовъ. Если число такихъ дѣятелей будетъ мало, зато народа много“ (ib.).

Теперь судите сами, какое вавилонское столпотвореніе царитъ на страницахъ органа грузинскихъ націоналистовъ. Онъ умоляетъ господствующіе классы „уступить народу“ и эта фантазія настолько завладѣваетъ его умомъ, что онъ, въ концѣ концовъ, и программу-минимумъ рабочей партіи объявляетъ „легкопріемлемою“ и правительствомъ и буржуазіей.

Вы поражены, читатель? Вы, конечно, хотите замѣтить, что — какъ разъ наоборотъ — не только полное осуществленіе программы минимумъ немыслимо безъ жестокой энергичной борьбы противъ буржуазіи и ея правительства, *но* что и дѣйствительная автономія національности „безсмысленное мечтаніе“ *при* существованіи экономической эксплуатаціи и политическаго гнета въ современныхъ крупныхъ государствахъ. Но вы этимъ не удивите „Сакартвело“. Эта газета „Чего изволите?“ и сама готова вамъ преподнести такое именно заявленіе:

„У дядюшки Якова
Товара про всякаго“.

Да вотъ слушайте: „въ жизни политически (національно?) порабощеннаго народа внутренніе раздоры и несогласія всегда были и есть“ (слѣдовательно, примиреніе классовъ фантазія) пишетъ „Сакартвело“. И, обосновавъ это положеніе фактами изъ исторіи порабощенныхъ націй, газета продолжаетъ: „итакъ вопросъ о кускѣ хлѣба занимаетъ въ жизни первое мѣсто; значитъ, невозможно говорить о *возрожденіи національности,* до тѣхъ поръ, пока народъ не выпрямится, не разовьется свободно. А это случится только тогда, когда земля и фабрики перейдутъ въ общественную собственность. Жизнь двигается въ направленіи къ осуществленію этой справедливости, это неизбѣжно. И мы, по силѣ возможности, должны служить этой цѣли. Ибо только тогда, когда рабочій народъ сдѣлается владѣльцемъ средствъ производства, когда фабрика будетъ собственностью фабричныхъ рабочихъ и земля—собственностью земледѣльцевъ, только тогда осуществится въ жизни та экономическая справедливость, за водвореніе которой борется теперь все цивилизованное человѣчество. *И только тогда возродится и процвѣтетъ наша національность*“ (№ 7, стр. 1-2). Иными словами: всѣ хлопоты нашихъ сакартвельцевъ о „возрожденіи и процвѣтаніи“ грузинской національности въ рамкахъ существующаго строя не больше, какъ „плѣнной мысли раздраженіе“. Что и требовалось доказать.

Но если вы думаете, что на этомъ успокаивается скорбная мысль грузинскихъ націоналистовъ, что на этомъ прекращаются, наконецъ, безконечныя шатанія этой мысли, то вы горько ошибаетесь: лабиринтъ ихъ противорѣчивыхъ разсужденій еще не исчерпанъ. Вѣдь, изъ послѣднихъ словъ „Сакартвело“ вытекаетъ только то, что дѣйствительные борцы за „возрожденіе національности“ — это тѣ, кто борется за соціализмъ. Такъ надо же сейчасъ выступить противъ этого вывода. И дѣйствительно, газета тутъ же заявляетъ: „Но — мы должны ясно формулировать свою мысль, — для осуществленія такого идеала (то есть соціализма) требуется много времени. При настоящихъ условіяхъ *конечную цѣль мы не можемъ принять за программу дѣятельности* (курсивъ нашъ). *Сегодня* мы должны руководиться тѣмъ, что *сегодня* же осуществится. Поэтому, наши требованія должны мы приспособить къ сегодняшнимъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ“.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, борьбу за соціализмъ, газета выставляетъ „сегодня-же осуществимыя“ реформы, которыя сводятся къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) уничтоженіе временно обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и 2) свобода профессіональныхъ союзовъ (см. „Сакартвело“ №7), — экономическая программа, скромности которой могъ бы позавидовать и Витте. Вотъ въ какія безвыходныя дебри попадаютъ редактора „Сакартвело“, когда пытаются привлечь рабочихъ на сторону своего буржуазнаго націонализма. И эту-то „группу „Сакартвело“ „Рев. Рос.“ объявляетъ соціалистами!

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, какова была та „конференція“, которая объявила „Сакартвело“ своимъ органомъ. Всей безпринципности этого органа, всему его политическому недомыслію, очевидно, соотвѣтствовала физіономія и самой „конференціи“. Этому не станетъ удивляться тотъ, кто знаетъ ея составъ. „Рев. Рос.“, однако, тщательно замаскировываетъ дѣйствительную физіономію „конференціи“ и, чтобы придать ей важность серьезнаго общественнаго событія, сочинила цѣлую беллетристику. Она пишетъ: „Въ г. Женевѣ, по иниціативѣ редакціи органа „Сакартвело“, *съѣхались представители* различныхъ грузинскихъ *революціонныхъ фракцій* на первую свободную конференцію... были представлены четыре грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры (?!), соціалисты (?!)-автономисты или (?) федералисты (группа „Сакартвело“; „Р. Р.“) и анархисты. А ниже газета этихъ „представителей“ называетъ „делегатами“ „конгрессистами“ и т. д., — словомъ старается доказать, что на „конференцію“ „съѣхались“ делегаты грузинскихъ революціонныхъ *организацій.*

Вопреки заявленію „Р. Р.“, „конференція“ въ Женевѣ не имѣла и тѣни подобія съ дѣйствительнымъ конгрессомъ организацій. Никакихъ полномочій ни отъ какой организаціи никто изъ участниковъ не представилъ, да и не отъ кого было бы ихъ представлять, ибо ни за „Сакартвело“, ни за анархистами никакой *кавказской* организаціи не стоитъ. Что же касается до соціальдемократовъ, то они присутствовали на „конференціи“ только до тѣхъ поръ, пока полагали, что цѣлью собранія является дискусія между сторонниками разныхъ революціонныхъ программъ. Когда же было рѣшено, что по всякому программному вопросу будутъ приниматься, большинствомъ голосовъ, резолюціи, они удалились. Остались: четыре анархиста, два редактора „Сакартвело“ и публика (изъ которой тоже нѣкоторые начали уходить). Вотъ эти шесть человѣкъ и приняли названіе „соціалистовъ“, „революціонеровъ“ и т. д., составили резолюціи и учредили „партію“.[1])

Въ этомъ любопытномъ титулѣ „Партія Соціалистовъ-Федералистовъ-Революціонеровъ“ единственное слово не фальшивое это — „федералисты“ и относится оно къ одной части новой „Партіи“ — буржуазно-націоналистической „Сакартвело“. Революціонной въ кавычкахъ можно бы еще назвать другую часть этой опереточной партіи—анархистовъ. А что сверхъ того, то ужъ совсѣмъ отъ лукаваго: названіе „соціалистовъ“ не примѣнимо ни къ той, ни къ другой части, это — маска. А надъ этой кучей громкихъ названій — для увѣнчанія зданія — еще болѣе громкое слово: „партія“. Вотъ какъ иногда составляется „партія“, въ которой недаромъ соц. рев. почуяли что то родное; не даромъ „Рев. Рос.“ восклицаетъ: „отъ всего сердца привѣтствуемъ нашихъ товарищей“.

Что дѣйствительно объединяетъ элементы, вошедшіе въ новую грузинскую (какъ и армянскую) партію, это — вражда, злопыхательство по адресу соціальдемократіи.

И если „Партія Соц.-Рев.“ заключила „тѣсный союзъ“ съ „Армян. Рев. Федер.“ и съ „Грузинской Партіей Соц. Фед. Рев.“ то мы можемъ тоже „отъ всего сердца поздравить“ соц.-рев. съ этимъ союзомъ хотя и разношерстныхъ, но все таки родственныхъ имъ душъ. Намъ только думается, что длинный титулъ соединенной арміи „Соціалистовъ-Автономистовъ-Анархистовъ-Революціонеровъ-Націоналистовъ-Федералистовъ“ и прочихъ конфузіонистовъ съ большимъ удобствомъ можно бы замѣнить простымъ и откровеннымъ титуломъ: „Партія антисоціальдемократовъ“.

Б.

[1]) „Сакартвело“ теперь выходитъ, какъ „органъ партіи грузинскихъ социалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ“, то есть органъ этихъ шести лицъ. Само собой разумѣется, что въ немъ ничего соціалистическаго нѣтъ, зато много клеветы противъ соціалистовъ (Бебеля и др.). См. упомянутую выше брошюру „Грузинскіе націоналисты“.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Съ поля военныхъ дѣйствій. На станціи стоитъ санитарный поѣздъ, въ которомъ 150 раненыхъ, а между тѣмъ перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ почти нѣтъ, и это только потому, что боятся спутать отчетность того матеріала, который находится въ двухъ складахъ. Дѣло въ томъ, что двѣ императрицы пожелали въ Харбинѣ устроить свои склады. Были назначены два уполномоченныхъ, потребовались двѣ отчетности, но обстоятельства заставили соединить оба склада въ одномъ *зданіи.* Требованія поступаютъ на бѣломъ и красномъ бланкахъ. *Случилось,* что что-то перепуталось въ складахъ, тогда уполномоченные рѣшили до окончательной разсортировки никому и ничего не отпускать. А вотъ еще высочайшее участіе къ бѣднымъ солдатикамъ. Отправлены были императрицей Александрой Федоровной окорока на Дальній Востокъ съ непремѣннымъ требованіемъ доставить ихъ къ первому дню праздника. Идутъ окорока, задерживая пассажировъ, войска и перевязочный матеріалъ, почему до прибытія всѣхъ ящиковъ и склады считаютъ невозможнымъ разобраться для нуждъ раненыхъ.

На Ялу есть раненые, требуется санитарный поѣздъ, но развѣ можно его посылать, разъ Марія Павловна пожелала, чтобы ея поѣздъ былъ первымъ отправленъ. Для успѣха военныхъ дѣйствій нужна кавалерія, ея у насъ мало. Это объясняется такъ.

Изъ-за Байкала ушли бурята въ Монголію вмѣстѣ съ своими ламами, бросивъ свои насиженныя мѣста; одного изъ нихъ они, между прочимъ, выкупили изъ подъ ареста за 20.000 рублей. Эти ламы сейчасъ разъѣзжаютъ по Монголіи, а администрація, опасаясь, какъ бы въ Забайкальѣ не заварилась каша, оставили казаковъ, что должны были итти къ намъ охранять на всякій случай и этотъ край.

На дняхъ состоится военный судъ надъ офицеромъ изъ пограничной стражи — завѣдующимъ пороховымъ складомъ, который продавалъ китайцамъ порохъ; офицера ожидаетъ смертная казнь.

Поступила жалоба китайцевъ инженеру дороги, что штабъ-ротмистръ Аксеновъ 28-ой сотни пограничной стражи убилъ 72 мирныхъ китайца и кромѣ того 23 плѣнныхъ хунхуза.

О прошлой китайской войнѣ разсказываютъ жители Гирина, какъ генералъ Ренненкампфъ бралъ ихъ городъ. Несмотря на то, что жители вышли встрѣчать „храбраго“ генерала, тотъ велѣлъ стрѣлять изъ орудій; отвѣтныхъ выстрѣловъ не было ни одного, но нуженъ былъ бой, чтобъ получить Георгія. Послѣ донесенія о „славномъ взятіи города“ послѣдовала высочайшая милость „славному герою Гирина“. Генералъ Орловъ, прибывши въ Харбинъ, ограбилъ русско-китайскій банкъ, полагая, что деньги здѣсь лежатъ „китайскія“.

Смоленскъ. Всѣ живутъ войной. Успѣхи и неудачи войны живо интересуютъ всѣхъ. Правда, телеграммы перестали браться уже на расхватъ, но интересъ все же остался очень значительный. Спросъ на газету очень поднялся. Многіе, кто по десять лѣтъ не выписывалъ газеты, теперь стали подписчиками, и такъ какъ подписчикъ этотъ не изъ богатыхъ, то свои три копейки онъ используетъ всѣ и прочтетъ отъ начала до конца... И много развертывается предъ обывателемъ, много западаетъ въ его душу, чего бы и не слѣдовало съ полицейской точки зрѣнія. Внезапная „минная аттака“ не была внезапностью для смолянъ, всѣ ждали войны; но то, что она оказалась „внезапной“ для нашихъ воякъ — это было „внезапностью“. Большинство покачивало головами и думало: что-то будетъ дальше? Все же первое пораженіе, благодаря стараніямъ печати, принято было за большое несчастіе, духъ критики еще не просыпался. Проснулось чувство національнаго самосохранія, вылившееся въ патріотическихъ демонстраціяхъ. Вначалѣ, особенно при проводахъ, на вокзалѣ онѣ были многолюдны и горячи, число участниковъ можно насчитывать тысячами. Остервенѣніе появилось патріотическое. Не снимавшихъ шапокъ колотили, колотили безъ разбору. Но и качали тоже безъ разбору. Качали воиновъ, идущихъ на войну, качали почему-то полиціймейстера. Причемъ любопытны его слова для характеристики демонстрантовъ: „Начали качать. Поглядѣлъ я и вздрогнулъ... Все знакомые. Тѣхъ, что вчера изъ тюрьмы, да участковъ повыпускалъ, тѣ и качали. Сталъ приглядываться и вижу, что знакомыхъ-то масса. Ну, думаю, тутъ добра не будетъ“. И дѣйствительно, „выраженіе чувствъ“ какъ-то начало быстро переходить въ озорство и

буйство на жаргонѣ полиціи. Бунтующая толпа начала требовать себѣ музыку, заставляя оркестръ выходить изъ залы, гдѣ проводили пріятно время власти. Пьяные то большими, то малыми табунами, съ юными гимназистами во главѣ шатались по городу, то крича „ура“, то затягивая какія-то пѣсни. Этакое-то вотъ общество подходитъ однажды къ офицерскому собранію, гдѣ пьянствовали офицера при проводахъ какого-то штабсъ-катана. Подвалила эта кампанія и оретъ. Выходитъ самъ герой, принялъ позу и произнесъ слѣдующія слова: „Господа! завтра я отправляюсь на Дальній Востокъ и передамъ моимъ товарищамъ чувства, которыя воодушевляютъ мыслящую часть общества“. „Общество“ шпиковъ, босяковъ и юныхъ разныхъ птенчиковъ прямо взвыло. Демонстрировавшіе семинаристы (въ небольшомъ количествѣ) гдѣ то, чуть ли не въ гимназіи, вышибли ворота. „Сорвались съ цѣпи!“ говорилъ обыватель о демонстрантахъ и началъ неодобрительно качать головой. Правительство переборщило со своими „демонстрантами“ и обыватель насторожился. Тогда вернулись къ „внезапной минной аттакѣ“. Начался пересмотръ и получилось изумленіе. А тутъ смѣхотворное увѣреніе въ печати адмиральши Старкъ, что *они*, ей богу же, не танцовали въ злополучную ночь. Въ газетахъ стали появляться и другія извѣстія и свѣдѣнія, показывающія подготовленность нашу и японцевъ. Обыватель сталъ хмуриться и уходить въ себя. Дальше—больше. Батареи Владивостока молчатъ, почему—неизвѣстно, добавляютъ газеты, а пріѣзжающіе съ Востока объясняютъ тѣмъ, что были посланы ядра не того №. Гибнетъ Макаровъ, а съ нимъ гибнетъ масса народу и денегъ. Вскорѣ „преждевременно“ взрывается мина подъ лодкой при прокладкѣ минъ; ходятъ слухи, что „Варяга“ тащатъ на свѣтъ божій японцы, а въ это время „герои Чемульпо“ чертятъ по всей Россіи. Появляется масса бумажныхъ денегъ. Съ живого и мертваго дерутъ пожертвованія. Служащимъ, впрочемъ, предлагается подписаться, если не хотятъ жертвовать. И, наконецъ, пораженіе на Ялу, отвратительное объясненіе — почему русскіе отступили. И слухи, слухи... Говорятъ, что потому такъ много убитыхъ и въ томъ числѣ священикъ, что передніе ряды не хотѣли итти а заднимъ былъ отданъ приказъ въ нихъ стрѣлять. И въ это-то время время ужасныя вѣсти — несомнѣнный фактъ: проворовывается московскій Кр. Крестъ. Фактъ, который по городу первый распространяетъ самъ губернаторъ. Въ клубѣ онъ уже громогласно повѣствуетъ. „Да, да! такое несчастье, такое несчастье и въ такое время“. Хотя врядъ ли можно сомнѣваться, что этимъ временемъ и самъ пользуется. Безконтрольность дѣйствій Его Пр. и подчиненныхъ при сборѣ пожертвованій изумительная. По деревнямъ ходятъ урядники и собираютъ холстъ и другія пожертвованія и всѣ знаютъ — куда это пойдетъ, но можно ли пикнуть, говоритъ крестьянинъ. Въ одномъ уѣздѣ у всѣхъ крестьянскихъ лошадей обрубили хвосты на матрацы. Производилось это грубо и жестоко. Вся эта вакханалія, всѣ „внезапности“ поражаютъ слабый мозгъ обывателя. И то же чувство національнаго самосохраненія, которое такъ недавно поднимало его на патріотическія выходки, теперь заставляетъ задуматься: не погибнетъ ли Россія съ такими порядками? Эта мысль робко сначала вошла въ голову обывателя и начала ее сверлить. Сначала ругали Красный Крестъ, потомъ офицеровъ, далѣе дошли до Алексѣева и стали. Но мысль остановиться не можетъ. Всѣ молчали, напр., чиновники, но вотъ стали брать % и заговорили о безобразной растратѣ народныхъ денегъ. Въ Рославлѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, принудительно обираютъ всѣхъ рабочихъ. Представленія объ японцахъ о ихъ культурѣ, вначалѣ дикія, постепенно разсѣиваются и, кто поумнѣй, начинаетъ понимать, какое великое орудіе — культура народа. Деревни пока еще мало коснулась война съ „упономъ“ тамъ пока больше интересуются вопросомъ: кто кого? Но подойдетъ мобилизація и зашумитъ деревня. Спросъ на литературу сильно повысился. Ищутъ, главнымъ образомъ, фактовъ, того, что скрываютъ; газетамъ мало кто вѣритъ: читаютъ нелегальщину попы, чиновники, полицейскіе, читаютъ тѣ, кто боялся раньше и подумать, что есть такая литература. Къ счастью, за это время мѣстный Комитетъ оправился отъ погрома и могъ проявить довольно значительную дѣятельность для нашего города. Кромѣ своей прокламаціи о войнѣ, онъ распространялъ изданія Ц. К. и переиздавалъ по 1000 и болѣе прокламаціи Ц. О. Само начальство оцѣнило это. Громека, старая жандармская крыса, говорилъ: „Засыпали мой Смоленскъ; не знаю что и дѣлать. И возмутительныя вещи раскидываютъ: „Война противъ войны“, смѣются надъ жертвователями“. Но надо листковъ еще больше, больше...

Мелитополь. (Письмо рабочаго.) Уныніе у насъ страшное, даже простонародіе неразвитое и то говоритъ, что война не нужна, что за эти деньги, что потратили на войну, можно было купить Корею; а нѣмцы (колонисты) страшно враждебно относятся къ войнѣ. Одинъ мой хорошій знакомый, имѣя четырехъ сыновей — всѣхъ солдатъ (запасныхъ), уѣхалъ съ ними въ Америку и съ парохода писалъ сюда въ Россію, что вмѣстѣ съ ними ѣхали 2000 запасныхъ, изъ которыхъ было 350 евреевъ, а всѣ остальные русскіе, между которыми были офицеры. У насъ запасные сильно поговариваютъ, что если будетъ мобилизація, то они не пойдутъ, пока ихъ семьи не обезпечатъ. Всѣ увѣрены у насъ, „что Японія задушитъ нашихъ“.

Иркутскъ. Товарищи, арестованные по дѣлу о Якут. бойнѣ (фортъ Романовскій) *будутъ преданы не военному, а гражданскому суду.*

Точно также правительство отказалось отъ мысли предать военному суду бывшаго политическаго ссыльнаго Любимова, нанесшаго оскорбленіе дѣйствіемъ губернатору Моллеріусу. Медицинская коммиссія признала, что Любимовъ человѣкъ больной и дѣйствовалъ въ состояніи невмѣняемости. Онъ явился къ губернатору для полученія паспорта на въѣздъ въ Россію. Когда ему губернаторъ сообщилъ списокъ мѣстъ, куда въѣздъ ему еще воспрещенъ, онъ пришелъ въ сильное нервное возбужденіе, порвалъ документъ и бросилъ его въ лицо губернатору. Подробности происшедшей сцены намъ неизвѣстны. Вѣрно только, что генералъ-губернаторъ Кутайсовъ лично занялся этимъ дѣломъ, хотѣлъ раздуть его и предать Любимова военному суду.

Много шуму надѣлала у насъ еще слѣдующая исторія. Одинъ изъ отцовъ-командировъ одного изъ многочисленныхъ стоящихъ здѣсь отрядовъ войскъ, держалъ рѣчь къ своимъ солдатамъ, въ которой говорилъ своимъ „дѣткамъ“ о внутреннихъ врагахъ. И внутренними врагами назвалъ *всѣхъ евреевъ*, поддерживающихъ японцевъ. Понятно, что слухи объ этой рѣчи взволновали все здѣшнее еврейское населеніе. Слухи о японскихъ крейсерахъ, снаряжаемыхъ на еврейскія деньги, широко гуляютъ у насъ. По поводу этой рѣчи болтливаго командира, къ генералъ-губернатору ѣздила депутація отъ еврейскаго общества и генералъ-губернаторъ обѣщалъ дѣло разслѣдовать. Въ Иркутскѣ же сейчасъ находятся корреспонденты иностранныхъ газетъ. Съ любезнаго разрѣшенія русскихъ властей, многія газеты командировали цѣлыя посольства къ русской арміи. Газетамъ было обѣщано содѣйствіе. „Times“ послалъ, напримѣръ, корреспондента съ цѣлой свитой (секретаремъ, слугами, лошадьми и т. п.). Но когда корреспонденты пріѣхали, ихъ окружили цѣлой стѣной шпіоновъ и соглядатаевъ, никакихъ свѣдѣній имъ не давали, а что сообщали — оказывалось ложью. Долго старались корреспонденты разбить эту стѣну, но, наконецъ, увидали, что ничего не подѣлаешь, и рѣшили оставить нашъ главный штабъ. Нѣкоторые остаются въ Иркутскѣ, другіе ѣдутъ домой. Они ужасно озлоблены противъ русскаго правительства, и нѣкоторые думаютъ предъявить искъ къ нему, такъ какъ оно ихъ обмануло и ввело въ лишніе непроизводительные расходы. По ихъ словамъ, въ штабѣ Алексѣева царитъ совершенно дворцовый развратъ. Отношенія между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ очень обостренныя.

Къ Якутской драмѣ. Помѣщаемъ подробное письмо одного изъ 57-ми защитниковъ „Романовки“, дожидающагося, вмѣстѣ съ товарищами, суда. Письмо возстановляетъ съ полной точностью картину того, что происходило въ Якутскѣ и что должно быть названо попыткой безпощаднаго убійства полусотни соціалистовъ.

„Наши требованія губернаторъ не удовлетворилъ и оцѣпилъ нашъ домъ кордономъ изъ полицейскихъ и казаковъ. Между тѣмъ, число протестантовъ возросло до 57 человѣкъ. Мы усиленно готовились къ тому, чтобы встрѣтить врага съ честью. А въ томъ, что насъ попытаются взять штурмомъ, мы не сомнѣвались. Мы предвидѣли лишь три случая: штурмъ, изморъ голодомъ или обстрѣлъ съ дальняго разстоянія нашего форта. Послѣднее мы исключили, такъ какъ не могли предполагать такой трусости, боязни штурма; затѣмъ, обстрѣлъ подвергалъ опасности дома сосѣднихъ обывателей ни въ чемъ не повинныхъ и, кромѣ того, было какъ-то дико думать, что начнутъ обстрѣливать людей, выставившихъ такія скромныя и законныя требованія, сводящіяся къ тому, чтобы вернуться къ недавно еще существовавшимъ условіямъ жизни въ ссылкѣ и къ исполненію Устава о ссыльныхъ. Однако, оказалось, что мы переоцѣнивали чувство чести и недоцѣнивали трусость и жестокость противника. Насъ рѣшились взять живыми безъ пролитія крови. Вмѣсто казаковъ и городовыхъ мы были оцѣплены со всѣхъ сторонъ солдатами. Провизіи у насъ было порядочно, а когда она истощилась, мы дѣлали нѣсколько вылазокъ въ городъ за нею. Разумѣется, долго такъ не могло тянуться. Когда власти увидѣли, что голодомъ насъ не возьмешь, начался цѣлый рядъ провокацій, имѣвшихъ цѣлью вызвать насъ на первый активный шагъ, на первый выстрѣлъ. Мы нѣсколько разъ предупреждали, что, если провокаціи повторятся, мы будемъ стрѣлять. Но провокаціи продолжались, и вотъ 4 марта, когда одинъ изъ товарищей высунулся черезъ окошко, чтобы снять ставни, которыя закрывались солдатами, въ него былъ брошенъ камень, попавшій ему въ руку. Тогда съ нашей стороны раздались два выстрѣла, убившіе на поваль двухъ солдатъ. Это были наши первые и послѣдніе выстрѣлы. Тотчасъ же солдаты начали жестокій обстрѣлъ нашего дома. Сила солдатскихъ трехъ-линейныхъ винтовокъ очень велика: пуля проходитъ черезъ три стѣны и убиваетъ человѣка. Стѣны превратились въ сплошное рѣшето, и послѣ перваго же обстрѣла мы были бы всѣ перебиты, если бы не устроенные нами блиндажи вдоль стѣнъ (изъ кирпичей, земли, дровъ, камней и пр.). Эти блиндажи толщиною въ $^3/_4$ до одного аршина, высотою $1^1/_2$-2 аршина спасли насъ отъ разстрѣла. За ними мы лежали спокойно. Тѣмъ не менѣе въ первый же день 4 марта пулей убитъ былъ нашъ товарищъ Юрій Матлаховъ и раненъ другой — Хацкелевичъ. Въ этотъ день солдаты выпустили въ насъ не менѣе 400 пуль. Мы думали, что за этимъ обстрѣломъ немедленно послѣдуетъ штурмъ и каждый изъ насъ ждалъ на своемъ посту, готовый дать должный отпоръ съ оружіемъ въ рукахъ или умереть тутъ же. Но штурма не послѣдовало. Былъ избранъ болѣе вѣрный путь, но путь, по коварству и холодному разсчету превосходящій все, что только можно вообразить себѣ. На другой день, 5 марта, днемъ, совершенно неожиданно для насъ и вопреки данному намъ губернаторомъ наканунѣ, послѣ перваго обстрѣла, обѣщанію не подвергать насъ вторичному обстрѣлу, если мы сами не откроемъ огня, вдругъ начался второй обстрѣлъ, еще жесточе бывшаго наканунѣ. Былъ тяжело раненъ тов. Медяникъ. 6 марта повторилось то же, въ два пріема, безъ всякаго вызова и безъ одного выстрѣла съ нашей стороны. Палили залпами со всѣхъ сторонъ дома, не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ пули летятъ въ городъ на невинныхъ обывателей. Былъ раненъ 6-го тов. Костюшко серьезно. Обстрѣлъ постепенно разрушалъ домъ. Мы лежали во время обстрѣловъ на полу, а надъ нами сыпались кирпичи, осколки стеколъ, пули носились надъ нашими головами, и каждый ждалъ своей очереди быть разстрѣляннымъ. Но тутъ намъ ясно стало, что штурма намъ не дождаться, а отвѣчать на выстрѣлы солдатъ мы не могли, во-первыхъ, потому, что это значило бы стрѣлять въ дома сосѣднихъ обывателей и въ толпу любопытныхъ, стоявшихъ на улицѣ, во-вторыхъ, часть солдатъ стрѣляли изъ за засады, скрытые отъ насъ; кромѣ того, у насъ не было достаточно дальнобойныхъ ружей. Значитъ, мы были лишены возможности *сразиться* съ противникомъ, а подвергать себя разстрѣлу, болѣе или менѣе скорому, но вполнѣ вѣрному (ибо для этого достаточно было солдатамъ стать немного выше и тогда блиндажи не спасли бы насъ—что дѣйствительно и предполагалось ими въ тотъ же день; какъ мы узнали, насъ хотѣли обстрѣливать съ крыши сосѣдняго дома) мы считали невозможнымъ и не цѣлесообразнымъ. Съ другой стороны, вылазка изъ дома была равносильна тому же пассивному разстрѣлу. И вотъ, принявъ во вниманіе какъ эти соображенія, такъ и то, что фактомъ нашего 18-дневнаго сидѣнія за баррикадами подъ выстрѣлами солдатъ (при чемъ было выпущено за всѣ четыре обстрѣла не менѣе 2000 пуль), мы достаточно показали нашу полную готорность умереть за наши требованія,—мы, наконецъ, рѣшили сдаться. Все оружіе было нами изломано, патроны и всѣ припасы испорчены, чтобы не досталось противнику. 7-го числа насъ отвели въ тюрьму. Убитаго и раненыхъ мы сами сдали въ больницу. Теперь мы всѣ сидимъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, обвиняемся по 263 и 268 ст. Улож. о нак., т. е. за вооруженное сопротивленіе съ убійствомъ.

Таковъ, въ самыхъ краткихъ словахъ, очеркъ нашего протеста. Въ какой атмосферѣ пришлось жить эти дни, физической и душевной, что пришлось пережить и перечувствовать, вы наврядъ ли сумѣете себѣ ясно представить. Для сооруженія блиндажей разнимались печи и стаскивалась вся земля съ чердака. Вообразите же себѣ, что творилось на нашей Романовкѣ (хозяинъ дома — Романовъ, отсюда и названіе Романовка; обыватели же окрестили нашъ фортъ Портъ-Артуромъ) — пыль, тѣснота, холодъ... Отмѣчу, что публика наша все время держалась превосходно. Спокойствіе и дисциплина не оставляли желать ничего лучшаго. Работа кипѣла повсюду, а въ досужіе часы пѣли, плясали, веселились. Общій протестъ страшно сблизилъ людей между собою; разрушились обычныя перегородки. Нервное напряженіе было очень сильно въ первые дни; затѣмъ, публика вполнѣ сжилась съ этимъ бурнымъ тревожнымъ военнымъ положеніемъ, нервы притупились, и когда рой пуль носился въ воздухѣ, публика спокойно лежала, покуривая крученки, безъ мысли въ головѣ, и покорная какому-то фаталистическому предопредѣленію. Не стану изображать, что чувствовалось за все это время, но вы поймете, что много и глубоко... Таково было наше первое крещеніе огнемъ.

Къ нашему протесту присоединились *пока* еще 45 человѣкъ изъ Олекмы, Нохтуйска и изъ нѣкоторыхъ улусовъ. Всѣ они подали заявленіе губернатору, что вполнѣ присоединяются къ нашимъ требованіямъ и къ формѣ нашего протеста и обѣщаютъ всѣми силами не подчиняться кутайсовскимъ циркулярамъ. — Протестъ ростетъ и, надѣемся, охватитъ всю ссылку.

Слѣдствіе уже закончено. Оно представляетъ собою сплошное лжесвидѣтельство. Свидѣтелей масса — утверждаютъ, что при всѣхъ обстрѣлахъ мы первые начинали стрѣлять и стрѣляли залпами, они же только отвѣчали на наши выстрѣлы. Слѣдствіе отослано прокурору Иркутской Судебной Палаты. Неизвѣстно, будетъ ли судъ палаты или военный судъ — это рѣшитъ Кутайсовъ[1]. Во всякомъ случаѣ судъ не будетъ раньше конца мая. — Интересно, что фактически мы добились нашихъ требованій, теперь всѣхъ безъ разговоровъ отправляютъ на казенный счетъ, разрѣшаютъ свободно отлучки и пр.

Какія перспективы открываются теперь передъ нами — ясно видно изъ Улож. о Нак. Нечего говорить, что мы всѣ готовы къ самому худшему концу. Не буду говорить и о томъ, что приходится пережить передъ предстоящей разлукой, богъ знаетъ, на сколько лѣтъ, со столь дорогими мнѣ людьми“.

Е. Матлаховъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). Я лично знала убитаго въ Якуткѣ царскими палачами Егора Матлахова и хочу добавить нѣсколько замѣчаній къ его біографіи.

[1]) Теперь уже извѣстно, что военнаго суда не будетъ.

Товарищу, писавшему о немъ въ № 65, Егоръ могъ показаться типомъ „средняго рабочаго“, не созданнаго быть руководителемъ движенія и выдающагося лишь своей безграничной преданностью. Онъ зналъ его только въ тюрьмѣ. Я знала его по работѣ и видѣла, что во всякомъ движеніи, гдѣ онъ только ни выступалъ, въ стачкѣ ли, или въ демонстраціи,—онъ выступалъ, какъ руководитель ею, вѣрнѣе, какъ одинъ изъ руководителей, и у Егора, на мой взглядъ, были всѣ данныя на это. Прежде всего, онъ обладалъ необходимой для руководителя способностью политически оріентироваться въ окружающемъ. Онъ всей душой, цѣликомъ, стоялъ на классовой пролетарской точкѣ зрѣнія. Онъ былъ цѣльнымъ ея олицетвореніемъ, и поэтому, всегда становился на вѣрную позицію въ борьбѣ разныхъ теченій въ нашей партіи. Я помню, какъ онъ, еще въ 1901 году, когда ему было еще 22 года, отзывался объ экономизмѣ, какъ онъ протестовалъ противъ принижающаго представленія экономистовъ о рабочемъ, до котораго они хотѣли опускаться, вмѣсто того, чтобъ поднять его сознаніе до способности понимать пролетарскую классовую политику. Въ Одессѣ образовалась тогда новая Южная группа искровскаго направленія, разошедшаяся съ Одесскимъ комитетомъ въ вопросѣ объ отношеніи интересовъ самодержавія и капиталистическаго строя. Одесскій Комитетъ отождествлялъ эти интересы и потому отрицалъ нужность агитаціи противъ самодержавнаго режима, какъ таковаго. Южная группа раздѣляла, наоборотъ, взгляды „Искры“. И Егоръ ушелъ отъ комитета въ искровскую группу, въ которой работа не была еще поставлена, силъ было мало, вслѣдствіе чего, между прочимъ, Егоръ — тогда нелегальный — долженъ былъ взяться за распространеніе прокламацій въ театрѣ. Я помню, какъ много Егоръ ждалъ отъ „Искры“, тогда только что начавшей выходить, возбуждавшей со всѣхъ сторонъ споры, недовольство рѣзкимъ тономъ и, будто бы, черезъ мѣру занимавшейся земцами и вопросами демократической политики и потому предназначенной будто лишь для интеллигентовъ. Егоръ, у котораго больнымъ мѣстомъ была отдаленность нашихъ работающихъ интеллигентовъ отъ рабочихъ, непониманіе ими психологіи рабочей массы, Егоръ, который товарищамъ интеллигентамъ говорилъ: „не отрывайтесь отъ массъ рабочихъ, будьте непосредственно всегда съ ними, лишь тогда вы будете имѣть дѣйствительное значеніе передовыхъ, сознательныхъ застрѣльщиковъ пролетарской борьбы — когда вы будете непосредственно знать настроеніе рабочей массы, будете понимать, чѣмъ она въ каждый данный періодъ болѣетъ“, — этотъ самый Егоръ говорилъ объ „Искрѣ“: „вотъ наша пролетарская газета, рѣзкій тонъ — это нашъ тонъ, широкій политическій кругозоръ необходимъ намъ—рабочимъ, ибо только тогда сможемъ мы точно размежеваться съ буржуазными теченіями всѣхъ оттѣнковъ, лишь тогда мы вѣрно намѣтимъ свою самостоятельную пролетарскую политику и тактику, когда мы будемъ знать жизнь и тенденцію развитія интересовъ всѣхъ слоевъ общества“. Однимъ былъ недоволенъ Егоръ въ „Искрѣ“ — это „интеллигентскимъ способомъ изложенія“ ея вѣрныхъ идей. Недоступность изложенія въ „Искрѣ“ раздражала его — онъ такъ страстно хотѣлъ, чтобъ ее могъ воспринять всякій грамотный рабочій.

Правда, нельзя сказать, чтобы Егоръ былъ теоретически сильно развитъ. Свое образованіе онъ началъ въ Екатеринославскихъ кружкахъ саморазвитія, въ которые попалъ 16 лѣтъ, а пополнилъ въ тюрьмѣ. Но политическая сознательность, глубокое, живое пониманіе пролетарской политики было у него развито больше, чѣмъ у рабочаго „средняго типа“, хотя себя Егоръ считалъ „обыкновеннымъ, но только сознательнымъ середнякомъ“. Съ другой стороны, по крайней активности, живости своей натуры, по широтѣ размаха своей агитаціи, по умѣнію овладѣть настроеніемъ массы и вести ее за собой, Егоръ былъ несомнѣнно созданъ для роли руководителя въ массовыхъ пролетарскихъ движеніяхъ. Я не знаю ни одной мастерской, гдѣ бы онъ, работая, не возбудилъ стачки, или протеста рабочихъ, всюду онъ найдетъ почву для агитаціи, подыметъ настроеніе, увлечетъ своимъ примѣромъ къ протесту, всюду онъ активно проведетъ свою „пролетарскую линію“. Многіе товарищи считали, что у него есть крупный недостатокъ — невыдержанность. Онъ не могъ не кричать, не протестовать, когда его или кого-либо изъ его товарищей по мастерской задѣнутъ, хотя и ясно было, что послѣ каждаго отпора какому-нибудь скоту Егоръ вылеталъ съ фабрики. А какъ онъ любилъ фабрику, какъ любилъ быть вѣчно съ массой, какой страстной, то обличительной, то призывающей, была его агитація...

О томъ, какимъ рѣдкимъ былъ Егоръ товарищемъ, превосходно разсказала намъ корреспонденція товарища въ № 65.

Высоко несъ онъ знамя родной (такъ Егоръ ее называлъ), своей партіи и умеръ за нее. Пусть же живетъ въ пролетаріяхъ его примѣръ, его пониманіе „пролетарской линіи“ и его умѣнье неуклонно проводить ее въ жизнь! В.

Протесты ссыльныхъ противъ Якутской бойни.

Копія.

Иркутскому Генералъ-Губернатору.

Политическихъ ссыльныхъ, проживающихъ въ с. Тугутуѣ, Иркутскаго уѣзда,

ПРОТЕСТЪ.

Возмущенные и потрясенные до глубины души звѣрской расправой надъ 56 товарищами, произведенной въ г. Якутскѣ и. д. Якутскаго Губернатора, который несомнѣнно дѣйствовалъ съ Вашего вѣдома и разрѣшенія, мы заявляемъ, что мы солидарны съ требованіями, выставленными якутскими товарищами, что мы никогда не будемъ исполнять Вашихъ беззаконныхъ требованій, предъявляемыхъ намъ въ циркулярахъ, нарушающихъ даже тѣ минимальныя права, которыми мы пользуемся по правиламъ гласнаго надзора.

Д. Тагѣевъ, I. Ковальскій, Д. Штейнъ, Борисъ Баневуръ, Вл. Потаповъ, Ак. Пальчикъ, Е. Годлевская, А. Баневуръ, (одна фам. не разборч.), Х. Липская.

Село Тугутуй, 24 апрѣля 1904 г.

Текстъ заявленія, посланнаго группой политическихъ ссыльныхъ с. Куяды, Ирк. уѣзда Ирк. Ген.-Губернатору:

Г. Иркутскому Генералъ-Губернатору.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Жизнь ссылки, и безъ того невиносимая стала еще тягостнѣе съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться Ваши циркуляры являющіеся причиной кровавыхъ столкновеній.

Въ виду, этого присоединяемся къ якутскимъ товарищамъ и требуемъ:

1) Отмѣны циркуляровъ, угрожающихъ административными карами за самовольные отлучки и встрѣчи товарищей.;
2) Немедленной отправки отбывшихъ срокъ.
3) Уничтоженія всякихъ произвольныхъ прибавокъ срока.

При чемъ заявляемъ, что мы не будемъ подчиняться никакимъ циркулярнымъ распоряженіямъ, будемъ совершать самовольныя отлучки, будемъ встрѣчать нашихъ товарищей, еслибы даже для этого приходилось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Само по себѣ „Положеніе о гласномъ надзорѣ“, которому только и будемъ подчиняться, достаточно репрессивно.

Хаимъ Мень, Абр. Шварцъ, Мееръ Мединцъ, Нотель Авинъ, Гершенъ Фельдманъ, Марія Бойко.

25 апрѣля, 1904 г.

Текстъ телеграммы, посланной тѣми же ссыльными Мин. Вн. Дѣлъ:

„Петербургъ. Мин. Вн. Дѣлъ. Циркуляры Ирк. Ген.-Губернатора, превышающіе „Положеніе о надзорѣ“, дѣлаютъ ссылку невыносимой. Въ виду этого присоединяемся къ требованіямъ якутскихъ товарищей и заявляемъ, что не будемъ подчиняться никакимъ циркулярамъ.

Куядскіе полит. ссыльные: Мень, Шварцъ, Мединцъ, Авинъ, Фельдманъ и Бойко.“

Впередъ или назадъ?

Вмѣсто надгробнаго слова.

Всякій слышатъ о томъ знаменитомъ оружіи австралійскихъ туземцевъ, которое называется бумерангомъ и которое, будучи брошено умѣлой рукой, возвращается назадъ и падаетъ къ ногамъ охотника.

Въ противоположность искусству австралійскаго охотника, искусство публициста обыкновенно заключается въ томъ, чтобы брошенный имъ снарядъ *не вернулся* къ нему обратно. Особенно это надо сказать о такомъ оружіи, какъ *стрѣлы остроумія*. Неумолимой ироніей звучитъ такая стрѣла, когда она, отскочивъ отъ противника, летитъ обратно къ неумѣлому стрѣлку... И чѣмъ ядовитѣе была задумана острота, тѣмъ больнѣе она царапаетъ неосторожнаго воина.

„Шагъ впередъ — два назадъ!“ гласитъ книга Ленина, ставящая себѣ цѣлью окончательно пришпилить „оппортюнистическій“ ярлыкъ къ нынѣшнему партійному меньшинству. Шагъ впередъ, сдѣланный „Аксельродами“, когда подававшій большія надежды русскій „практикъ“ Ленинъ предложилъ своимъ учителямъ союзъ для борьбы съ оппортюнизмомъ. „Два шага назадъ“, когда „Аксельроды“, увидавъ, что расправившій подъ ихъ попеченіемъ свои крылья „орленокъ“ оказался, по внимательномъ разсмотрѣніи, довольно вульгарной породы политической птицей, — отреклись, за себя и за болѣе зрѣлую часть партіи, отъ дальнѣйшей солидарности съ нѣкогда подававшимъ надежды...

Въ своей новой книгѣ тов. Ленинъ не съумѣлъ показать, почему тѣ и другія частныя возрѣнія ред. „Искры“ по вопросамъ тактики и организаціи кажутся ему несовмѣстимыми съ той партійной *программой*, которую эта редакція выработала и которая была санкціонирована партійнымъ съѣздомъ, какъ *выраженіе основъ политическаго міровоззрѣнія партіи*, какъ резюме политической работы, совершенной „Искрой“. Не съумѣвъ показать *этого*, тов. Ленинъ запутался въ самыхъ смѣшныхъ, недостойныхъ его репутаціи, противорѣчіяхъ, не могъ поставить своего обвиненія въ оппортюнизмѣ на сколько нибудь прочное основаніе, не съумѣлъ объяснить, съ своей точки зрѣнія (если у него есть еще какая нибудь), *историческихъ корней того новаго оппортюнизма*, который онъ взялся обличить, не съумѣлъ, слѣдовательно, объяснить такъ, какъ подобаетъ марксисту, самаго кризиса въ нашей партіи. И потому, что онъ не съумѣлъ сдѣлать этого, выброшенная изъ его лука стрѣла съ жалобнымъ стономъ возвращается обратно и въ этомъ ея стонѣ слышится пѣсня: „шагъ впередъ“ — отъ объясненія появленія „меньшинства“ „дрязгами“ къ попыткѣ объяснить его принципіальной противоположностью между интеллигенціей и пролетаріатомъ; два шага назадъ — отъ неудавшагося принципіальнаго объясненія къ двойной дозѣ инсинуацій относительно „карьеризма“, погони за мѣстами и проч. и проч. Любитель пикантныхъ „болотныхъ“ аналогій сдѣлалъ героическое усиліе, чтобы вытащить себя за собственные волосы изъ того болота политической грязи, въ которомъ онъ пытался заложить основанія „своей“, ленинской партіи; попытка не удалась, и книга, начатая обѣщаніемъ показать „основной политическій характеръ“ (см. предисловіе) нашей „междуусобной“ войны, *должна* была закончиться... реабилитаціей ...Гусева.

Шагъ впередъ — два назадъ! какъ похоронный мотивъ, звучатъ эти слова, когда читаешь книгу Ленина и тщетно вопрошаешь: гдѣ же авторъ скажетъ намъ — какова глубокая, историческая подпочва того кризиса, о которомъ онъ взялся писать? гдѣ же виды на будущее? гдѣ указаніе — что же дѣлать? Увы! растеряннымъ взоромъ смотритъ авторъ на ту партію, въ которой ему привелось занять „сверхъ-центральное“ мѣсто, смотритъ — и не видитъ всей трудности ея *политическаго* положенія передъ задачами, которыя *уже* возложила на нее исторія, не вложивъ *еще* въ ея руки орудій для ихъ осуществленія; смотритъ — и не видитъ колоссальной работы, обязанность выполненія которой возложена на партію неожиданной войной, промышленнымъ кризисомъ, быстро движущимся впередъ процессомъ разложенія всѣхъ еще уцѣлѣвшихъ подпорокъ нынѣшняго государственнаго режима, быстрымъ формированіемъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя своей совокупностью образуютъ политическую среду, долженствующую собой опредѣлять и *осложнять* работу пролетарской партіи. Онъ видитъ только... „кооптаціонныя дряги“, „ошибку по первому параграфу“, „тройку“, „шестерку“ и т. д. И когда отовсюду слышится уже гулъ голосовъ, которые завтра же громко и съ плебейской рѣзкостью поставятъ намъ вопросъ: „что же дѣлать?“, этотъ „вождь“, словно въ забытьи, бормочетъ: „двѣ тройки, двѣ тройки, двѣ тройки“.

Это — почти трагедія. Жаль только, что выступленіе тов. Ленина совершается при такомъ бенгальскомъ освѣщеніи, которое способно заранѣе убивать „чувство трагическаго“, слишкомъ грубо задѣвая въ насъ чувство *смѣшного*.

Реклама, которою обставилъ выходъ своей книги тов. Ленинъ и которая представляетъ собой совершенно необычное въ нашей партіи явленіе[1], заставляетъ невольно вспомнить о другой книгѣ другого „бывшаго“... вождя, Эдуарда Бернштейна, котораго извѣстные „труды“, чѣмъ болѣе становились они „безцѣнными“, тѣмъ съ большей помпой „вылетали“ въ свѣтъ. Еслибъ я былъ одаренъ нѣкоторыми основными пріемами мышленія, характеризующими Ленина, я бы поспѣшилъ изъ этого сопоставленія сдѣлать выводъ: склонность къ рекламированію „создающихъ эпоху“ произведеній характеризовала Бернштейна; ее же нынѣ проявилъ Ленинъ; *стало быть*, Ленинъ совершилъ поворотъ къ бернштейніанству. Но, какъ ни соблазнительно сдѣлать подобное умозаключеніе, я не могу на это рѣшиться, хотя бы и зналъ, что подобное „остроуміе“ привлечетъ ко мнѣ сердца всѣхъ „принципіально выдержанныхъ“... упростителей. И, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе между Ленинымъ и Бернштейномъ (по вопросу о рекламѣ) имѣетъ значеніе.

Когда-то тов. Ленинъ выразился о Бернштейнѣ: „геростратовски извѣстный“ Бернштейнъ. Геростратомъ Бернштейну не удалось стать: фейерверкъ его критики оказался безсиленъ сжечь чудный образецъ истино человѣческаго творчества — систему научнаго соціализма. Но геростратовской была и осталась *попытка* Бернштейна, въ результатѣ которой онъ такъ больно обжегъ свои пальцы. И вотъ невольно вспоминаешь объ этой попыткѣ, когда подводишь итогъ предпріятію автора „Что дѣлать?“. Что-то геростратовское видится въ его, съ лучшими, конечно, намѣреніями предпринятомъ, дѣлѣ — быстраго, безпощаднаго разрушенія той самой партіи, которую, камень за камнемъ, въ упорномъ трудѣ складывали дѣятели послѣднихъ лѣтъ... Стоитъ читать эти строки, дышащія мелкой, подчасъ безсмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слѣпой, глухой и, вообще, какой-то безчувственной яростью, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же безсодержательныхъ „бойкихъ“ и „хлесткихъ“ словечекъ, — чтобы убѣдиться, что передъ нами человѣкъ, фатально *вынужденный* катиться дальше по той плоскости, на которую онъ „стихійно“ всталъ, и которая прямехонько ведетъ его къ полному политическому развращенію и раздробленію соціальдемократіи.... Геростратовъ подвигъ! скажутъ потомки, если сильныя руки товарища Ленина потащатъ за собой въ этомъ бѣшеномъ галопѣ нашу партію; и они же утѣшатъ товарища Ленина указаніемъ на Бернштейна, если отъ этой геростратовой попытки останется только жгучая боль въ его пальцахъ. Да будетъ!

I. Методъ мышленія и манера спора.

Попробуемъ своими словами изложить „суть“ брошюры Ленина. Если оголить ее отъ всѣхъ полемическихъ инкрустацій и мелочныхъ пустяковъ, столь характерныхъ нынѣ для нашего лидера, то мы получимъ слѣдующую „схему“.

Трехлѣтней упорной борьбой съ оппортюнизмомъ „искровство“ подчинило себѣ партію въ такой мѣрѣ, что, при всей осторожности „искровцевъ“ (см. стр. 1), можно было рискнуть созвать съѣздъ для оффиціальнаго объединенія партіи. Но, когда съѣздъ былъ созванъ, оказалось, что только $^{3}/_{5}$ партіи (33 изъ 51, см. діаграмму) могутъ считаться искровскими. Когда же остальныя $^{2}/_{5}$ стали на съѣздѣ бороться противъ „искровства“, то оказалось, что и изъ этихъ трехъ пятыхъ многіе ненадежны и склонны къ оппортюнизму (въ томъ числѣ половина организаціи „Искры“, $^{2}/_{3}$ редакціи „Искры“ и $^{2}/_{3}$ Группы Освобожденія Труда). Благодаря этому, съѣздъ, явившійся плодомъ трехлѣтней „нашей“ работы и созванный только послѣ того, какъ „мы“ семь разъ „отмѣрили“ (стр. 1), рисковалъ привести къ *оффиціальному торжеству оппортюнизма*. Къ „нашему“ счастью, уходъ „Бунда“ и „Союза“ перевернулъ всѣ отношенія — „мы“ оказались въ большинствѣ, благодаря ортодоксальной бдительности тов. Муравьева, Дѣдова, Ланге и др. „Мы“ побѣдили, и, видя, какъ живучъ „оппортюнизмъ“ и какъ падки до него нѣкоторые основатели „Искры“ и русской соціальдемократіи, рѣшили провести такія двѣ „тройки“, которыя бы позволили ввести „осадное положеніе“ и тѣмъ создать „организаціонный базисъ для борьбы при помощи устава съ тѣмъ, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью, расплывчатостью“ (стр. 91). Такъ какъ большинство понимало, что время „кружковщины“ миновало и что настала пора (стр. 112) „партійной точки зрѣнія“, то „мы“ предложили, чтобы проведеніе „осаднаго положенія“ противъ „расплывчатаго меньшинства“ совершалось при участіи членовъ этого самаго меньшинства — Мартова въ Ц. О. и Попова въ Ц. К. Пропитанные „обывательской точкой зрѣнія“, Мартовъ и Поповъ не захотѣли выполнить этой роли. Тѣмъ самымъ, „побѣда“ твердаго большинства превратилась въ источникъ всякихъ неурядицъ. („Отказъ Мартова и Попова отъ выборовъ внесъ сразу атмосферу *дрязги* въ партійную борьбу партійныхъ оттѣнковъ“). Въ виду этого, пришлось принять „исключительныя мѣры“ противъ „меньшинства,“ засѣвшаго въ Лигѣ. Но Г. В. Плехановъ, тоже оказавшійся „непослѣдовательнымъ искровцемъ“, отказался санкціонировать эту новую „побѣду“ надъ многажды побѣжденнымъ „оппортюнизмомъ“. Товарищъ Ленинъ, въ безпредѣльныхъ заботахъ о партійномъ мирѣ, рѣшилъ „перебраться въ Ц. К.“, чтобы оттуда поражать „своей маленькой артиллеріей“ столько разъ уже побѣжденнаго супротивника. Этотъ послѣдній развернулъ свой „оппортюнизмъ“ самымъ циничнымъ образомъ, показавъ всѣмъ и каждому (стр. 134: „*Всѣ* и *каждый* видятъ поворотъ къ оппортюнизму“), какъ правъ былъ тов. Ленинъ, когда настаивалъ на необходимости безпощадно преслѣдовать этотъ „интеллигентскій индивидуализмъ“, возставшій противъ „пролетарской дисциплины“. Откликнувшись на этотъ зовъ, „всѣ и каждый“, въ лицѣ большинства комитетовъ, объявили войну „дезорганизаторамъ“ и въ рядѣ резолюцій еще разъ побѣдили ихъ. Въ результатѣ — „отсталые элементы партіи взяли верхъ“ въ ней. Выяснилось, такимъ образомъ, что въ соціальдемократіи отсталые элементы обладаютъ удивительнымъ свойствомъ брать верхъ въ партіи, оставаясь въ ничтожномъ меньшинствѣ. Противъ интеллигентскаго индивидуализма оказалась безсильна пролетарская дисциплина — и все потому, что новоявленные оппортюнисты пустили въ ходъ дезорганизацію, сплетни и „нечестные“ пріемы въ борьбѣ. Иначе говоря:

Тов. Ленинъ послѣ трехъ лѣтъ *борьбы съ оппортюнизмомъ* съ большимъ трудомъ „закрѣпилъ вліяніе“ въ партіи *для систематическаго проведенія осаднаго положенія противъ побѣжденныхъ*. Пролетарская дисциплина, партійная точка зрѣнія, революціонный якобинизмъ раздавили интеллигентскій индивидуализмъ, кружковщину, обывательщину и „хлюпкій“ жирондизмъ. Но *такъ какъ* побѣжденные отказались прекратить борьбу, *такъ какъ* они отказались пользоваться въ борьбѣ только тѣми средствами, которыя имъ рекомендовали побѣдители, *такъ какъ* они продолжали быть индивидуалистами, „обывателями“ и жирондистами, *такъ какъ* они не захотѣли „молчаливо признать свою ошибку на съѣздѣ“ (см. стр. 113), *такъ какъ* Аксельродъ и Мартовъ оправдали худшія опасенія, вызванныя въ „большинствѣ“ ихъ „ошибкой по § 1“ и вызвавшія необходимость „двухъ троекъ“ и „осаднаго положенія“, а Плехановъ поддался ноябрскимъ вѣяніямъ „женевской погоды“ (см. стр. 132), и *такъ какъ* оппортюнисты были въ жалкомъ меньшинствѣ, а „твердые“ въ значительномъ большинствѣ, *такъ какъ* „новая“ „Искра“ въ роли партійнаго органа „не выражаетъ интересовъ и воли партіи“ (стр. 119) и представляетъ ея *отсталые* элементы въ борьбѣ противъ *передовыхъ*, то, *въ силу этого*, „отсталые элементы взяли верхъ“, и нашъ восхитительный стратегъ, совершившій въ короткое время столько большихъ и малыхъ походовъ, очутился въ положеніи, близкомъ къ положенію пушкинской старухи, которая побывала было въ царицахъ, но вернулась въ первобытное состояніе

...И передъ нею разбитое корыто.

И когда теперь тов. Ленинъ горячо призываетъ своихъ вѣрныхъ на борьбу съ „жирондизмомъ“, когда онъ мобилизуетъ силы „пролетарской дисциплины“ противъ „хлюпкой“ интеллигенціи, — не рискуетъ ли онъ услышать коварный вопросъ: сколько же еще побѣдъ нужно Вамъ одержать, чтобы остаться вовсе безъ войска? Если ни формальное большинство голосовъ съѣзда, если ни фактическая „воля партіи“, ни моральное превосходство (см. дрязги, карьеризмъ etc) не могутъ спасти „передовые“ элементы отъ перспективы быть подавленными элементами „отсталыми“, то гдѣ же, вообще, залогъ побѣды, скажите намъ, о, тов. Ленинъ?

Пустопорожній характеръ ленинской концепціи нашего партійнаго развитія прямо поразителенъ. Ленинъ нынѣ неспособенъ даже самъ понять (не то что другимъ объяснить) историческое происхожденіе и историческое значеніе партійнаго кризиса; онъ неспособенъ *объяснить* своего политическаго противника. А, вѣдь, такое объясненіе — *первый долгъ* политика-марксиста, который желаетъ выразить „передовые элементы“ своей партіи и помочь имъ одержать побѣду надъ элементами отсталыми. Соціальдемократическій теоретикъ не можетъ двигать впередъ развитіе своей партіи, не можетъ побороть своего „внутренняго“ противника, не показавъ исторической *необходимости его появленія*, не раскрывъ тѣхъ *объективныхъ тенденцій* историческаго развитія, которыя его породили и которыя его же приведутъ къ гибели. Когда мы боролись съ русскимъ бернштейніанствомъ и съ русскимъ экономизмомъ, мы до тѣхъ поръ не имѣли подъ ногами твердой почвы, пока не дали такого *матеріалистическаго* объясненія и необходимости возникновенія и дальнѣйшей необходимости гибели того и другого общественнаго „зла“. Только давъ такой матеріалистическій, слѣдовательно, и историческій анализъ идейной борьбы внутри партіи, мы можемъ съ какимъ нибудь правомъ фиксировать тотъ или другой наличный антагонизмъ въ такихъ идеологическихъ категоріяхъ, какъ „индивидуализмъ“ и „дисциплина“, „пролетарская“ и „мѣщанская“ идеологія. Только при наличности такого анализа, эти „абстрактныя“ категоріи получаютъ историческое содержаніе и могутъ что-нибудь, дѣйствительно, объяснять.

Но что такое представляетъ собой подобный матеріалистическій анализъ? Исходя изъ опредѣленныхъ основныхъ положеній о „сущности историческаго процесса“, марксистъ, приступая къ анализу идейной борьбы, получившей сколько-нибудь общественное значеніе, старается вскрыть въ ней рефлексъ объективно развивающейся *борьбы классовъ*. Жюль Гэдъ, возражая однажды Жорэсу, сказалъ, что борьба классовъ, это — не „принципъ“, а реальный фактъ. Эти слова слѣдовало бы понять и хорошо запомнить многимъ нашимъ марксистамъ. Не „принципъ“, — т. е. не какое-нибудь отвлеченное начало, не голая логическая или психологическая категорія мыслится нами, когда мы говоримъ о „мелкобуржуазномъ“, „буржуазномъ“ или „пролетарскомъ“ теченіи въ общественной жизни. Являясь рефлексомъ объективнаго процесса общественнаго развитія, такая категорія должна имѣть „подъ собою“ реальный субстратъ *соціальной борьбы*, совершается ли послѣдняя въ сферѣ сознательной политической жизни, или же таится въ нѣдрахъ безсознательныхъ общественныхъ инстинктовъ и несознанныхъ интересовъ. Чтобы, поэтому, доказать „буржуазность“ какого-нибудь политическаго теченія, намъ надо найти тѣ реально проявляющіеся въ жизни соціальные интересы, которые получили въ немъ свое выраженіе. Но найти ихъ — не значитъ произвольно отыскать „подходящую“ группу современнаго общества и связать ее съ данной иделогіей мостомъ чисто-логическихъ выводовъ изъ какого-нибудь общаго положенія, долженствующаго суммировать „сущность“ идеологической физіономіи данной группы (напримѣръ: интеллигентъ склоненъ къ индивидуализму, ergo, кто, когда, гдѣ и какъ бы то ни было, протестуетъ противъ подавленія личности, тѣмъ самымъ выражаетъ собой „интеллигентскій индивидуализмъ“; или: пролетарій склоненъ къ объединенію, дисциплинѣ, сплоченности, ergo, кто, гдѣ, когда и какъ бы то ни было, толкуетъ о дисциплинѣ, тѣмъ самымъ выражаетъ собою „пролетарскую струю“). Хотя бы, — какъ это и имѣется на лицо въ приведенныхъ мною примѣрахъ, — хотя бы основное общее положеніе было истинно, резюмируя соціально-психологическіе результаты опредѣленной классовой группировки въ современномъ обществѣ, — тѣмъ не менѣе, дедукціи, подобныя приведеннымъ выше, являются ничѣмъ не оправданными съ точки зрѣнія того діалектическаго метода, къ которому обязываетъ марксизмъ. По существу дѣла, мы имѣемъ передъ собою совершенно метафизическое сведеніе того или другого общественнаго теченія къ опредѣленному „началу“, къ абстрактной психологической категоріи, отвлеченной отъ реальнаго историческаго процесса. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы „свести“, путемъ цѣпи болѣе или менѣе дешевыхъ силлогизмовъ, ту или другую фразу „Аксельродовъ“, тотъ или другой политическій шагъ Мартовыхъ къ „основному первоисточнику“ „интеллигентской хлюпкости“. Дешевой цѣною на этомъ пути мы добьемся совершенно ничтожныхъ результатовъ, не выдерживающихъ самаго легкаго прикосновенія критики здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ: повѣрьте на минуту Ленину, что нынѣшній „оппортюнизмъ“, впервые наглядно проявившійся въ „ошибкѣ по § 1“, есть результатъ „интеллигентскаго индивидуализма“. Подойдите съ этимъ „философскимъ“ багажемъ къ дѣйствительному ходу событій, и вы сразу очутитесь лицомъ къ лицу съ самыми невѣроятными несообразностями. „Ошибка по § 1“ — проявленіе интеллигентскаго индивидуализма; *поэтому*, ее раздѣлялъ Акимовъ, raison d'être существованія котораго — защита интересовъ „широкихъ *рабочихъ* организацій“ стараго „демократическаго“ типа; Акимовъ, который обвиняетъ партійную программу въ томъ, что въ ней пролетаріатъ „ни разу не упоминается въ именительномъ падежѣ“; *поэтому*, эту же ошибку раздѣляютъ и кавказскіе „твердые“ делегаты, которые говорятъ, что ленинскій § 1 вычеркнетъ изъ партіи сотни сознательныхъ кавказскихъ пролетаріевъ. Споръ изъ за § 1 велся противъ „интеллигентскаго индивидуализма“, *желающаго провести въ партію всякихъ „профессоровъ“*, *поэтому, за § 1 стояли бундовцы, которымъ, видимо, для полнаго благополучія недостаетъ только профессоровъ*[2] въ своей организаціи. „Твердые“, *отстаивая ленинскую формулу противъ мартовской*, выражали точку зрѣнія сознательнаго пролетаріата *противъ* точки зрѣнія революціонной интеллигенціи; *поэтому*, твердые считаютъ признакомъ худшей ереси критику того *положенія* Ленина, согласно которому соціализмъ входитъ въ рабочее *движеніе „извнѣ“*, изъ буржуазной интеллигенціи; *поэтому*, твердые уральцы отождествляютъ оппортюнизмъ съ „борьбой противъ интеллигенціи, *то есть*, революціонной соціальдемократіи“. И т. д., и т. д. Примирить эти противорѣчія никакъ нельзя съ той метафизической и чисто формалистической точки зрѣнія, которая подсказала Ленину его противопоставленіе. А, между тѣмъ, діалектика вовсе не означаетъ отрицанія здраваго смысла: столкновеніе ея положеній съ „очевидностями“ здраваго смысла находитъ такое разрѣшеніе, которое должно, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ и логику здраваго смысла.

Иначе говоря: на обязанности Ленина лежало показать, какая именно эволюція нашей соціальдемократіи подготовляла и сдѣлала неизбѣжнымъ взрывъ конфликта между двумя историческими стихіями, между демократіей и пролетаріатомъ. Если бы онъ могъ показать это, онъ долженъ былъ бы въ самомъ предыдущемъ „благополучіи“ той искровской „побѣды“, которую суждено было закрѣпить II съѣзду, отыскать элементы будущаго „зла“, съ которымъ онъ теперь борется; онъ долженъ былъ бы показать намъ, какъ борьба революціонной соціальдемократіи съ „экономизмомъ“, совершавшаяся въ опредѣленной общественной обстановкѣ, сопровождалась проникновеніемъ въ *революціонное* крыло партіи элементовъ демократіи и, тѣмъ самымъ, разрѣшая завѣщанный прошлымъ конфликтъ, насаждала сѣмена новаго; какъ и почему, по мѣрѣ „очищенія“ соціальдемократической партіи отъ элементовъ профессіоналистскаго „чисто-рабочаго“ оппортюнизма, въ нее вводились элементы оппортюнизма, выражающаго *болѣе непосредственно* интересы радикальной буржуазной интеллигенціи, давно уже тѣсно связанной у насъ съ пролетарской борьбой. Только показавъ намъ это, тов. Ленинъ имѣлъ бы *критерій* для распредѣленія нынѣшнихъ антагонистическихъ силъ между „отсталыми“ и „передовыми“ элементами, для отнесенія того или другого теченія въ тактикѣ и организаціи къ проявленію „интеллигентскаго индивидуализма“ и „пролетарской дисциплины“ или къ проявленію интересовъ буржуазной демократіи, съ одной, пролетаріата, съ другой стороны. Но тов. Ленинъ *не можетъ* дать *такого* анализа. Не можетъ потому, что та критика, которой требуетъ этотъ анализъ, для него должна быть самой безпощадной *само*критикой: ибо Ленинъ является представителемъ *консервативной* тенденціи въ нашей партіи, боящейся всякаго критическаго отношенія къ „искровскому наслѣдству“. Поэтому, онъ такъ недоволенъ указаніями Плеханова и другихъ на тѣ односторонности, которыя характеризуютъ періодъ побѣды надъ „экономизмомъ“; поэтому, онъ такъ грубо отворачивается отъ дѣйствительно марксистскаго анализа, который далъ партійному нашему развитію П. Б. Аксельродъ. А между тѣмъ, именно этотъ анализъ, данный Аксельродомъ, предлагаетъ *марксистское объясненіе необходимости переживаемаго кризиса*, а тѣмъ самымъ, и возможности его благотворнаго разрѣшенія. И потому, что Аксельродъ въ своемъ анализѣ держался діалектическаго метода и матеріалистическаго пониманія исторіи, самыя отрицательныя стороны нынѣшняго положенія дѣлъ, и бичуемыя имъ, не даютъ намъ

[1] Зри изданныя партійной экспедиціей красныя прокламаціи, въ которыхъ міръ оповѣщается о выходѣ книги Ленина, а заодно и о продажѣ, по сходнымъ цѣнамъ, „типовъ Горькаго“ (не иронія ли этотъ намекъ на „бывшихъ людей?“).

[2] За неимѣніемъ въ современной Россіи профессоровъ-евреевъ, бундовцамъ пришлось бы выписывать ихъ изъ за границы.

повода отчаиваться въ судьбахъ нашей партіи, которую несетъ на себѣ и вынесетъ, въ концѣ концовъ, волна историческаго движенія пролетаріата; тогда какъ ленинскій „анализъ“, наводитъ на самыя безотрадныя заключенія о поступательномъ ходѣ развитія нашей партіи. Проникнитесь, въ самомъ дѣлѣ, Ленинскимъ пониманіемъ исторіи нынѣшняго кризиса: началось съ того, что значительное „компактное большинство“ вело по вѣрному пути, затѣмъ девять „вѣрныхъ“ совершили „ошибку по первому пункту“ (причемъ, однако, тов. Ленинъ (см. стр. 111, прим.) въ этотъ самый моментъ восклицалъ: „какая прекрасная вещь нашъ съѣздъ!“), далѣе, 24 оставшихся вѣрными „связали разбитую посудину двойнымъ узломъ“, и все кончилось тѣмъ, что „отсталые элементы взяли верхъ“. Проникнитесь такимъ пониманіемъ, и вамъ останется пессимистически воскликнуть вмѣстѣ съ Шекспиромъ:

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ —
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Діалектика совершенно чужда Ленину и онъ имѣетъ о ней самое смутное представленіе. На стр. 164 читаемъ: „но великую гегелевскую діалектику... никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ вульгарнымъ пріемомъ оправданія зигзаговъ политическихъ дѣятелей, перемѣтывающихся съ революціоннаго на оппортюнистическое крыло партіи, съ вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльныя заявленія, отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса“. Четыре правила ариѳметики не слѣдуетъ смѣшивать съ оправданіемъ писанія фальшивыхъ счетовъ! — вотъ что, приблизительно, въ переводѣ на житейскій языкъ, сказалъ тов. Ленинъ въ этой фразѣ, которая достойна занять мѣсто рядомъ съ знаменитымъ изреченіемъ его уральскихъ учениковъ о свободѣ воли, находящей наилучшее выраженіе въ § устава, дающемъ Ц. К. право „раскассировать“ пролетаріатъ! Діалектическій методъ мышленія, тов. Ленинъ, не слѣдуетъ (на что люди бываютъ очень падки) смѣшивать съ *казуистическимъ* „методомъ“ разсужденія. Положеніе о томъ, что абсолютной истины нѣтъ, не надо сводить къ воистину-вульгарной мысли Балалайкина: „истина есть результатъ судоговоренія“, что цѣль полемики, слѣдовательно, „переговорить“ противника. Но „смѣшивать діалектику“ съ „вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса“—премію тому, кто пойметъ смыслъ этой до нельзя неуклюжей фразы! Еще лучше сопоставленіе „великой гегелевской діалектики“ съ „оправданіемъ зигзаговъ“ оппортюнистовъ. „Хозяйственный“ человѣкъ т. Ленинъ и его „теоретическая“ мысль не можетъ пойти дальше опасности примѣненія такихъ большихъ вещей, какъ гегелевская діалектика, къ „требованію о кооптаціи“. И онъ проситъ — не смѣшивать діалектику съ оправданіемъ „зигзаговъ“ „Аксельродовъ“. Тов. Ленинъ знаетъ хорошо своихъ твердыхъ „почитателей“ и, видимо, очень боится, чтобы они, и вправду, не „смѣшали“ діалектики съ критикой своего начальства и не стали брыкаться противъ діалектики, яко вводящей въ соблазнъ. А тов. Ленинъ хорошо помнитъ, что въ „ортодоксальномъ“ хозяйствѣ безъ діалектики неловко.

„Истинная діалектика не оправдываетъ личныя ошибки, а изучаетъ неизбѣжные повороты, доказывая ихъ неизбѣжность на основаніи детальнѣйшаго изученія развитія во всей его конкретности“. Но тов. Ленинъ именно неизбѣжности нынѣшняго поворота намъ не показалъ. Пытаясь на послѣднихъ трехъ страницахъ своей книги показать намъ „итогъ діалектическаго(!) развитія нашей партійной борьбы“, тов. Ленинъ терпитъ позорное фіаско. Этотъ итогъ онъ сводитъ „къ двумъ переворотамъ“. Первый заключается въ томъ, что второй съѣздъ „смелъ всѣ и всяческіе остатки всѣхъ безъ исключенія кружковщинскихъ (sic) интересовъ, чувствъ и традицій, создавъ впервые дѣйствительно партійныя должностныя коллегіи“ (стр. 165). Но „умерщвленныя организаціи“ „обидѣлись“ и „взяли реваншъ“. „Разбитое на голову оппортюнистическое крыло одержало — временно, конечно, —верхъ надъ революціоннымъ, завладѣло „Искрой“ и ... „Какой позоръ, какъ они осрамили нашу „Искру“!

Вотъ вамъ и вся „діалектика“ нашихъ партійныхъ „переворотовъ“! При ближайшемъ разсмотрѣніи, они оказываются *переворотами въ редакціи „Искры“*. *Тезисъ*: господство кружковщины — „расплывчатая шестерка“. *Антитезисъ*: кружковщина сметена — „партійная должностная коллегія“. *Синтезисъ*: кружковщина обидѣлась — та же расплывчатая старая „Искра“, но обогащенная, (по мнѣнію Ленина, оппортюнистически-обогащенная) всѣмъ положительнымъ содержаніемъ обиды за умерщвленіе организаціи. Еслибы „кружковщину“ не только убили, но и догадались бы получше зарыть, все было *бы* въ порядкѣ — такова очевидная мораль. Не начать ли съ начала? вѣроятный выводъ нашего „діалектика“.

Незамѣтно для себя, тов. Ленинъ подмѣнилъ „діалектическое развитіе партіи“ *прозаической* исторіей „развитія“ состава редакціи „Искры“. Забылъ тов. Ленинъ, что, если не слѣдъ трогать Гегеля для „оправданія“ индивидуальныхъ „зигзаговъ“, то едва ли умѣстно тревожить старика и для того, чтобы въ „философскихъ“ терминахъ снова разсказать о томъ, какъ хорошо было, когда тов. Ленинъ добился „очищенія“ старой редакціонной коллегіи, и какъ стало скверно, когда самому пришлось удалиться.

Читатель, конечно, не забылъ, что основа нашего кризиса — борьба интеллигенціи противъ пролетаріата. Онъ помнитъ, что исходный его пунктъ — „ошибка по § 1“. Теперь умѣстно будетъ спросить тов. Ленина: въ какой причинной связи стоитъ указанный имъ „итогъ партійной борьбы“ къ этой основѣ кризиса и къ послѣдствіямъ принятія § 1? И тутъ-то мы узнаемъ, что никакой реальной, то есть жизненной, связи между „итогами“ и посылками нѣтъ. Интеллигенція навязала пролетарской *партіи* § 1 устава, весь вредъ котораго въ томъ, что онъ даетъ *возможность всякимъ* „проходимцамъ“ „самозачислять себя въ партію“, *всякимъ „профессорамъ“* быть въ партіи, ускользая изъ подъ *ея контроля*, а у рабочихъ отнимаетъ стимулъ къ организаціи. Казалось *бы*, если *вѣрно*, что въ итогѣ „отсталые элементы“, т. е. выразители этой самой интеллигенціи, эскамотировали всѣ побѣды нашего фельдмаршала, то намъ покажутъ, какъ въ открытую § 1-мъ „щель“, дѣйствительно, проникъ оппортюнизмъ въ видѣ новаго наплыва въ партію буржуазной интеллигенціи, какъ проявилось среди рабочихъ ослабленіе импульса къ организаціи. Увы! никто и не пытался намъ даже показать это. Никакихъ намековъ на то, чтобы опасность, ожидавшаяся въ результатѣ вота съѣзда по § 1 устава, (допуская даже, что она есть), сколько нибудь оправдалась за почти годичный срокъ, протекшій со времени съѣзда. Очевидно, самая опасность можетъ (по мнѣнію противниковъ § 1) наступить только въ будущемъ. А, между тѣмъ, „отсталые элементы“ уже взяли верхъ! Далѣе. Если единственную свою побѣду — по § 1 — интеллигенція еще не съумѣла использовать противъ пролетаріата, то надо ожидать, что, по крайней мѣрѣ, окончательная побѣда „отсталыхъ элементовъ“ была достигнута хотя бы путемъ систематическаго развращенія пролетаріата пропагандой апостоловъ „интеллигентскаго индивидуализма“. Но и этого нѣтъ: Панинъ не успѣлъ еще высказать сомнѣнія въ „божественности“ съѣзда, Аксельродъ — въ спасительности ленинскаго „централистическаго фетишизма“ и, вообще, никто изъ меньшинства еще не успѣлъ ничего сказать, а „отсталые элементы“ уже взяли верхъ—получили „Искру“. Никакой связи этой побѣды съ *ростомъ вліянія интеллигенціи* въ нашей партіи и съ результатами неправильной постановки партійной организаціи (§ 1) — т. Ленинъ не могъ показать.

Я сказалъ, что діаклетическій методъ мышленія не слѣдуетъ смѣшивать съ казуистическимъ (формалистическимъ) методомъ спора. Можно сказать, что послѣдній встрѣчается именно у тѣхъ, кто чуждъ перваго. Сущность его заключается въ томъ, что логическія построенія, оторванныя отъ того реальнаго содержанія, которое они должны выражать, разсматриваются совершенно отвлеченно съ чисто формальной стороны и опровергаются чисто формальными же дедукціями. Съ извѣстнымъ правомъ эту манеру спора можно назвать адвокатской въ худшемъ смыслѣ этого слова. Метафизическая, со стороны метода мышленія, она всегда недобросовѣстна, съ точки зрѣнія исканія истины. *Для нея* „истина есть результатъ судоговоренія“.

Именно съ этой манерой мы имѣемъ дѣло во всей книгѣ т. Ленина.

„Меньшинство“ утверждаетъ, что борется противъ „бюрократизма“ въ организаціи, а бюрократизмъ, вообще, имъ опредѣляется (резолюція Лиги) такъ: „онъ ставитъ на первый планъ не внутреннее объединеніе, а внѣшнее формальное единство, осуществляемое и сохраняемое чисто механическими средствами, путемъ систематическаго подавленія индивидуальной иниціативы и общественной самодѣятельности“. Въ этихъ словахъ дается достаточно полное опредѣленіе того специфическаго зла, съ проявленіемъ котораго *во всякомъ организованномъ цѣломъ* должна бороться соціальдемократія. И резолюція Аксельрода говоритъ далѣе: „по самой сущности своей, бюрократизмъ не способенъ органически объединить составные элементы общества“. Что возражаетъ на это Ленинъ? Всѣ его „доводы“ очень для него характерны.

Во первыхъ, Аксельродъ противопоставляетъ бюрократію „обществу“, управляющихъ—управляемымъ. Тов. Ленинъ хорошо знаетъ, что управляющіе и управляемые имѣются въ каждомъ организованномъ цѣломъ. Безъ большого напряженія мысли, тов. Ленинъ можетъ сообразить, что методы управленія, „систематически подавляющіе иниціативу и самодѣятельность“ управляемыхъ и поддерживающіе единство цѣлаго „чисто механическими средствами“ —ведутъ къ тому, что управляющіе вырождаются въ бюрократію, противостоящую „обществу“. Станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что такое бюрократическое вырожденіе постигаетъ порой и такія общественныя организаціи, которыя ничего общаго, по своимъ задачамъ, не имѣютъ съ полицейскимъ и классовымъ государствомъ? Не помнитъ ля онъ статьи одного легальнаго марксиста объ Южаковской „просвѣтительной утопіи“, обличавшейся въ бюрократическомъ характерѣ? Не помнитъ ли онъ о народническихъ проектахъ „организаціи труда“ нашихъ кустарей, обличавшихся тѣмъ же марксистомъ въ бюрократизмѣ? Не станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что этотъ бюрократизмъ цѣликомъ покрывается опредѣленіемъ, даннымъ въ резолюціи Аксельрода? И не попробуетъ ли тов. Ленинъ доказать намъ, что основанная на началахъ добровольнаго союза политическая партія застрахована въ своей организаціи отъ бюрократическаго вырожденія отношеній управляющихъ къ управляемымъ?

Обо всемъ этомъ въ своемъ возраженіи не думаетъ тов. Ленинъ. Онъ знаетъ только одно — что слово „общество“ часто и съ полнымъ правомъ противополагается пролетаріату. И онъ изрекаетъ: „О какомъ это „обществѣ“ говоритъ здѣсь тов. Аксельродъ съ К°, одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Тов. Аксельродъ, видимо, и самъ хорошенько не зналъ, пишетъ ли онъ земскій адресъ о желательныхъ реформахъ въ управленіи, или изливаетъ жалобы меньшинства?“ „Галерка“, на невѣжество которой спекулируетъ авторъ, начинаетъ хихикать и негодовать противъ оппортюниста Аксельрода, измѣняющаго пролетаріату и заботящагося объ „обществѣ“. Истина есть результатъ судоговоренія, не правда ли, о, несравненный тов. Ленинъ?

И это весь отвѣтъ Ленина „по существу“ резолюціи. Немедленно за приведенными постыдными строками, онъ, переходя отъ „бюрократизма“ — къ „самодержавію“, спрашиваетъ: „что можетъ *означать* самодержавіе въ партіи, о чемъ кричатъ недовольные „редакторы“? — и отвѣчаетъ: „самодержавіе есть верховная, безконтрольная, безотвѣтственная, *невыборная* (курс. мой) власть одного лица“ и такъ какъ въ „самодержавіи“ подозрѣвается онъ, Ленинъ, то ставится вопросъ: значитъ, Плехановъ и всѣ члены Ц. К. были „пѣшками“? Галерка громко хохочетъ, и тов. Ленинъ восклицаетъ: „неужели это „принципіальное разногласіе“ почтеннѣйшаго тов. Аксельрода?“

Но уральскіе товарищи — прямодушные и не любящіе экивоковъ,— не раздѣляютъ веселаго настроенія галерки. Они помнятъ хорошо, что самодержавіе не непремѣнно должно быть невыборнымъ, ибо сами еще недавно рекомендовали выборную *диктатуру* надъ партіей. Отчего Ленинъ ни словомъ не оговариваетъ своего несогласія съ уральцами, которые, излагая свои мнѣнія, считали себя солидарными съ нимъ? *Онъ не смѣетъ, ибо уральцы—его гвардія*, наиболѣе рьяные сторонники его, „системы“. И эта гвардія знаетъ хорошо, что самодержавіе, о которомъ она мечтаетъ, будучи „выборнымъ“, въ то же время „безконтрольно“, безотвѣтственно“, ибо контроль и отвѣтственность только тогда дѣйствительны, когда контролирующіе въ извѣстныхъ предѣлахъ независимы отъ контролируемаго. Когда же, *какъ хочетъ не скрывающій этого Ленинъ*, контролирующіе (комитеты) назначаются, перетасовываются и „раскассировываются“ Ц. К., то контроль превращается въ *фикцію*, мы имѣемъ бонапартистское самодержавіе со всѣми его признаками. Отвѣтилъ ли Ленинъ на эти, уже давно сдѣланныя ему возраженія? Нѣтъ — онъ ихъ обошелъ, предпочитая „убить“ противника ехиднымъ вопросомъ: если я самодержецъ, значитъ, всѣ прочіе — пѣшки? Тов. Ленинъ забылъ, что самодержавны могутъ быть не отдѣльныя лица, а цѣлыя коллегіи.

Но тов. Ленинъ еще не кончилъ съ „бюрократизмомъ“. Твердо рѣшившись тѣшить галерку, онъ (стр. 125) изрекаетъ: „Толкуютъ о бюрократизмѣ. Бюрократизмъ можно перевести на русскій языкъ словомъ: „мѣстничество“. Бюрократизмъ означаетъ подчиненіе интересовъ *дѣла* интересамъ *карьеры*, обращеніе сугубаго вниманія на мѣстечки и игнорированіе работы, свалку за *кооптацію* вмѣсто борьбы за *идеи*. Такой бюрократизмъ безусловно нежелателенъ и вреденъ для партіи и я спокойно предоставляю читателю судить, которая изъ двухъ борющихся теперь въ нашей партіи сторонъ повинна въ такомъ бюрократизмѣ“. Хохочетъ, заливается галерка, горятъ пламенемъ моральнаго негодованія противъ „карьеристовъ“ Засуличъ и Аксельрода всѣ Павловичи и Гусевы. Истина есть результатъ судоговоренія!

Бюрократизмъ = мѣстничество; мѣстничество = карьеризмъ; карьеризмъ = свалка за кооптацію. Вотъ три уравненія, которыя дѣлаютъ честь познаніямъ, діалектической ловкости и уму нашего „вождя“! Въ Россіи господствуетъ бюрократизмъ, потому что чиновники карьеристы и заботятся о своихъ мѣстечкахъ, а не объ интересахъ „дѣла“. Не поручитъ ли Ц. К. своему представителю написать популярную брошюру на эту тему? Если-бы чиновники заботились объ „интересахъ дѣла“, не было бы *и* бюрократизма. Истина № 1. Борьба за карьеру = мѣстничество, и родовитый бояринъ, который шелъ на плаху за то, чтобы не сѣсть ниже царскаго фаворита, дѣлалъ свою „карьеру“: истина № 2. Мѣстничество = бюрократизму. Русскіе самодержцы, уничтоживъ послѣ долгой борьбы мѣстничество, то есть, *родовыя привиллегіи, препятствовавшія введенію бюрократической іерархіи*, русскіе самодержцы, тѣмъ самымъ, уничтожили бюрократизмъ: истина № 3. Я знаю, что товарищъ Ленинъ нынѣ отдался „практикѣ“, и что это знаніе, по исконнимъ русскимъ возрѣніямъ, требуетъ нѣкоторой „свѣжести“ и свободы отъ излишнихъ познаній; но мнѣ всетаки кажется, что злоупотреблять правомъ „практика“ не слѣдуетъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ бюрократизмомъ. Не лучше — съ бонапартизмомъ. „Я нахожу, что тов. Мартовъ выдвинулъ эту категорію весьма кстати. Давайте, посмотримъ хладнокровно(!), что означаетъ это понятіе. По моему, оно означаетъ пріобрѣтеніе власти путемъ *формально* законнымъ, но, *по существу дѣла*, вопреки волѣ народа (или партіи). Не такъ ли, товарищъ Мартовъ? А если такъ, то я предоставляю публикѣ судить, съ чьей стороны былъ этотъ „бонапартизмъ худшаго сорта“ и т. д. (стр. 135). Истина есть результатъ судоговоренія!

Замѣщеніе тверскихъ выборныхъ управцевъ назначенными (формально-законно, но вопреки волѣ „народа“) отъ министерства лицами есть „бонапартизмъ“; Людовикъ Наполеонъ, какъ и Наполеонъ I, пріобрѣли власть „формально законно“; Боденъ, павшій на баррикадѣ второго декабря, хотя и выражалъ въ своемъ протестѣ „волю народа“, но дѣйствовалъ формально незаконно; слово „coups d'état“ не должно примѣнятся къ 18 брюмера и 2 декабря. Вотъ сколько истинъ узнали мы отъ нашего мастера адвокатскихъ дѣлъ!

Суть вопроса Ленинъ извращаетъ, конечно, намѣренно: бонапартизмъ — исторически и принципіально—есть личная диктатура, освящаемая post factum, послѣ завоеванія власти, „волей народа“, при томъ условіи, что субъектъ этой воли подлежитъ — въ промежутокъ между актами ея проявленія — всѣмъ операціямъ „лишенія правъ“, „раскассированія“ и упраздненія со стороны диктатора (см. объ этомъ въ уральскомъ документѣ), благодаря чему устанавливается — до первой революціи — дивная гармонія между Бонапартомъ и „народной волей“.

Если тов. Ленинъ хорошо знакомъ съ реакціонными категоріями бюрократизма, бонапартизма и мѣстничества, то не менѣе того онъ обнаруживаетъ пониманія категорій революціонныхъ. Аксельродъ говоритъ, что опредѣленное одностороннее развитіе партійной нашей практики должно привести къ установленію такого отношенія между партіей и руководимыми ею массами, которое характеризовало собою *якобинизмъ*, принципіально чуждый соціальдемократіи. Ленинъ (стр. 139) отвѣчаетъ: ...„ссылка Аксельрода на „якобинцевъ“ еще болѣе поучительна. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что дѣленіе современной соціальдемократіи на революціонную и оппортюнистическую давно уже, и не въ одной только Россіи, подало поводъ къ „историческимъ аналогіямъ эпохи великой французской революціи“. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что *жирондисты современной соціальдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство“, „бланкизмъ“ и т. п. для характеристики своихъ противниковъ.“ И тов. Ленинъ показываетъ, что на второмъ съѣздѣ партіи въ рѣчахъ тт. Акимова, Либера, Егорова и др. проскальзывали эти нотки *жирондистскаго* протеста противъ революціоннаго „якобинизма“ ортодоксовъ. А *такъ какъ* тов. Егоровъ по § 1 голосовалъ *съ* Ленинымъ, а Либеръ и Акимовъ — съ Аксельродомъ, то не ясно ли, что „бернштейніанская мелодія о якобинствѣ“ нужна Аксельроду, „чтобы заглушить свои собственныя рѣчи на партійномъ съѣздѣ, дышащія заботой о радикальной интеллигенціи“? Читатель помнитъ, что эта мелодія нужна Аксельроду, сверхъ того, „въ интересахъ карьеры“.

Все это іудушкино пустословіе весьма характерно и для метода мышленія, и для манеры спора. Услыхавъ слово „якобинцы“, нашъ упроститель вспоминаетъ, что послѣднимъ противостояли жирондисты, что это противопоставленіе (cum grano salis) переносилось въ споръ лѣваго и праваго крыла соціальдемократіи. Готово! т. Ленинъ имѣетъ передъ собой тощую „идею“, оперируя съ которой, онъ „докажетъ“ все, что нужно, — вплоть до „карьеризма“ товарищей A, B, C и т. д. Что якобинизмъ въ исторіи противостоялъ не одному только жирондизму, что въ самой великой революціи *слѣва* отъ якобинцевъ стояли эбертисты парижской коммуны, что въ бабувистскомъ движеніи вскрывался уже антагонизмъ между якобинцами и *коммунистами*; что этотъ антагонизмъ, развиваясь далѣе, проявился и въ тайныхъ обществахъ 40-ыхъ гг. и клубахъ 48-го, что онъ перенесенъ былъ въ интернаціоналъ и коммуну 71 года и что нынѣшніе „якобинцы соціальдемократіи“ — ортодоксальные марксисты, — прежде чѣмъ столкнуться съ новыми „жирондистами“, *прошли черезъ фазисъ борьбы съ антимарксистскими эпигонами стараго якобинизма*,—столь „пространнаго“ знанія не можетъ вмѣстить нынѣ нашъ самый знаменитый изъ совѣтниковъ Ивановыхъ. Если два теченія въ пролетарской партіи могутъ быть безъ особой натяжки уподоблены двумъ теченіямъ буржуазной демократіи 18 вѣка, то дѣлать отсюда выводъ, что, вообще, марксизмъ есть *современный якобинизмъ*, значитъ обнаруживать самую прискорбную путаницу понятій и отсутствіе всякаго пониманія какъ сущности якобинизма, такъ и сущности соціальдемократіи.

Только при наличности такой путаницы, можно „ляпнуть“ (стр. 100): „Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціальдемократъ“. Увы! тов. Ленинъ: якобинецъ, установившій неразрывную связь съ пролетаріатомъ, есть просто буржуазный демократъ, подчинившій себѣ идейно и политически пролетаріатъ, а „неразрывная связь“ между „якобинцемъ“ — исторически конкретной политической фигурой — и сознательнымъ пролетаріатомъ — есть nonsens, *выдающій все убожество политическаго мышленія нашего автора*. Это почти то же, что сказать: христіанскій идеалъ, неразрывно связанный съ историческими задачами классовой борьбы пролетаріата, это и есть революціонный соціализмъ.

Любопытныя разсужденія Ленина о „заговорщической опасности“ мы разсмотримъ ниже, а здѣсь только еще разъ отмѣтимъ, какъ дурные пріемы мышленія ведутъ неизбѣжно къ адвокатскимъ, въ специфическомъ смыслѣ, пріемамъ спора и къ фривольному обращенію съ истиной.

„Жирондистъ“ Акимовъ противъ диктатуры пролетаріата „якобинцы“ ортодоксіи за нее. Акимовъ неправильно утверждалъ, что эта диктатура въ нашей программѣ (писанной *не* Ленинымъ) понимается „народовольчески“, какъ диктатура *партіи*, а не класса.[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ Акимовъ жирондистскій говорилъ это, появились Акимовы „якобинскіе“ — сирѣчь уральскіе, и, не шутя, заговорили о диктатурѣ диктатора надъ партіей, а партіи надъ рабочимъ классомъ. „Аксельроды“ указываютъ на новое, реакціонное извращеніе марксизма и отстаиваютъ *диктатуру* класса противъ диктатуры *надъ классомъ*. Правдолюбивый Ленинъ кричитъ: „Аксельродъ оказался въ компаніи жирондистовъ“.

Довольно! Кого Юпитеръ хочетъ погубить, того лишаетъ онъ разума. Представитель пережитой стадіи нашего партійнаго развитія, упрямо стремящійся задержать партію на томъ пунктѣ перелома въ этомъ развитіи, когда онъ самъ былъ „вознесенъ“ высоко надъ всей партіей, — тов. Ленинъ закрылъ себѣ глаза на все окрестъ происходящее, и все вниманіе его поглощено тѣми карточными постройками, которыя онъ возвелъ въ лѣто 1903-ье на второмъ съѣздѣ и которыми онъ теперь такъ дѣтски любуется, излагая ихъ въ четвертый разъ на новый ладъ и переходя уже къ графическому методу изображенія этого „чуднаго“ момента его политической карьеры. Поглощенный этимъ занятіемъ, онъ постепенно, незамѣтно освобождается отъ всѣхъ узъ, которыя наложила на него усвоенная имъ марксистская „культура“, и въ своей *практической* позиціи все больше приближается къ той свободѣ отъ „теоріи“, которая уже такъ выгодно отличаетъ нѣкоторыхъ изъ его смѣлыхъ учениковъ. Сегодня онъ уже третируетъ всемірную исторію, словно дѣвицу легкаго поведенія и запанибрата хлопаетъ по плечу „великую гегелеву діалектику“, завтра онъ — для ради посрамленія „карьеристовъ“ — дастъ хорошаго „раза“ оппортюнистамъ — Каутскимъ и Парвусамъ. Можно себѣ представить, куда заведетъ по этому пути нашего воина его неукротимый нравъ! Въ концѣ концовъ, пелена начнетъ спадать и съ глазъ пока еще „нѣмѣющихъ“ въ своемъ восхищеніи „твердыхъ“ — и кому же, о уральскіе и иные „почитатели“, кому же изъ васъ, товарищи, судьба судитъ ту роль, которую въ извѣстной милой сказкѣ сыгралъ самый догадливый изъ придворной среды, окружавшей нѣкоего короля, ходившаго въ весьма причудливомъ костюмѣ? Кто первый освободится отъ *вѣры въ собственную ограниченность* и, взглянувъ на „короля“, рѣшится сказать во всеуслышаніе то, что ему подскажетъ очевидность: да, вѣдь, и костюма-то никакого нѣтъ, а просто совсѣмъ голымъ нашъ король ходитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). Л. М.

---

[1]) Отвѣтъ на этотъ упрекъ см. въ рѣчи Троцкаго. Протоколы стр. 132.

Гербаненки (мужъ и жена), Борисъ Эльясъ, Казиміръ Мисюра и Зельманъ Манбургъ отказались отъ всякаго протеста.

Гомель (отъ мѣстной группы Партіи). Демонстрація 8 мая въ Гомелѣ была организована мѣстнымъ комитетомъ „Бунда“. За день, т. е. 7 мая, наша группа была приглашена принять въ ней участіе. Намъ, конечно, показалось очень страннымъ такое позднее приглашеніе и когда мы попросили разъяснить намъ причины, вызвавшія такое запозданіе, намъ было отвѣчено, что „это, дѣйствительно, какъ то странно произошло, но о васъ вспомнили только 7 мая“.

Поставивши на обсужденіе кружковъ вопросъ о нашемъ участіи въ демонстраціи, мы получили единогласный отвѣтъ: мы должны принять участіе, не смотря на то, что ставимъ на карту почти все существованіе нашей группы. Наше выступленіе, хотя и въ небольшомъ числѣ, должно имѣть большое вліяніе, какъ на дальнѣйшій ростъ русскаго движенія, такъ и на извѣстную перемѣну отношенія населенія къ революціонному движенію.

Не смотря на то, что демонстрація была не особенно внушительна по размѣрамъ (чел. 300-350), продолжалась недолго, происходила почти при полномъ отсутствіи посторонней публики, что отчасти объясняется плохой погодой за ¼ часа до демонстраціи, а отчасти и тѣмъ, что чувствовалась и слабая организаторская рука, благодаря чему не всѣ, желающіе принять участіе, были на мѣстѣ, — не смотря на все это, демонстрація все же имѣла крупное значеніе.

Въ настоящемъ письмѣ насъ интересуетъ только одна сторона демонстраціи, а именно то обстоятельство, что, если не ошибаемся, впервые въ этомъ раіонѣ приняли участіе въ демонстраціи, рядомъ съ еврейскими, и русскіе рабочіе. Понятно, что учесть все вліяніе демонстраціи — невозможно.

Раньше всего фактъ участія русскихъ былъ использованъ еврейской буржуазіей, указавшей полицеймейстеру на то, что демонстрація носила не національный, а классовой характеръ. Не отрицая факта, полицеймейстеръ ссылался въ отвѣтъ на малочисленность русскихъ рабочихъ, а главное, на отсутствіе русскихъ дѣвушекъ. (Присутствіе евреекъ особенно возмутило его высокородіе, и этимъ, вѣроятно, объясняется то обстоятельство, что въ послѣднюю субботу мы были очевидцами, какъ, по приказанію полицеймейстера, городовые угощали плетками еврейскихъ работницъ.)

Но все же и незначительное число русскихъ революціонеровъ имѣло большое вліяніе какъ на полицеймейстера, такъ и на населеніе. О немъ заговорили, сильно преувеличивали, указывали на быстрый ростъ и т. д. Все это, конечно, не могло не создать новаго оттѣнка въ настроеніи полиціи и населенія по отношенію къ мѣстному движенію. Демонстрація имѣла, какъ намъ кажется, хорошее вліяніе и на русское рабочее населеніе. Если еще не всѣ вѣрятъ въ участіе русскихъ въ демонстраціи, то все же поколеблена вѣра многихъ въ національный характеръ революціоннаго движенія въ Россіи, все же многіе усомнились въ томъ, что еврей, „демократъ“ и внутренній врагъ — синонимы. Чтобы еще рѣзче оттѣнить классовыя различія въ еврействѣ, Полѣсскимъ Комитетомъ Партіи была выпущена соотвѣтствующая прокламація по поводу Гомельской демонстраціи и собранія еврейской буржуазіи 10 мая.

Дѣло въ томъ, что сейчасъ же послѣ демонстраціи были пущены слухи о возможности повторенія погрома. Перепуганная еврейская буржуазія сейчасъ же обратилась къ полицеймейстеру, который на Пасху, когда носились подобные, пожалуй, еще болѣе настойчивые слухи о погромѣ, дѣйствительно принялъ нѣкоторыя мѣры для предотвращенія погрома: усилилъ штатъ полиціи, наводнилъ городъ шпіонами, успокаивалъ населеніе и т. д. На этотъ разъ пріемъ, оказанный имъ „депутатамъ отъ еврейскаго холопства“, былъ нѣсколько иной. До нельзя разсерженный крупнымъ скандаломъ, происшедшимъ въ его городѣ, онъ отвѣтилъ еврейской буржуазіи, что послѣ анти-патріотическихъ и анти-правительственныхъ чувствъ, проявленныхъ большинствомъ еврейской молодежи въ такую трудную для Россіи минуту, онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за всѣ возможныя послѣдствія.

Еврейская буржуазія дрожала, она, вѣдь, всегда дрожитъ, когда въ немилости у полиціи. Но, бѣдная, она до сихъ поръ ничему не научилась, „черта осѣдлости“ и практика полиціи до сихъ поръ не раскрыла ей закулисную сторону суроваго обращенія полиціи по отношенію къ евреямъ. Подобно тому, какъ начальникъ полиціи всея Руси слухами о погромѣ заставилъ раскошелиться всю еврейскую буржуазію, такъ и начальникъ гомельской полиціи вынудилъ у гомельской еврейской буржуазіи денежное пособіе на усиленіе штата полиціи. Для этой цѣли было созвано собраніе евреевъ при участіи начальниковъ полиціи и жандарміи. Засѣданіе происходило въ еврейскомъ храмѣ, куда, однако, пускали далеко не всѣхъ евреевъ, что, впрочемъ, не ново. Новѣйшая практика показала полиціи, что соціальдемократія не относится съ подобающимъ уваженіемъ къ національной святынѣ — храму, такъ какъ нерѣдко во время богослуженія разбрасывала въ синагогѣ прокламаціи. Это страшное святотатство сильно возмутило полицію, и вотъ она, оберегая все и всюду, рѣшила принять мѣры для сохраненія чистоты храма. Самымъ раціональнымъ ей показалось не впускать молодежь въ синагогу, такъ что теперь еврейское богослуженіе ревностно охраняется полиціей отъ нашествія еврейской молодежи. Не трудно предвидѣть, какая блестящая перспектива открывается для развитія еврейскаго богослуженія.

Не станемъ останавливаться на всей массѣ мерзости и холопства, которыя были проявлены евреями на ихъ буржуазномъ собраніи. Результатомъ было денежное пособіе полиціи для введенія въ городѣ штата конныхъ городовыхъ.

Тронутый такой вѣрноподданнической готовностью, полицеймейстеръ снова взялъ на себя отвѣтственность и увѣряетъ своимъ полицеймейстерскимъ честнымъ словомъ, что никакого погрома не будетъ.

Характерно, между прочимъ, и то обстоятельство, что слухи о погромѣ всего больше изобрѣтаются и распространяются самими евреями.

Гомель. Черезъ нѣсколько дней послѣ демонстраціи 8 мая мѣстнымъ комитетомъ „Бунда“ были распространены прокламаціи. Одинъ приказчикъ при распространеніи ихъ въ районѣ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ былъ схваченъ желѣзнодорожными рабочими и переданъ въ руки полиціи. Но черезъ нѣсколько дней этотъ приказчикъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими политическими заключенными, бѣжалъ изъ мѣстной тюрьмы черезъ подкопъ.

Позорная роль, сыгранная въ этомъ дѣлѣ гомельскими желѣзнодорожниками, снова напомнила о не менѣе прискорбномъ участіи ихъ въ прошлогоднемъ погромѣ. Гомельскія желѣзнодорожныя мастерскія должны быть очищены отъ этой язвы. Дѣло недавно образовавшейся гомельской группы Партіи позаботиться о томъ, чтобы пріобщить массу желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ пролетарской борьбѣ, которая до сихъ поръ въ Гомелѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ мѣстъ Западнаго края, развивалась въ тѣсномъ кругу еврейскихъ рабочихъ. Конечно, желательнѣе для нормальнаго развитія партіи борьбы, еслибъ укрѣпившаяся уже въ этомъ районѣ организація — Бундъ — стала тѣмъ очагомъ, изъ котораго революціонная агитація могла бы разливаться на еще не затронутые слои пролетаріата. Но для этого Бунду слѣдовало бы преобразоваться изъ „представителя *еврейскаго* пролетаріата“ и его „національныхъ интересовъ“ въ представителя всей Партіи въ данномъ районѣ. Пока этого нѣтъ, вся трудная работа пріобщенія русской рабочей массы въ Западномъ краѣ къ соціальдемократическому движенію и борьбы съ ядовитыми сѣменами антисемитизма падаетъ на группы піонеровъ, сумѣвшихъ стать выше приходской точки зрѣнія. Образованіе такихъ группъ въ цѣломъ рядѣ городовъ Зап. края представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій послѣдняго времени.

Одесса. Какъ я писалъ уже раньше, еще задолго до наступленія Пасхи у насъ шли усиленные толки объ еврейскомъ погромѣ. То тутъ, то тамъ появлялись новыя вѣсти о приготовленіяхъ русскаго простонародья къ погрому. Разсказывали, какъ о фактѣ, что у какой-то русской прачки нашли нѣсколько кинжаловъ и ломовъ, передавали, что въ другомъ мѣстѣ, въ какомъ-то сараѣ, найдено много палокъ съ заостренными желѣзными наконечниками. Ходили слухи, что во главѣ предстоящаго погрома станутъ „лигисты“ мѣстнаго университета и Пав. Крушеванъ, пріѣздъ котораго ожидался. Все это, въ связи съ усиленнымъ распространеніемъ почти во всѣхъ кварталахъ „Знамени“, повергло въ значительную панику все мѣстное еврейское населеніе. Наиболѣе молодые изъ евреевъ начали приготовляться къ вооруженію. По рукамъ ходили еврейскіе листки съ призывомъ обороняться отъ громилъ и организоваться въ „Національный комитетъ самообороны“.

Нелегальныя организаціи въ лицѣ Одесскаго Комитета и Бунда тоже начали организовывать массовую самооборону. Такъ, по всѣмъ улицамъ были разставлены патрули, на обязанности которыхъ лежало немедленное увѣдомленіе о погромѣ одной центральной квартиры, гдѣ уже находились вооруженные рабочіе. Особенно хорошо была организована самооборона на Куликовомъ полѣ, гдѣ на праздникахъ находятся десятки тысячъ гуляющаго люда. Было рѣшено, въ случаѣ погрома, сейчасъ же обратиться съ рѣчью къ громиламъ и этимъ удержать ихъ отъ насилія. Въ случаѣ, если это не удастся, рѣшили защищаться отъ погромщиковъ. Еще до наступленія Пасхи, Одесскимъ Комитетомъ была выпущена прокламація въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Въ этой прокламаціи хорошо и подробно выяснялись роль и значеніе погромовъ для организующаго ихъ правительства и указывалось на тотъ вредъ, который приносятъ погромы для революціонной борьбы рабочаго класса. Но, какъ показало дальнѣйшее, всѣ эти приготовленія были напрасны. Предержащія власти смекнули, что въ такое время, какъ наше, погромы некстати — и погромъ не состоялся...

Послѣ этого, особенно выдающихся событій у насъ не было. Какъ и прежде, революціонная работа идетъ черепашьимъ шагомъ и подвигается впередъ очень вяло. И это, несмотря на то, что война, наступившая безработица и сильное вздорожаніе продуктовъ вызываютъ сильное недовольство. Ходятъ слухи, что въ Одессѣ скоро будетъ мобилизація запасныхъ, и многіе уже приходятъ въ ужасъ, предвидя, чѣмъ это пахнетъ. Изъ мѣстныхъ казармъ масса солдатъ удираетъ и довольно хорошо скрывается.

Именно теперь размахъ революціонной агитаціи долженъ былъ бы во сто кратъ увеличиться, именно теперь крайне необходима широкая массовая печатная и устная агитація, на почвѣ существующаго недовольства. Вѣдь такіе историческіе моменты, какъ мы теперь переживаемъ, не часто бываютъ! Но все это проходитъ неиспользованнымъ. Даже сознательные рабочіе, находящіеся въ организаціи, чувствуютъ себя очень неудовлетворенными. Отсутствіе силъ даетъ себя чувствовать особенно теперь. Литературы нѣтъ никакой. Въ самое послѣднее время прибылъ транспортъ ея со статьей Ленина изъ „Студента“ и нѣсколько №№ „Искры“, вышедшей два-три мѣсяца тому назадъ. Даже листки Комитета, раньше выходившіе довольно регулярно, очень долго не появлялись. И только недавно выпущено 8000 листковъ объ *якутской исторіи* и нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ листковъ объ одномъ рабочемъ убитомъ въ Якутскѣ, *Юріи Матлаховѣ*, извѣстномъ въ Одессѣ подъ именемъ *Павла* (Павлуша—тожъ). Юрій Матлаховъ долгое время работалъ въ одесскихъ революціонныхъ организаціяхъ и былъ арестованъ въ театрѣ при разбрасываніи прокламацій „Южной Революціонной Группы Соціальдемократовъ“.

Ничего не сдѣлавъ или сдѣлавъ очень мало для работы массовой[1]), мало распространяя свое вліяніе и воздѣйствіе на среду *внѣшнюю*, Одесск. Ком. хорошо себя показалъ по отношенію къ средѣ *внутренней*. Такъ, долгое время Одесск. Ком. систематически замалчивалъ существующія партійныя разногласія. Когда же нѣкоторые изъ меньшинства начали распространять свои взгляды на *организаціонные вопросы*, — Комитетъ заработалъ во всю. Началъ онъ съ того, что элементы „неблагонадежные“ и „неподходящіе“ были исключены изъ организацій подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Нужно замѣтить, что все это дѣлалось „по благородному“: къ человѣку, зараженному „меньшинствинской скверной“, начали предъявлять неосновательныя претензіи, вдругъ начали придираться, вытаскивать на свѣтъ божій какіе-то дефекты въ его организаторской работѣ и все это клонилось къ тому, чтобы лица нежелательныя выступили изъ организаціи. И немало дѣльныхъ нужныхъ работниковъ ушло изъ организаціи. Не отставалъ Комитетъ и въ литературной пропагандѣ своихъ взглядовъ, причемъ пропаганда эта была какого-то особаго сорта: вмѣсто того, чтобы объективно разобраться въ принципіальныхъ взглядахъ противника, обстоятельно доказать несостоятельность взглядовъ меньшинства — Комитетъ въ своихъ двухъ брошюрахъ („Резолюціи II-го съѣзда“ и „Докладъ о II-мъ съѣздѣ“) такъ и порхаетъ по поверхности, повторяя сплетни, возводимыя на меньшинство, и прямо недобросовѣстно излагаетъ факты.

Легко себѣ представить, какое вліяніе могутъ имѣть подобнаго рода изданія на рабочую массу. Находясь подъ постояннымъ воздѣйствіемъ революціонной болтовни — наши рабочіе чувствуютъ себя совсѣмъ сбитыми съ толку. И въ самомъ дѣлѣ: та самая „Искра“, которою они такъ зачитывались, — вдругъ оказывается никуда негодной дрянной газеткой съ анархическими и оппортунистическими тенденціями. Тѣ самые Плехановъ и Мартовъ, произведенія которыхъ они такъ усердно читали — теперь объявляются: первый „мудрымъ зміемъ“ и быстро мѣняющимъ свои взгляды, а второй просто непонимающимъ соц.-дем., склоннымъ даже признавать терроръ (увѣреніе Павловича). Аксельродъ, *по увѣренію брошюры*, изданной Одесскимъ Ком., обвиняетъ Ленина и его сотрудниковъ въ буржуазно-демагогическихъ замашкахъ, а мѣстный Комитетъ обвиняетъ Мартова и его сторонниковъ въ оппортунизмѣ, желаніи потакать оставшимся экономистамъ и т. д. О, времена! О, нравы!

И въ этомъ-то сказывается вся ненормальная постановка дѣла. Знать настолько, чтобы быть въ состояніи разобраться во всей этой кутерьмѣ, рабочіе не знаютъ, просто потому, что до сихъ поръ мало заботились о томъ, чтобы такія знанія появились у широкихъ круговъ рабочихъ. По понятнымъ причинамъ, наши организаціи до сихъ поръ старались захватить движеніе больше въ ширь, чѣмъ въ глубь.

У многихъ рабочихъ создается настроеніе очень враждебное къ интеллигенціи и начинается реставрація „рабочевольческихъ“ тенденцій. „Чѣмъ мы виноваты, — говоритъ, напримѣръ, одинъ рабочій, — если „они“ тамъ, наверху дерутся?“ Иные, особенно массовые, начинаютъ „разочаровываться“ въ соціальдемократической программѣ, которую они и такъ плохо понимали. „И если наши вожаки, — говорятъ такіе, — еще сами хорошо не выяснили себѣ многаго, если они сами другъ друга обвиняютъ въ непониманіи соц.-дем. ученія, то что же намъ сказать?“

Таково-то настроеніе рабочихъ массовыхъ. Что же касается рабочихъ сознательныхъ, передовыхъ, то у нихъ создается какое-то апатичное настроеніе. Руки такъ и опускаются, чувствуется, что должно быть иначе, а какъ именно должно быть — этого-то они и не знаютъ!... Съ одной стороны, какъ будто право „большинство“, какъ будто кажется, что они-то и принимаютъ ближе къ сердцу интересы пролетаріата, стоятъ на болѣе ортодоксальной точкѣ зрѣнія. А съ другой стороны, начинаютъ они вдумываться и понимаютъ, что въ тѣхъ „желѣзныхъ“ организаціонныхъ рамкахъ, въ которыя думаетъ втиснуть движеніе Ленинъ и другіе, партія развиваться не можетъ, ей грозитъ превратиться въ кружокъ, правда, въ кружокъ тѣсный, хорошо подобранный, сплоченный, но все же таки кружокъ...

[1]) Оцѣнку дѣятельности комитета мы оставляемъ на отвѣтственности корреспондента. Ред.

Но тутъ опять возникаетъ недоразумѣніе и нѣтъ у нихъ возможности примкнуть къ чему-нибудь опредѣленному, чтобы считать себя опредѣленными сторонниками опредѣленнаго теченія.

Я объ этомъ такъ много распространяюсь, потому что мнѣ кажется, что изображенное мною настроеніе обще у всѣхъ передовыхъ рабочихъ.

Въ ночь на 1 мая въ Одессѣ провалились двѣ типографіи, въ которыхъ найдено больше десяти пудовъ шрифта и масса другихъ техническихъ приспособленій. Въ первой изъ нихъ взяты: хозяинъ квартиры и работавшіе въ типографіи Д. Либманъ и Л. Волынскій; во второй взяты мужъ и жена. Полиція пять дней находилась въ этихъ квартирахъ, оставаясь даже ночью, какъ видно предполагая схватить всѣхъ тѣхъ, которые туда пришли бы. Но, къ ихъ величайшей досадѣ, о провалѣ быстро узнали и предупредили кого слѣдуетъ. Въ первой типографіи взято также 2500 брошюръ о войнѣ: „Ко всему рабочему народу“. За нѣсколько дней до этого провала на улицѣ былъ арестованъ интеллигентъ *Godинъ* съ 800 экз. этихъ же брошюръ.

А пока что — печально! Масса спитъ. Движеніе расширяется и углубляется очень, очень мало. Духовные запросы у уже организованныхъ рабочихъ растутъ не по днямъ, а по часамъ — удовлетвореніе же этихъ разнообразныхъ запросовъ прямо минимальное! А пока событія идутъ своимъ чередомъ, масса явленій и событій нашей современной общественной жизни остаются неиспользованными, и наши организаціи — во хвостѣ событій.

Что жъ то будетъ?!..

Е——мъ.

Опроверженіе. Намъ прислано слѣдующее письмо:

Въ редакцію „Искры“.

Въ № 65 „Искры“ помѣщена корреспонденція изъ Риги, въ которой сообщается о происходившей 11 апрѣля сего года рабочей первомайской демонстраціи. Къ сожалѣнію, въ эту корреспонденцію вкралась „маленькая“ неточность. Корреспондентъ, видимо, компетентный въ вопросѣ, пострадалъ ли кто изъ членовъ „здѣшней мѣстной латышской организаціи“, оказался совершенно неосвѣдомленнымъ (такъ, по крайней мѣрѣ, хотѣли бы мы думать!), что первомайская демонстрація была устроена совмѣстно обоими комитетами г. Риги — Латышской Прибалтійской Соц.-Дем. Раб. Организаціи и „Бунда“.[1])

Тѣмъ болѣе странной кажется неосвѣдомленность корреспондента, что прокламація съ призывомъ къ празднованію 1-го мая, — „Привѣтствіе къ 1-му мая“, — о распространеніи которой на демонстраціи сообщается въ корреспонденціи, издана и распространена на мѣстѣ демонстраціи также обѣими вышеуказанными организаціями.[2])

Мы надѣемся, что редакція не откажется, въ виду возстановленія истины, дать мѣсто вышесказанному.

Рижскій Комитетъ Латышской Прибалтійской Соц.-Дем. Рабочей Организаціи.

Рижскій Комитетъ Бунда.

Рига. 19 мая 1904 г.

[1]) См. Zihna („Борьба“) № 2, апрѣль 1904 г., изд. Лат. Соц.-Дем. Раб. Орган. и „П. И.“ Бунда № 180.

[2]) См. „П. И.“ № 179.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Майскій праздникъ среди кавказскихъ крестьянъ.

Ланчхуты. (Кутаисской губ.). 20 апрѣля было собраніе крестьянъ въ лѣсу. Полиція нагрянула немедленно. По дорогѣ она встрѣтила 30 крестьянъ. Приставъ Гвасаліа хотѣлъ задержать одного изъ нихъ Чачуа, но тотъ стащилъ пристава съ лошади и отнялъ у него ружье; Гвасаліа револьверными выстрѣлами убилъ его и другого крестьянина Ебралидзе. Остальные разошлись, захвативъ съ собою ружье пристава.

На похоронахъ убитыхъ присутствовало нѣсколько тысячъ крестьянъ.

По тому же поводу другой корреспондентъ пишетъ: *Боевое настроеніе среди гурійскихъ крестьянъ было подготовлено упорной агитаціей и пропагандой нашихъ товарищей. И вотъ, когда гурійскій комитетъ партіи кликнулъ* кличъ, призывая деревню на майскій смотръ, какъ *лавины, стали* стекаться отовсюду крестьяне къ сборнымъ пунктамъ, чтобы *показать* царскому самодержавію свои силы и тысячей голосовъ *послать* проклятье ему. Народъ рвался впередъ, даже въ тѣхъ *случаяхъ*, когда простая выгода говорила о необходимости сдержать *себя*, потокъ народный бурно несся впередъ, стремясь смести своимъ напоромъ препятствія, стоявшія на его пути.

Демонстративныя похороны нашихъ славныхъ борцовъ Чачуа и Ебралидзе, предательски убитыхъ въ столкновеніи съ полиціей 20 апрѣля, само собою привели къ введенію въ селѣ Ланчхуты и прилегающихъ къ нему деревняхъ военнаго положенія.

Какъ вороны, царская опричина, во главѣ съ уѣзднымъ начальникомъ Джанаридзе, слетѣлась на мѣсто, обагренное кровью. Арестовано 14 человѣкъ. Сообщеніе съ этимъ райономъ настолько затруднено вслѣдствіе усиленной охраны, что активныя дѣйствія врядъ ли мыслимы, тѣмъ болѣе, что крестьяне не вооружены, и всякая попытка устроить демонстрацію, не смотря на наличность боевого настроенія, окончилась бы массой жертвъ убитыми и раненными.

Вниманіе теперь приковано къ селу Чахатаури Озургет. уѣз., куда, по призыву гурійскаго комитета, стали стекаться 2 мая крестьяне группами въ десятки и сотни человѣкъ изъ окрестныхъ деревень. Крестьяне деревни Хатиставн (только о ней имѣются у насъ точныя свѣденія), числомъ въ 400 человѣкъ, изъ нихъ 50 женщ. т. е. вся почти деревня, пройдя съ революціонными пѣснями четыре версты по направленію къ Чахатаури, замѣтили вдали конныхъ стражниковъ, которые жестами требовали разойтись. Но хатиставцы, вооруженные револьверами, отвѣтили выстрѣлами на требованіе царскихъ холоповъ. Пули не достигали цѣли. Стражники стояли внѣ револьверныхъ выстрѣловъ, и сами изъ засады открыли огонь по толпѣ, съ неудержимой силой рвавшейся впередъ. Не было силы остановить ее: свистъ пуль еще сильнѣе разжигалъ желаніе смести опричину, помѣшавшую крестьянамъ собраться на великій рабочій праздникъ. Со стороны стражниковъ было сдѣлано не менѣе ста выстрѣловъ. Одинъ крестьянинъ (Подсхишвили) былъ убитъ пулей въ ротъ, другой (Іесе Калантадзе) получилъ смертельную рану въ грудь. Приподнявшись, онъ едва могъ произнести нѣсколько словъ, выражая твердую увѣренность, что дѣло, которому отдалъ свою жизнь, не умретъ съ нимъ...

Толпа крестьянъ, какъ грозный потокъ, шла впередъ. Было ранено еще нѣсколько человѣкъ и только тогда началось отступленіе. Но не склонилось красное знамя передъ царскими опричниками. Гордо оно развѣвалось надъ храбрыми хатиставцами, которые отступали, затаивъ еще большую ненависть къ двухглавому орлу, раздирающему народное тѣло.

Село Федоровка, Екатеринославской губ., Александровскаго уѣзда. Широкая соціальдемократическая агитація въ нашихъ селахъ даетъ теперь плоды. Прежде всего она пробудила крестьянскую массу отъ политическаго забытья. Листки и литература широко читались и производили большое впечатлѣніе. Но чувствовалось большое затрудненіе изъ-за недостатка спеціальной литературы для крестьянъ. Распространялась среди крестьянъ и литература с.-р.-овъ. Но нужно отмѣтить, что огромное большинство сознательныхъ крестьянъ примыкаютъ къ соціальдемократіи и признаютъ себя соціальдемократами.

Проснулись отъ политическаго сна и отдѣльные элементы изъ числа поповъ, дьяковъ, писарей и т. д.

Передъ первымъ мая ожидали демонстрацію. Въ виду этого, наѣхала въ Федоровку масса жандармеріи.

Полиція и полицейскіе стражники были собраны съ четырехъ волостей. Ярмарка, происходившая въ это время въ Федоровкѣ, была, вмѣсто перваго мая, закрыта 28 апрѣля. Второго мая, въ воскресенье, начальство приказало закрыть на весь день всѣ лавки.

Явившись 28 апрѣля въ село, жандармы приставили къ хатамъ полицейскихъ стражниковъ и не позволяли никому ни входить, ни выходить. Обыскано было до трети всѣхъ хатъ — около сотни. Ни у кого ничего не нашли, кромѣ двоихъ, которыхъ арестовали (одинъ изъ нихъ болталъ и былъ выпущенъ). Арестованы также двое, у которыхъ ничего не найдено.

Оказывается, что былъ доносъ отъ псаломщика, священника Верецкаго и лавочника Зарубина.

Аресты вызвали огромное возбужденіе и лишь подлили масла въ огонь, зажженный японской войной. Война вызвала недовольство почти у всѣхъ крестьянъ. Ходятъ слухи, что будетъ и въ Екатеринославской губерніи мобилизація, реквизиція и другіе самодержавные подарки народу. Все это волнуетъ крестьянъ и увеличиваетъ у нихъ недовольство. Недовольство это существовало и раньше, но теперь оно *принимаетъ опредѣленный политическій характеръ.*

Крестьяне поговариваютъ о необходимости протестовать противъ арестовъ и т. п.

Изъ Тверского уѣзда. У насъ въ тверскомъ уѣздѣ недавно былъ погромъ учителей. Арестованы учителя: П. А. Миротворцевъ и Д. С. Серговскій (послѣдній выданъ крестьяниномъ деревни Ильино — Гусаревымъ). Въ ночь на 3 марта на западъ уѣзда неожиданно налетѣлъ становой Давыдовъ съ жандармомъ и двумя урядниками. Обыски произведены были въ школахъ Иванищево — у Третьякова, Стрѣнево — у Кудряшева и Кумордино — у Воскресенскаго. При обыскахъ ничего не нашли, и незваные гости должны были уйти съ пустыми руками. „Тридцать обысковъ, жаловались они, и ни одного человѣка".

Надо сказать, что отношеніе населенія здѣсь (западъ уѣзда) было далеко не въ пользу учителей. Такъ, нѣкоторые крестьяне изъ ивановцевъ были недовольны тѣмъ, что ихъ учителя не взяли. „Жаль, говорилъ Максимъ Пановъ, что его не взяли, а надо бы. Пріѣдетъ урядникъ, сами скажемъ: „ищи, ищи хорошенько. Быть не можетъ, чтобы ничего не было. Гдѣ-нибудь, да запрятано".

На того же учителя послѣ обыска сдѣланъ былъ доносъ крестьяниномъ Василіемъ Горячимъ, который говорилъ, что учитель распространяетъ листки и книжки, но, такъ какъ фактическихъ уликъ не было, то его доносъ оставленъ пока безъ послѣдствій.

При такихъ условіяхъ приходится начинать работу въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Учитель-пропагандистъ въ этомъ случаѣ не только не встрѣчаетъ сочувствія со стороны народа, но и долженъ считаться съ предательствомъ.

Но не всюду, вѣдь, то же, и эти отдѣльные случаи не могутъ убить энергію учителей.

Сама жизнь съ такой силой выдвигаетъ впередъ необходимость пропаганды въ деревнѣ, что никакихъ отступленій здѣсь не можетъ быть, и это сообщаетъ работнику силу и переноситъ его черезъ всѣ препятствія.

Какъ бы инертна ни была наша деревня въ массѣ своей, однако и сейчасъ въ ней, несомнѣнно, существуютъ элементы, критически относящіеся къ существующему строю, и эти-то элементы и составляютъ первоначальныя революціонныя организаціи, которыя постепенно будутъ рости и пріобрѣтать все большее и большее вліяніе. Одинъ изъ многихъ.

P. S. Еще раньше былъ обыскъ у учителя Васильевской школы Богословскаго.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Архангельскъ. Въ окрестностяхъ Архангельска расположенъ цѣлый рядъ лѣсопильныхъ заводовъ. Положеніе рабочихъ на этихъ заводахъ оставляетъ желать много лучшаго. Рабочихъ давятъ, жмутъ, грабятъ, надругиваются надъ ними, унижаютъ ихъ человѣческое достоинство. „Рабочій все стерпитъ!", думаетъ администрація и лѣсные короли-заводчики. А рабочій терпитъ, терпитъ, и диву даешься его многотерпѣливости. Вотъ нѣкоторые факты. На заводѣ Мейера, Пеца и Ко мастеръ Синцовъ, поступившій на мѣсто по рекомендаціи жандармскаго полковника, усиленно шпіонитъ за рабочими, ходитъ „по пятамъ". Своего же дѣла совсѣмъ не знаетъ, зато платой прижимаетъ. Въ фабричной лавкѣ на заводѣ Кыркалова рабочимъ сбываютъ гнилую солонину и треску, хоть въ рѣку бросай. А попробуй не брать, потеряешь работу. Хозяинъ завода, Фед. Кыркаловъ, соблазняетъ молодыхъ смазливыхъ дѣвушекъ-крестьянокъ, работающихъ на биржѣ. На заводѣ Русанова прикащикъ Зеленинъ беретъ взятки и грубо обращается. На заводѣ Стюарта биржевые прикащики (Поповъ, Корельскій) дерутся и шпіонятъ. Управляющій Гурьевъ, по прозвищу „шлифованный гвоздь", какъ запасной солдатъ, перещеголялъ грубымъ обращеніемъ даже прикащиковъ: кричитъ, грозится желѣзной палкой; понижаетъ заработную плату.

Условія работы тяжелыя: на заводѣ Фонтейниса, напр., въ пилоставномъ отдѣленіи, гдѣ производится точка пилъ, вентиляціи никакой, и наждачная пыль безвозбранно разрушаетъ здоровье рабочихъ. На другомъ заводѣ — Стюарта — механическая мастерская напоминаетъ помойную яму: холодно, сыро, то наноситъ снѣгу, то вода льется. Рабочіе ходятъ по лужамъ и должны постоянно конопатить стѣны, чтобы устранить стоки воды. На заводѣ Норда заставляютъ рабочихъ лазить по штабелямъ и во время дождя: недавно на этомъ заводѣ одинъ рабочій свалился со штабелей и разбился на смерть.

Словомъ, жизнь и честь рабочаго въ постоянной опасности. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе не научатся силой, борьбой со всѣми своими угнетателями и насильниками отстаивать свои права. Просыпайтесь же, лѣсопильные рабочіе, къ сознательной жизни, къ дружной борьбѣ.

Не лучше положеніе рабочаго и въ пароходныхъ мастерскихъ. Въ Мурманскомъ пароходствѣ есть, напр., мастеръ Хабаровъ (фамилія то больно подходящая: по Сенькѣ и шапка, говорится). Беретъ хабаръ (взятки) съ рабочихъ. Съ одного механика взялъ бочку трески, съ другого — 6 пудовъ сушеной черники. Ничѣмъ не брезгуетъ. А скажешь супротивное слово — съ кулаками лѣзетъ доказывать свою правоту. И пароходнымъ рабочимъ пора тоже подумать о своемъ положеніи.

Рига. За послѣднее время работа мѣстнаго комитета партіи сильно оживилась. Комитетъ переходитъ теперь къ устройству болѣе крупныхъ собраній. Такъ, имъ организовано за послѣднее время нѣсколько „летучекъ" по 20-25 чел. Бесѣды проходили очень оживленно и сильно заинтересовали рабочихъ, которые просятъ устраивать такія собранія почаще. 9-го мая было собраніе въ 55 чел. — плохая погода помѣшала придти многимъ приглашеннымъ. Говорились рѣчи о политической свободѣ, о классовой борьбѣ, о первомъ мая и 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, пѣли пѣсни. Собраніе продолжалось три часа, разошлись при крикахъ „долой самодержавіе!"

Спросъ на литературу громадный, но литературы нѣтъ и это сильно тормозитъ работу.

Севастополь. 18 апрѣля было первомайское собраніе; произнесены рѣчи: 1) Значеніе перваго мая и празднованіе его заграницей, 2) Капиталистическій строй и борьба за соціализмъ, 3) О войнѣ. Пѣли пѣсни, читали стихотворенія. Былъ выпущенъ листокъ о первомъ мая, — перепечатка листка редакціи Ц. О. За день до перваго мая были аресты (10 чел., рабочіе); шесть выпущены, четверо сидятъ. У нѣкоторыхъ найдены брошюры. По поводу арестовъ выпущенъ гектографированный листокъ.

Баку. 3-го мая началась забастовка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ. Рабочіе предъявили такія требованія:

1) Ни одному работнику или работницѣ заработная плата не должна быть ниже 15 руб. въ мѣс.

2) Повышеніе заработной платы на 15% для лицъ, зарабатывающихъ до 35 руб. въ мѣс., и 10% зарабатывающимъ болѣе 35 рублей.

3) Вознагражденіе въ случаѣ болѣзни — половина заработной платы холостымъ и 3/4 семейнымъ.

4) Уничтоженіе даровой работы въ теченіе 15 дней (по вступленіи рабочаго на фабрику).

Комитетомъ выпущенъ листокъ къ забастовщикамъ и другой — ко всѣмъ рабочимъ о поддержкѣ стачечниковъ.

Фабрикантъ согласился пойти на полную уступку по 4-му пункту и на частичную по 2-му и 3-му. Рабочіе не уступили. Тогда полиція арестовала 23 человѣка (8 изъ нихъ освобождены) и запретила лавочникамъ отпускать стачечникамъ товаръ въ кредитъ. Губернаторъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ грозитъ высылкой по этапу на родину тѣмъ, кто не станетъ на работу.

17 мая Комитетъ выпустилъ новый листокъ ко всѣмъ рабочимъ съ изложеніемъ подробностей стачки.

Хроника еврейскаго рабочаго движенія.[1])

(Районъ Бунда).

Нашу хронику еврейскаго рабочаго движенія въ районѣ Бунда будетъ умѣстно начать съ дня 1 мая, новаго года революціоннаго рабочаго движенія, который никогда не проходитъ даромъ для развитія классоваго самосознанія еврейскихъ рабочихъ, такъ какъ въ районѣ Бунда всегда усиленно ведется предмайская агитація, 1-го мая происходятъ рабочія собранія и демонстраціи. Въ текущемъ году предмайская агитація выразилась въ изданіи и распространеніи слѣдующихъ листковъ и прокламацій. Центр. Комитетомъ Бунда были выпущены 2 листка: одинъ о значеніи 1-го мая, на еврейскомъ и русскомъ языкахъ (90000), другой — къ русскимъ рабочимъ: „Еврейскіе погромы и организованный пролетаріатъ", разъясняющій русскимъ рабочимъ ихъ солидарность съ еврейскими и предупреждающій о возможности въ день 1-го мая еврейскихъ погромовъ. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ былъ распространенъ отдѣльный оттискъ изъ № 2 издающагося Ц. К. Бунда еврейскаго органа „Der Bund" (Союзъ) — о значеніи 1-го мая, всего въ количествѣ 6000 экз. Изъ мѣстныхъ комитетовъ Бунда особые майскіе листки были изданы комитетами: Бѣлостокскимъ (3000), Виленскимъ (4000 листковъ и 10000 поздравительныхъ карточекъ), Рижскимъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ комитетомъ Прибалтійской Латышской Соц.-Дем. Раб. Организаціи (2000 на евр. и 4000 на латыш.), Лодзинскимъ (6000 экз.), Варшавскимъ (5000), Двинскимъ (1000 на евр. и 1000 на русск.), Ковенскимъ (5000), Гомельскимъ (поздрав. карточки 3000). Повсюду подготовка и празднованіе 1-го мая не ограничивались письменной агитаціей. Вездѣ устраивались массовыя собранія, на которыхъ выяснялось значеніе 1-го мая. Такія предмайскія и майскія собранія были въ Гомелѣ (въ 900, 600 и 300 челов.), Могилевѣ (въ 60, 80, 100 и 200 ч.), Двинскѣ (въ общемъ, 1500 ч.), Бердичевѣ (собранія въ 60-100 ч.) Бобруйскѣ (собр. по 700-800 ч.), Витебскѣ (40 ч.), Полоцкѣ (нѣкот. собр. по 400 ч.), Гродно (15 соб., всего 600 ч.), въ Гродненской губ.: въ Скудели (100 ч.), Озерахъ (50 ч.), Индурѣ (40 ч.), Минскѣ (отъ 50 до 100 ч. на кажд. собр.), Борисовѣ (5 собр., на одномъ 130 ч.), Оршѣ (150 ч.), Яновѣ (60 ч.), Вилькомирѣ (70 ч.), Волковыскахъ (400 ч.), Шкловѣ, Вѣткѣ, Мозыри (300 ч.), Рѣжицѣ (90 ч.), Слонимѣ и многихъ другихъ городкахъ и мѣстечкахъ. Витебскому комитету удалось даже собрать въ близлежащей деревенькѣ предмайское собраніе крестьянъ. Самый день 1-го мая большинству мѣстныхъ организацій не удалось отпраздновать уличными демонстраціями, какъ по конспиративнымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе недостаточной силы организацій. Большія демонстраціи были лишь въ Варшавѣ (1 и 2 мая), въ Гомелѣ (8 мая, число участниковъ 700 ч.[2])), въ Ригѣ. Въ Ригѣ демонстрація была организована совмѣстно съ Латышской организаціей, въ Варшавѣ Бундъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Польскими организаціями: Польск. Соц.-Дем. и Польск. Парт. „Пролетаріатъ" (о подробностяхъ этихъ демонстрацій см. въ № 65 „Искры"). Небольшія демонстраціи были въ Полоцкѣ и Слонимѣ (Гродн. губ.). Преполагавшіяся демонстраціи въ Минскѣ и Бердичевѣ, вслѣдствіе недостатка силъ, не удались. Въ другихъ городахъ еврейскій пролетаріатъ праздновалъ интернаціональный рабочій праздникъ однодневной забастовкой въ день 1-го мая и рабочими собраніями. 1-го мая забастовки были въ слѣдующихъ мѣстахъ: Двинскѣ (около 1000 ч.), Минскѣ (1000 ч., въ ихъ числѣ 100 ч. рабочихъ „пойаля-ціонъ" — крайней фракціи сіонистовъ, такъ называемыхъ „сіонистовъ-соціалистовъ"), Бердичевѣ (около 1500 ч.), Лодзи (500 ч.), Витебскѣ (300 чел.), Гроднѣ. Слонимѣ (1000 чел.), Индурѣ, Оршѣ (150 чел.), Ковнѣ (150-200 ч.), Шавляхъ, Рѣчицѣ (Минской губ. — 80 ч.) Полоцкѣ (600 ч.), Гомелѣ (700 ч.), Ново-Александровскѣ (Ковенской губ.), Шкловѣ, Маріамполѣ (Сувалкской губ.), Сувалкахъ, Креславкѣ (Витебской губ.), — въ послѣднихъ пяти городахъ бастовали всѣ имѣющіеся тамъ еврейскіе рабочіе —, Бобруйскѣ, Вилькомирѣ (Ковенской губ., 80 ч.), Невелѣ и Ліознѣ (Витебской губ., 250 и 40 ч.). Изъ другихъ фактовъ еврейскаго рабочаго движенія, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, можно упомянуть о слѣдующихъ: въ мѣстечкѣ Толочинѣ, Могилевской губ., мѣстная полиція вела агитацію въ пользу еврейскаго погрома, но, узнавъ о подготовленіи рабочими самообороны, отказалась отъ своего намѣренія и даже стала отговаривать отъ этого крестьянъ, внушая имъ, что евреи такіе же подданные царя, какъ и русскіе. Услышавъ про готовящійся въ Толочинѣ погромъ, рабочіе изъ окрестныхъ мѣстечекъ (Борисова и Орши) образовали оборону и вооруженные пріѣхали помогать толочинцамъ, но большинство изъ нихъ было арестовано на станціи. Въ мѣстечкѣ Паричахъ, Минской губ., нѣкоторая часть населенія пыталась произвести погромъ, но, встрѣтивъ вооруженный отпоръ со стороны евреевъ, послѣ свалки разсѣялась.

Въ Рѣжицѣ, Витебской губ., во время патріотическаго молебна въ синагогѣ были разбросаны прокламаціи противъ войны и, выйдя изъ синагоги, толпа въ 200 челов. прошлась демонстративно по улицѣ. Въ Ригѣ комитетъ Бунда, вмѣстѣ съ Латышскимъ комитетомъ, назначили на 11 апрѣля демонстрацію; она не удалась благодаря вмѣшательству полиціи: между рабочими и полиціей произошла свалка, въ результатѣ которой побитой оказалась полиція. Въ Лодзи въ дешевой столовой, гдѣ, благодаря страшной безработицѣ, явившейся отзвукомъ войны съ Японіей, собирается масса безработныхъ и голодающихъ рабочихъ, 5-го апр. одинъ рабочій произнесъ передъ 300 чел. рѣчь о войнѣ и связанной съ ней безработицей. На слѣдующій день рабочіе, недовольные качествомъ обѣда, устроили въ той же столовой собраніе, послѣ котораго демонстративно прошлись по Петровской улицѣ. 7-го апр. возлѣ столовой стояла полиція и разгоняла собиравшихся рабочихъ; всетаки часть рабочихъ собралась въ столовой, гдѣ были произнесены рѣчи о войнѣ, кризисѣ и правительствѣ.

[1]) Въ интересахъ возможно полнаго освѣдомленія читателей „Искры" съ рабочимъ движеніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно не находится подъ руководствомъ нашей Партіи, мы намѣрены, время отъ времени, давать краткіе обзоры, пользуясь для этого какъ приходящими въ редакцію свѣдѣніями, такъ и изданіями соотвѣтствующихъ организацій. Для обзора еврейскаго рабочаго движенія въ районѣ дѣятельности Бунда мы будемъ пользоваться „Послѣдними Извѣстіями" и еврейской литературой, выходящей въ Россіи.

[2]) По другимъ извѣстіямъ, 350 ч.

О другихъ явленіяхъ и фактахъ еврейскаго рабочаго движенія поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Изъ Польши. (Czerwony sztandar) Въ Варшавѣ, несмотря на провалъ соц.-дем. типографіи, многочисленные аресты и угрожающія всевозможными репрессіями объявленія Черткова, соціаль-демократическая организація вела самую энергичную первомайскую агитацію. Кромѣ 3000 майскихъ воззваній (изд. Главнымъ Управленіемъ С.-Д. П. и Л.), выясняющихъ значеніе первомайскаго праздника нынѣшняго года въ связи съ русско-японской войной, было распространено 10000 пригласительныхъ карточекъ за подписью Варшавскаго Комитета.

Помимо большой и очень удачной демонстраціи, устроенной тремя организаціями (С.-Д. П. и Л., Бундъ и „Пролетаріатъ"), о которой уже сообщалось въ 65 № „Искры", 1-го мая была еще на Волѣ небольшая манифестація, организованная отдѣльно строительными рабочими. Затѣмъ 4-го мая на похоронахъ тов. Іосифа Биренцвейга была устроена третья демонстрація.

Въ Фаленицѣ 1-го мая рабочіе щеточной фабрики Фейста и строительные рабочіе, собравшись въ числѣ 200 человѣкъ, съ краснымъ знаменемъ и революціонными возгласами прошлись по всему селенію.

Первомайскія прокламаціи („1-ое мая! Война войнѣ!") распространены были въ различныхъ мѣстностяхъ (Ломжа, Лодзь, Ченстохово), хотя въ общемъ чувствовался недостатокъ, всюду требовалось вдвое, втрое больше. Наприм., въ Ченстоховѣ всего распространенно 400 прокл.

И въ Польшѣ имѣли мѣсто „патріотическія" манифестаціи, организованныя полиціей при добровольномъ участіи буржуазіи. Наибольшій патріотизмъ проявляютъ Лодзинскіе фабриканты, которые при посредствѣ мастеровъ (напр., у Абеля, Шейблера, Гриндвальда, на чулочной фабрикѣ Генттнера и Винкеля) грабятъ съ рабочихъ пожертвованія на военныя цѣли. И рабочіе жертвуютъ безъ протеста въ пользу „царя и отечества". Впрочемъ, извѣстенъ одинъ случай, когда 30 польскихъ рабочихъ на фабрикѣ Абеля воспротивились этому новому способу обкрадыванія ихъ. Къ сожалѣнію, они не нашли поддержки у большинства (свыше 100) своихъ товарищей, нѣмецкихъ рабочихъ. Послѣдніе жертвовали безпрекословно.

Необходимо отмѣтить результатъ промышленнаго застоя, всецѣло вызваннаго войной. Не проходитъ дня безъ того, чтобы въ Лодзинскихъ газетахъ не сообщалось о случаяхъ заболѣванія на улицѣ отъ голода. 12-го, напримѣръ, отмѣчено 8 такихъ случаевъ, при чемъ 6 изъ нихъ объясняются голодомъ.

Но и буржуазія умѣетъ быть отзывчивой — изъ трусости. Вотъ одинъ либеральный писака предлагаетъ устроить, какъ онъ самъ пишетъ: „бюро труда, которое безплатно доставляло бы занятія всѣмъ ищущимъ заработка, ибо видъ людей, падающихъ на улицахъ отъ истощенія силъ, не только *оскорбляетъ гуманитарное чувство*, но кромѣ того порождаетъ основательныя *опасенія относительно общественной безопасности*".

Буржуазія труситъ голодныхъ рабочихъ, и ея перепуганный писака совѣтуетъ давать работу, которой нѣтъ.

Въ Бѣлостокѣ тоже кризисъ, безработица, голодъ. Кризисъ размѣрами своими превышаетъ застой 99 г. Опредѣлить въ точности число безработныхъ очень трудно, во первыхъ, благодаря преобладанію мелкоремесленнаго характера промышленности, во вторыхъ, за отсутствіемъ статистики труда, въ третьихъ, многіе фабриканты маскируютъ фактъ отсутствія работы и, наконецъ, кризисъ не вездѣ еще проявилъ вполнѣ свои результаты. Въ общемъ картина такова. Въ большинствѣ мелкихъ мастерскихъ работы нѣтъ, а гдѣ есть, тамъ заработка не хватаетъ на самое нищенское существованіе. Многія большія фабрики стоятъ цѣлыми недѣлями подъ предлогомъ ремонта, на многихъ фабрикахъ машины пускаются въ ходъ лишь на 6-8 час. Заработная плата упала ниже голоднаго уровня. Кризисъ захватилъ широкіе круги и, по слухамъ, въ промежутокъ времени между еврейской и христіанской пасхой большая часть Бѣлостокскихъ рабочихъ была безъ занятій, а теперь безработныхъ еще больше. Безработица усиливаетъ въ массахъ революціонное настроеніе, которое вслѣдствіе низкаго уровня развитія, проявляется, чаще всего стихійно, въ формѣ всевозможныхъ нарушеній „порядка" (забираютъ въ булочныхъ и лавкахъ товаръ, за который отказываются платить и т. д.). Однако наблюдается и другая форма проявленія революціоннаго настроенія.

Многіе рабочіе, пользуясь безработицей и хорошей погодой, направляются въ лѣсъ и тамъ собираются группами. Раздаются голоса: „ну, что же, будетъ устроено собраніе или нѣтъ?" Они вспоминаютъ собранія, которыя устраивались соц.-дем. организаціями во время всеобщей стачки, и ждутъ такихъ собраній теперь. Администрація со дня на день ждетъ „бунта" и принимаетъ свои мѣры. Усиленъ составъ полиціи, по окрестнымъ лѣсамъ разъѣзжаютъ конные патрули, рабочихъ задерживаютъ и обыскиваютъ на улицѣ, войско наготовѣ... Недавно сильный отрядъ полиціи чел. 60 накрылъ въ лѣсу собраніе анархистовъ т. н. „борьбистовъ" въ составѣ 120 чел. Послѣ обыска арестованныхъ загнали въ театральный садъ въ Звѣринцѣ, и раздѣливъ на четыре группы, самымъ варварскимъ образомъ избили нагайками. Такъ расправляются царскіе опричники съ безоружными голодными рабочими.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ БЕЛЬГІИ.

29 мая возобновлялась половина состава бельгійской палаты депутатовъ, и результаты этого дня оказались очень печальными для Рабочей Партіи: она потеряла шесть мандатовъ и получила на девять тысячъ голосовъ меньше, чѣмъ на выборахъ 1902 года, несмотря на то, что общее число поданныхъ голосовъ увеличилось, сравнительно съ 1902 годомъ, на сто тысячъ. Побѣдителями этого дня явились либералы, которые провели больше депутатовъ и значительно увеличили число своихъ голосовъ. Бельгійскій либерализмъ, который всѣмъ казался совершенно мертвымъ, вдругъ обнаружилъ признаки возрожденія, а соціализмъ, который въ періодъ 1893—1900 гг. шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, послѣ этого времени начинаетъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе?

Очень легко понять, почему часть избирателей начинаетъ отворачиваться отъ клерикальной партіи, которая давно уже находится у власти и реакціонная политика которой успѣла создать много недовольныхъ. Понятно также, что крупная и мелкая буржуазія, отворачивающаяся отъ клерикаловъ, даетъ свои голоса либераламъ. Но гораздо труднѣе понять, почему на сторону либераловъ перешли и нѣкоторые соціалистическіе избиратели, и почему соціалистическая партія не оказалась такимъ же центромъ притяженія для многочисленныхъ рабочихъ избирателей, идущихъ до сихъ поръ за клерикалами, какимъ оказалась либеральная партія по отношенію къ такимъ же избирателямъ буржуазнымъ.

Посмотримъ, какъ объясняютъ свое пораженіе и какіе выводы насчетъ будущаго дѣлаютъ сами представители бельгійскаго соціализма. Какъ только сталъ извѣстенъ окончательный результатъ выборовъ, въ Брюсселѣ состоялось засѣданіе Генеральнаго Совѣта Рабочей Партіи, и вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ объ этомъ засѣданіи въ брюссельскомъ „Peuple": „Были указаны причины нашего пораженія: — причины общаго и мѣстнаго характера. Среди послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить пагубныя разногласія между соціалистами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ошибки, совершенныя нѣкоторыми товарищами въ администраціяхъ коммунъ, успѣхъ кооперативовъ, удаляющій отъ насъ мелкую буржуазію, выборныя махинаціи, давленіе и подкупъ со стороны предпринимателей". Затѣмъ указываются причины общаго характера: „Либералы сильно эксплуатировали заявленіе Эмиля Вандервельде въ палатѣ относительно будущаго либеральнаго министерства, въ которое — сказалъ Вандервельде — соціалисты не вступятъ, такъ какъ они пред-

почитаютъ реформы портфелямъ, но которое они будутъ поддерживать подъ тѣмъ условіемъ, что оно проведетъ обязательное обученіе и пересмотръ конституціи. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что либералы предстали передъ избирателями съ демократической политической программой. Многіе избиратели, которые чувствуютъ гнетъ клерикальнаго правительства и которые на предыдущихъ выборахъ голосовали за соціалистическихъ кандидатовъ, вернулись къ либеральной партіи. Слѣдовательно, мы потеряли, по различнымъ причинамъ, только демократическихъ избирателей, тѣхъ, которые повѣрили, что единственное возможное завтрашнее правительство есть правительство либеральное. Соціалистическая рабочая масса осталась вѣрна намъ.

„При обсужденіи тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять для улучшенія нашего положенія, обнаружились, конечно, двѣ тенденціи. Два делегата, Дестре и Маруаль, настаивали на необходимости вести независимую классовую политику и бороться одинаково съ либералами и клерикалами. Другіе — и среди нихъ Трокле, Фюрнемонъ, Конреръ, Вандервельде, Ансель, — напротивъ, полагали, что необходимо прежде всего свергнуть клерикальное правительство и продолжать вести борьбу за отмѣну множественныхъ вотовъ. Съ этой цѣлью слѣдуетъ присоединяться къ либераламъ тамъ, гдѣ антиклерикальная коалиція можетъ отвоевать мѣсто у клерикаловъ. Но и тѣ и другіе были согласны, что необходимо прежде всего соціалистическое воспитаніе массъ и укрѣпленіе нашей организаціи, по мѣрѣ того, какъ либералы завладѣваютъ нашей программой практическихъ реформъ. И — заканчиваетъ „Peuple“ свой отчетъ — Конреръ резюмировалъ общее, повидимому, мнѣніе всѣхъ делегатовъ, сказавши: „Демократическая политика, какъ во Франціи, и соціалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи“.

Какъ видите, съ бельгійскимъ соціализмомъ приключилось нѣчто совсѣмъ небывалое. Его демократической программой завладѣли либералы и не выпускаютъ ея изъ рукъ, а отъ соціалистической Вандервельде отказался, по крайней мѣрѣ, на время, судя по вышеупомянутому заявленію въ палатѣ. Ибо какой другой смыслъ могло имѣть это заявленіе? Весьма вѣроятно, что у Вандервельде были самыя похвальныя намѣренія, что онъ хотѣлъ подчеркнуть передъ всѣмъ міромъ невозможность бельгійскаго Мильерана, но сдѣланное въ палатѣ въ то время, когда и либеральное министерство только еще мерещится гдѣ-то вдали, это заявленіе получило еще и тотъ смыслъ, что бельгійская рабочая партія отказывается отъ борьбы за власть въ ближайшемъ будущемъ. Такъ оно было истолковано либералами въ ихъ выборной агитаціи, и соціалисты не могли ничего противопоставить этому толкованію.

Неуклюжая заключительная фраза Конрера, которую, несмотря на ея неуклюжесть, подхватила и редакція Peuple'а и нѣкоторые изъ партійныхъ вождей, является на самомъ дѣлѣ выводомъ не только изъ послѣднихъ преній Генеральнаго Совѣта, но и изъ всей тактики бельгійской партіи за послѣдніе годы. Что такое „демократическая политика, какъ во Франціи?“ Это оппортунистическая тактика Жореса, считающаяся исключительно съ даннымъ соотношеніемъ силъ въ данномъ парламентѣ, заранѣе заявляющая о неосуществимости той или иной реформы въ виду отсутствія парламентскаго большинства за нее и потому постоянно урѣзывающая свои требованія, дабы не натолкнуться на нежелательныя препятствія. А что значитъ — „соціалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи?“ Это значитъ слѣдовать старой испытанной тактикѣ революціонной соціальдемократіи, разсчитывающей исключительно на революціонизированіе рабочихъ массъ, преслѣдующей во всѣхъ областяхъ достиженіе максимума уступокъ со стороны враждебныхъ пролетаріату партій и никогда не забывающей конечной цѣли борьбы — диктатуры пролетаріата. Между этими двумя тактиками необходимо выбирать. Бельгійская Рабочая Партія оказалась слишкомъ опредѣлившимся организмомъ, чтобы ее можно было легко растворить въ туманныхъ фразахъ какого-нибудь буржуазно-демократическаго bloc'a.[1]) А съ другой стороны, большинство вождей оказались слишкомъ большими сторонниками „французскаго метода“... Въ результатѣ получилось сидѣнье между двумя стульями. Уже во время кампаніи 1902 года соціалистическая печать указывала на пагубныя послѣдствія этой двойной бухгалтеріи. Тогда вожди вели переговоры съ парламентскими либералами, въ то время какъ масса требовала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Когда вожди уступили массѣ и объявили всеобщую стачку, либералы отъ нихъ отшатнулись, а слѣдствіемъ этого явилась пріостановка всеобщей стачки. Кампанія была потеряна, потому что оказалось невозможнымъ вести въ одно и то же время тактику парламентскаго либерала и революціоннаго соціалиста. Тѣмъ не менѣе, эта двойственность (не всегда сознательная и тѣмъ болѣе пагубная) продолжаетъ господствовать въ партіи и наложила свою печать на послѣдніе выборы. На первый планъ была выдвинута „демократическая политика“, т. е., какъ мы видѣли, необходимость сверженія клерикальнаго министерства и отмѣны множественныхъ вотовъ. Но съ такой же программой выступили и либералы. Жоресъ въ подобномъ случаѣ предложилъ бы соединеніе всѣхъ демократическихъ элементовъ: получился бы единый „демократическій“ bloc, въ которомъ самъ чертъ не разберетъ, гдѣ кончается соціалистъ и начинается либералъ. Такую тактику и предлагалъ одинъ изъ вождей партіи — Бертранъ. По его мнѣнію, слѣдовало вступить въ избирательную кампанію не со всей соціалистической программой, а только съ требованіемъ трехъ реформъ — всеобщаго избирательнаго права, обязательнаго обученія и уничтоженія замѣстительства въ отбываніи воинской повинности. Большинство не согласилось съ подобнымъ планомъ и рѣшило вступить въ избирательную кампанію со всей соціалистической программой. Проведеніе въ жизнь подобнаго рѣшенія требовало критики половинчатости и ненадежности либеральнаго демократизма — вѣдь это были тѣ же либералы, которые и въ 1902 году и раньше уже не разъ измѣняли дѣлу демократіи — и даже выступленія противъ либераловъ въ требованіяхъ радикальныхъ экономическихъ реформъ, такъ какъ либералы являются представителями крупнаго промышленнаго и денежнаго капитала. Но сознаніе, что отъ этого можетъ пострадать будущій демократическій bloc, лишило соціалистовъ необходимой для подобной борьбы энергіи. А въ результатѣ сторонники демократіи голосовали за либераловъ, потому что голосовать за либерала и безопаснѣй, а иногда и выгоднѣй, тогда какъ разница между обѣими партіями почти исчезла. А рабочіе не имѣли никакихъ причинъ бросить лагерь клерикаловъ, которые сумѣли раздуть значеніе пары проведенныхъ ими мелкихъ реформъ.

Результаты двуединой тактики оказались такимъ образомъ очень печальными, и только натискъ снизу можетъ, по нашему мнѣнію, спасти бельгійскую партію отъ новыхъ пораженій.

[1]) Обычное названіе нынѣшняго парламентскаго большинства во Франціи, составленнаго изъ радикаловъ и жоресистовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Открытое письмо къ тов. Плеханову.

Уважаемый товарищъ!

Въ Вашей статьѣ „Теперь молчаніе невозможно“, помѣщенной въ № 66 „Искры“, есть нѣсколько мѣстъ, которыя должны вызвать полное недоумѣніе въ каждомъ читателѣ, въ особенности, въ каждомъ членѣ партіи. Я, какъ одинъ изъ членовъ той партіи, къ которой принадлежите и Вы, какъ одинъ изъ делегатовъ второго партійнаго съѣзда, подавшій голосъ за Васъ при выборахъ въ редакцію Ц. О. и въ Совѣтъ Партіи, имѣю, надѣюсь, право попросить Васъ растолковать мнѣ, а, вмѣстѣ со мной, и всѣмъ остальнымъ партійнымъ товарищамъ, эти непонятныя мѣста.

1) Я прошу Васъ ясно и опредѣленно указать, какія это *извѣстія, рисовавшія и рисующія политику Ц. К. въ Россіи въ довольно неблагопріятномъ свѣтѣ, доходили и доходятъ до Васъ еще до сихъ поръ?*

Я думаю, что этотъ вопросъ не можетъ считаться нескромнымъ. *Я увѣренъ*, что Вы, какъ выбранный съѣздомъ членъ партійнаго Совѣта и редакціи Ц. О., *не стали бы публично*, на страницахъ партійнаго органа, *дѣлать намеки на то, чего Вы не могли бы доказать такъ же публично ссылками на факты*, которые могли бы быть дискутированы передъ *всей* широкой публикой, читающей „Искру“.

По тѣмъ же основаніямъ, я надѣюсь, Вы не откажете, во-вторыхъ: открыто и *не намеками*, а *конкретными фактами* показать, въ чемъ именно проявилась та дѣятельность заграничныхъ представителей Ц. К., которую Вы сочли возможнымъ назвать политикой „мертвой петли, туго затягиваемой на шеѣ нашей партіи“; а также указать, въ 3-хъ: какіе это „неразумные подвиги“ тов. Ленина — наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, по Вашимъ словамъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланныхъ на немъ?

Наиболѣе же важнымъ, какъ для меня, такъ, я увѣренъ, и для всей нашей партіи, является объясненіе предъявленнаго Вами къ остальнымъ членамъ Ц. К. требованія, чтобы они отняли у тов. Ленина данныя ему полномочія. Я полагаю, что Вамъ извѣстны какія-нибудь совершенныя тов. Ленинымъ *преступленія противъ партіи*, которыя даютъ Вамъ право требовать лишить тов. Ленина довѣрія, выраженнаго ему съѣздомъ и всей партіей въ лицѣ Ц. К. Вы намекаете на эти преступленія, говоря: „у него былъ для этого (т. е. для раскола) *свой и совершенно понятный разсчетъ*“ и ниже: „Пусть плодитъ ихъ (т. е. недоразумѣнія) Ленинъ — это въ *его* интересахъ; а въ интересахъ *нашего* дѣла поступать совершенно наоборотъ“.

До сихъ поръ намъ было извѣстно, что „разсчетъ“ тов. Ленина и „его“ интересы были какъ разъ именно тѣмъ *разсчетомъ* и тѣми *интересами*, за которые мы на второмъ съѣздѣ нашей партіи подавали голоса *вмѣстѣ съ Вами*, т. Плехановъ. *Эти то интересы и этотъ разсчетъ заставили насъ*, опять таки *вмѣстѣ съ Вами*, тов. Плехановъ, голосовать не за утвержденіе старой редакціи, а за назначеніе новой, избрать въ Ц. К. трехъ испытанныхъ борцовъ за принципы досъѣздовской „Искры“, а не дѣлать его представительнымъ учрежденіемъ различныхъ теченій нашей партіи, и, въ довершеніе всего, хранителемъ этихъ принциповъ, т. е. пятымъ членомъ Совѣта, избрать именно Васъ какъ одного изъ самыхъ горячихъ и упорныхъ руководителей нашихъ въ борьбѣ съ оппортунистическими тенденціями на съѣздѣ.

Очевидно, Вы, требуя лишенія тов. Ленина данныхъ ему полномочій и приглашая остальныхъ членовъ высказаться противъ него, намекаете не на эти „интересы“ и „разсчеты“, а на какіе-то особые, преступные, достойные такого жестокаго для революціонера наказанія, какъ лишеніе довѣрія. Въ такомъ случаѣ *Вашъ „партійный долгъ“, Ваша „честь революціонера“ обязываетъ Васъ передъ всей партіей дать „простые отвѣты“ на поставленные мною здѣсь вопросы.*

Опять повторяю: я увѣренъ, что Вы не стали бы высказывать эти намеки публично въ Ц. О., если бы у Васъ подъ руками не было достаточно матеріала, могущаго быть опубликованнымъ въ томъ же Ц. О., доступномъ широкимъ слоямъ читателей. Я думаю, что Вы не стали бы публично дѣлать намеки на то, что, по конспиративнымъ или инымъ соображеніямъ, не можетъ быть такъ же публично доказано или опровергнуто. Поэтому я надѣюсь, что Вы, опубликовывая въ ближайшемъ номерѣ „Искры“ мое письмо, дадите вмѣстѣ съ тѣмъ и „простые“ отвѣты на поставленные въ немъ вопросы.

Закончу Вашими же словами: *для Васъ* „теперь молчаніе невозможно: оно становится теперь нарушеніемъ партійнаго долга“.

М. Лядовъ.

6 іюня 1904 года.

Отвѣтъ товарищу Лядову.

Почтеннѣйшій товарищъ! Мой отвѣтъ Вамъ будетъ краток.

Прежде всего я поставлю Вамъ на видъ, что Ваше письмо написано страннымъ и, — при данныхъ обстоятельствахъ очень смѣшнымъ, — тономъ того *допроса*, который въ нашей старой юридической практикѣ назывался *допросомъ съ пристрастіемъ*. Я рѣшительно не знаю, что даетъ Вамъ право говорить со мной такимъ тономъ. Неужели тѣ два обстоятельства, что Вы — членъ партіи и что Вы голосовали за меня на второмъ съѣздѣ? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздраженіе не совсѣмъ лишило Васъ склонности къ размышленію, — и Вы сами поймете, что этихъ обстоятельствъ еще недостаточно для того, чтобы позволить Вамъ *допрашивать* меня такъ, какъ Вы вздумали допрашивать.

Когда въ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи восторжествуетъ — если восторжествуетъ, — та политика, которую я называю политикой *мертвой петли, туго затягиваемой на ея шеѣ*, тогда Вашъ странный и смѣшной тонъ, — считающійся теперь *устарѣлымъ* даже въ россійскихъ правительственныхъ канцеляріяхъ, — можетъ быть, и станетъ общепринятымъ въ сношеніяхъ членовъ партіи съ ея литераторами, которые къ тому времени будутъ, вѣроятно, переименованы въ „партійныхъ сочинителей“). Но это мнѣ все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни въ редакціи, ни въ партіи. Теперь же, когда еще не наступило такое время, — которое было бы временемъ униженія и стыда для нашей партіи, — и когда еще очень позволительно усомниться въ томъ что оно наступитъ, теперь Вы, почтеннѣйшій, обязаны вести себя прилично и помнить, что тонъ *допроса съ пристрастіемъ* и непозволителенъ, и нецѣлесообразенъ, ибо напугать меня или кого-нибудь изъ остальныхъ редакторовъ „*Искры*“ не такъ легко, какъ это Вы, повидимому, воображаете. Значитъ, Вы только даромъ ставите себя въ нелѣпо смѣшное и смѣшно нелѣпое положеніе.

Что касается собственно Вашихъ *допросныхъ пунктовъ*, то я, не служащій дворянинъ Тамбовской губерніи, Георгій Валентиновъ сынъ Плехановъ, у исповѣди и святого причастія очень давно уже не бывавшій, не токмо за страхъ, но и за совѣсть отвѣчаю.

По пункту на счетъ моихъ будто бы „намековъ“ на Ленина: Я не требовалъ, чтобы Ц. К. лишилъ его *довѣрія* и рѣшительно не знаю, почему таковая на меня, съ Вашей стороны, ябеда. Я только полагалъ и полагаю, что *если Ц. К. не одобряетъ* политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища тѣхъ *полномочій*, которыя даны ему *какъ заграничному представителю этого учрежденія*, и назначить другого уполномоченнаго, лучше выражающаго его, Центральнаго Комитета, стремленія и намѣренія. Вотъ только и всего. Это такъ просто, что даже совѣтникъ Ивановъ, не вмѣщающій ничего пространнаго, пойметъ это безъ особеннаго напряженія ума. И если это непонятно совѣтнику, виноватъ — товарищу Лядову, то это объясняется тѣмъ особымъ настроеніемъ, въ которомъ находится онъ и, если я не ошибаюсь, довольно значительная часть нашихъ „твердыхъ“ товарищей. Они чувствуютъ, что *логическими доводами* имъ защищать свою позицію невозможно, поэтому они спѣшатъ *обижаться*. Въ направленіи болѣзненной обидчивости они идутъ такъ быстро, что скоро догонятъ нашихъ соціалистовъ-реакціонеровъ, которые, какъ извѣстно, начинаютъ кричать, что ихъ обидѣли, всякій разъ, когда попадаютъ въ затруднительное положеніе. Но что прилично соціалисту-реакціонеру, то неприлично соціальдемократу, у котораго не должно быть ничего, кромѣ холоднаго презрѣнія къ этой жалкой роли *высѣченныхъ прекрасныхъ душъ*, какъ выразился однажды Марксъ въ одномъ своемъ полемическомъ произведеніи.

Если въ той или другой изъ моихъ статей было или будетъ что-либо обидное для Ленина, то онъ самъ можетъ вступить въ объясненіе со мною, и я не откажусь дать ему гласный отвѣтъ на счетъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ я говорю о немъ, въ надеждѣ, что и онъ не откажется печатно объясниться на счетъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ онъ говоритъ о товарищахъ П. Аксельродѣ, В. Засуличъ и другихъ заслуженныхъ членахъ нашей партіи. Я думаю, что *ходатаи по дѣламъ* Ленину не нужны, и потому съ совѣтникомъ Лядовымъ ни въ какіе разговоры о немъ вступать не желаю.

Пунктъ второй.

Что касается дѣятельности Центральнаго Комитета и его заграничныхъ представителей, то я говорилъ о ней въ обращеніи къ этому Комитету и считаю себя обязаннымъ объясняться на этотъ счетъ именно съ нимъ, а не съ кѣмъ либо другимъ, хотя бы этотъ другой и подавалъ за меня голосъ на второмъ съѣздѣ партіи. Если Ц. К. угодно публично объясняться со мной по этому поводу, *то я готовъ*; и тутъ товарищъ Лядовъ не ошибается: данныхъ у меня достаточно. Но прежде, чѣмъ я скажу что-нибудь на этотъ счетъ, нужно, чтобы заговорилъ самъ Ц. К., а не какой то ходатай по дѣламъ, хотя бы и очень способный допрашивать съ пристрастіемъ. Но если Ц. К. пожелаетъ публично объясняться со мною, то онъ, разумѣется, — по требованіямъ логики и по долгу вѣжливости, — не откажется предварительно отвѣтить на тотъ вопросъ, который я гласно поставилъ ему въ № 66 „Искры“. Я думаю, что письмо товарища Лядова послужитъ нашему Ц. К. лишнимъ побужденіемъ для отвѣта мнѣ на указанный вопросъ, и съ этой стороны полагаю, что письмо этого товарища принесетъ пользу нашему общему дѣлу, несмотря на то, что оно написано тономъ гораздо болѣе приличнымъ какому нибудь сутягѣ изъ числа персонажей Островскаго, чѣмъ соціальдемократу. Теперь молчаніе Ц. К. становится все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Третій допросный пункъ гласитъ: „какіе это неразумные подвиги тов. Ленина, наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, по Вашимъ словамъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланныхъ на немъ“.

Я отдаю должную дань тому „казенно-угрожающему „штилю“, коимъ написанъ сей допросный пунктъ, и невольно восклицаю опять съ Некрасовымъ:

„Когда бъ я слогъ такой имѣлъ!“

Я думаю, кромѣ того, что тов. Лядовъ едва ли поступилъ тактично, напомнивъ Ленину о тѣхъ некрасивыхъ стихахъ, которые вспомнились мнѣ по поводу его дѣятельности. Это напоминаніе покажетъ лишній разъ Ленину, что, хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться.

Но по существу сего пункта, имѣю честь поставить Вашему Высокоблагородію на видъ то самое соображеніе, кое уже высказано было мною въ отвѣтъ на допросный пунктъ № 1: если я незаслуженно обидѣлъ Ленина, то я готовъ объясниться съ нимъ, но не считаю нужнымъ тратить время на объясненія съ его ходатаемъ по дѣламъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли оный ходатай довѣренность, засвидѣтельственную установленнымъ въ законѣ нотаріальнымъ порядкомъ.

Послѣ всего сказаннаго мною я могу спокойно предоставить читателю судить о томъ, нарушаю ли я партійный долгъ, отказываясь отвѣчать по существу на допросные пункты, предъявленные мнѣ товарищемъ Лядовымъ.

Еще два слова. Противъ выбора старой редакціи я на съѣздѣ не голосовалъ, да и не могъ голосовать по той простой причинѣ, что я, какъ членъ той же редакціи, не принималъ участія въ голосованіи по этому предмету.

Если *я*, выбранный такъ называемымъ большинствомъ, не одобряю его теперешняго поведенія, то это происходитъ единственно потому, что это поведеніе кажется мнѣ неразумнымъ и вреднымъ. Тов. Лядовъ думаетъ, можетъ быть, что я не имѣю права поступать по своему убѣжденію и обязанъ всякій разъ справляться, какъ подумаютъ товарищи, голосовавшіе за меня на съѣздѣ? Если да, то мнѣ не трудно было бы показать, что сей странный „централистъ“ очень ошибается. А что онъ дѣйствительно такъ думаетъ, это *я могу* предполагать въ виду его ссылки на то, что онъ подалъ за *меня свой голосъ*. Но это обстоятельство нисколько не увеличиваетъ *его правъ по отношенію ко мнѣ*: за кого бы ни голосовалъ онъ на съѣздѣ, эти *его права* не больше и не меньше правъ на меня всѣхъ *другихъ членовъ нашей партіи*.

Довольно. *Тверской Комитетъ* видитъ, что мы не отказываемся печатать произведенія литературныхъ выразителей такъ называемаго большинства. Не наша вина, если оные выразители... выражались до сихъ поръ не совсѣмъ удачно.

Г. Плехановъ.

P. S. На счетъ мнимаго оппортюнизма меньшинства я не нахожу нужнымъ спорить съ тов. Лядовымъ: я уже много разъ доказывалъ, что говорить объ оппортюнизмѣ такихъ товарищей, какъ П. Аксельродъ, Мартовъ, Старовѣръ и т. д., значитъ не понимать значенія этого слова, и если онъ всетаки лѣзетъ съ нимъ, то ясно, что онъ безнадеженъ.

Странное дѣло! У насъ стали называть оппортюнистами тѣхъ, которые *не хотятъ приспособлять своихъ взглядовъ ко взглядамъ и „ндраву“ Ленина*, т. е. тѣхъ, которые лишены оппортюнизма желательнаго для этого маленькаго Солона на изнанку. Тѣхъ же, *которые отличаются этимъ оппортюнизмомъ*, почему-то называютъ *твердыми*. И чѣмъ больше у нихъ этого оппортюнизма, тѣмъ болѣе твердыми кажутся они себѣ и другимъ. Слова имѣютъ свою судьбу, какъ и книги! Но тов. Лядовъ знаетъ, что я не держусь этой странной терминологіи: у меня для „твердыхъ“, — т. е. собственно для нѣкоторой ихъ части — есть другое названіе....

Г. П.

P. P. S. Кромѣ товарища Лядова мнѣ прислалъ письмо еще какой-то Ниловъ. Это лицо мнѣ совершенно неизвѣстно, такъ что я не только не знаю, за кого и когда оно голосовало, но мнѣ неизвѣстно даже, имѣло ли оно право голосовать за кого нибудь изъ насъ, т. е. принадлежитъ ли оно къ нашей партіи. Если Лядовъ допрашиваетъ, то Ниловъ просто бранится. Наша редакція не сочла себя обязанной помѣщать на столбцахъ „Искры“ эту брань, которая въ виду указаннаго обстоятельства является какъ бы анонимной.

Г. П.

Отвѣтъ Каутскому. Намъ доставлена слѣдующая замѣтка одного виднаго представителя партійнаго „большинства“.

„Хорошо было бы, если бы редакція „Искры“ напечатала это письмо. Сомнѣваюсь, чтобы она сдѣлала это.

Слабость основной аргументаціи К. Каутскаго заключается въ невѣрности аналогіи. Нѣмецкая соц.-дем. подъ исключительнымъ закономъ совсѣмъ не то, что Русская Соц.-Дем. подъ исключительнымъ беззаконіемъ. Тамъ дѣло шло о приспособленіи централистической организаціи, сложившейся въ періодъ относительной свободы и широко развившей уже (сравнительно, разумѣется) свои централистическія функціи, о приспособленіи ея къ новымъ условіямъ, затрудняющимъ выполненіе этихъ централистическихъ функцій, понятный результатъ — шагъ въ сторону „автономіи“. У насъ дѣло идетъ о созданіи *самыхъ централистическихъ функцій*, которыя еще находятся въ зародышѣ, при фактическомъ господствѣ кружковой автономіи. Ясно, что сравненіе никуда не годится.

Въ разсужденіяхъ о § 1 та же ошибка. У нѣмцевъ нелегальными были только *партійныя организаціи*, у насъ — *сама партія*, даже все *теченіе*. Выводы сдѣлать нетрудно; и ужъ во всякомъ случаѣ ясно, что и здѣсь „comparaison n'est pas raison“.

То, что Каутскій говоритъ о необходимости столковаться, чтобы непремѣнно подчиниться большинству — очень хорошо, и мы первые были бы рады этому; но передъ вторымъ съѣздомъ объ этомъ тоже *столковались*, и это не помѣшало ни бойкоту „Искры“ меньшинствомъ (до перехода ея въ его руки), ни отпаденію[1]) его комитетовъ.

[1]) Отъ кого??

Каутскій рекомендуетъ уступчивость. Припоминая массу уступокъ съ нашей стороны, можно по совѣсти сказать: мы исполнили совѣтъ раньше. *А въ чемъ уступило меньшинство?* И, вѣдь, оно требуетъ дальнѣйшихъ уступокъ!

Совѣтъ прекратить полемику? Очень хорошо! Но развѣ мы нападали, и развѣ полемика ведется, *главнымъ образомъ*, нами?"

Авторъ замѣтки, какъ видно, такъ увѣренъ въ неотразимости своихъ аргументовъ, что заранѣе „сомнѣвается", чтобы „Искра" рѣшилась помѣстить его письмо. Рискуя посодѣйствовать полному посрамленію Каутскаго, мы все же осмѣливаемся познакомить читателя съ этими аргументами.

Первое возраженіе автора Каутскому основано, отчасти, на непониманіи мысли послѣдняго. Каутскій далекъ отъ того, чтобы аналогіей между нынѣшнимъ положеніемъ россійской соц.-дем. и прежнимъ — германской пользоваться для вывода о необходимости ослабленія той „централизаціи функцій", которая уже достигнута нами. Каутскій показываетъ, что, *съ отмѣной исключительнаго закона*, только и стало возможнымъ въ Германіи расширеніе области примѣненія *формально-принудительнаго* элемента въ организаціи партіи и это, между прочимъ, потому, что въ *тайной* организаціи единственная прочная спайка — довѣріе къ руководителямъ партіи. Товарищъ не коснулся этого положенія Каутскаго и предпочелъ ломиться въ открытую дверь, доказывая, что исключительный законъ засталъ германскую партію уже централизованной. Но если, *не смотря на это*, условія „подпольной" работы заставили нѣмцевъ ослабить „формальную централизацію", то не очевидно ли, что партія, родившаяся въ условіяхъ „исключительнаго беззаконія", *тѣмъ болѣе* должна считаться съ этой невозможностью все „оформить" въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ?

Что наше движеніе гораздо болѣе „нелегально", чѣмъ нѣмецкое въ 1878-1890 гг., это хорошо знаетъ и Каутскій, почему и говоритъ, что у насъ, внѣ предѣловъ конспиративной организаціи, невозможна сѣть легальныхъ рабочихъ организацій, имѣвшихся у нѣмецкихъ товарищей. Какимъ образомъ этотъ фактъ можетъ колебать мнѣніе Каутскаго о томъ, что партія должна расширяться, а конспиративная организація — не выходить за сравнительно узкіе предѣлы, — этого товарищъ намъ не показалъ, да, очевидно, и не могъ показать. На его слова „comparaison n'est pas raison" приходится отвѣтить: отговорка еще не отвѣтъ.—Мысль Каутскаго, что предварительно (передъ новымъ съѣздомъ) необходимо „столковаться" о подчиненіи рѣшеніямъ, товарищъ совершенно не понялъ, иначе онъ не сослался бы на примѣръ II съѣзда. Мысль Каутскаго въ томъ и состоитъ, что разногласія, впервые только вскрывшіяся въ тайной организаціи, нецѣлесообразно рѣшать простымъ подавленіемъ меньшинства. Примѣръ II съѣзда, гдѣ это и было сдѣлано, только подтверждаетъ мнѣніе Каутскаго. А отсюда слѣдуетъ, что задачей экстреннаго съѣзда въ, случаѣ подобныхъ разногласій, должна быть или *формальная санкція* уже *состоявшагося* или *намѣчившагося* соглашенія, или формальное провозглашеніе *раскола*. Если товарищъ согласенъ съ этимъ доводомъ и если онъ не боится глядѣть прямо въ глаза истинѣ, онъ долженъ будетъ признать вмѣстѣ съ нами, что пароль „новый съѣздъ", выдвигаемый *въ противовѣсъ* идеѣ соглашенія, значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *новое подавленіе* или *расколъ*. А только въ такомъ смыслѣ, прямо противоположномъ соглашенію, пропагандируется новый съѣздъ: стоитъ только посмотрѣть на резолюціи Одесскаго и Тверского комитетовъ и Кавказскаго Союза. Зачѣмъ же морочить публику выраженіемъ солидарности съ Каутскимъ, въ письмѣ котораго каждая строчка дышетъ осужденіемъ товарищей, сознательно и безсознательно бьющихъ на расколъ?

Слова товарища объ „уступкахъ", сдѣланныхъ, якобы, меньшинству, принадлежатъ къ числу тѣхъ „оффиціальныхъ истинъ", которыя не приходится оспаривать. Достаточно припомнить, что въ „оффиціальной" исторіи въ роли образца „уступчивости" фигурируетъ... тов. Ленинъ. Будемъ надѣяться, что слова автора письма объясняются его полной неосвѣдомленностью о томъ, что происходило со времени съѣзда...

Резолюція Бакинскаго Комитета, принятая 23 апрѣля.

Получивъ предложеніе редакціи Ц. О. высказаться о желательности или нежелательности въ данное время третьяго очередного съѣзда, Бакинскій Комитетъ находитъ созывъ съѣзда *въ настоящее время* совершенно несвоевременнымъ, соглашаясь всецѣло съ аргументами редакціи. Бакинскій Комитетъ.

Агитація противъ войны. Ред. „Искры" изданъ листокъ: Уроки войны (№ 13). — **Рижск. Ком.** перевод. „За что долженъ умирать русскій солдатъ" (въ 2500 экз.). — **Астраханской Групп.** перевод. листокъ „Искры" о погромной агитаціи. — **Нижегород. Ком.** „Война съ Японіей" (4.000 экз.).

Изданія: Ред. „Искры": **Череванинъ.** Организаціонный вопросъ съ предисловіемъ Мартова (брошюра). — **Рижск. Ком.** изд. въ 5000 экз. „Пауки и мухи" Либкнехта — **Петерб. Ком.** переиздалъ „Манифестъ коммунист. партіи", и издалъ листокъ объ Якутской бойнѣ. — **Бакинск. Ком.** изд. двѣ прокламаціи „Ко всѣмъ рабочимъ" о стачкѣ на табач. фабрикѣ, листокъ къ раб. зав. Хатисова и отчетъ кассы. — **Астраханской Груп.** переиздалъ майскій листокъ Ц. К. и „Искры". — **Нижегор. Ком.** изданы листокъ „1 мая" (8.000 экз.) и „Что такое рабочая партія?" (1.500 экз.).

Отчетъ Ц. К. о распространеніи литературы за апрѣль мѣсяцъ.

Всего распространено за апрѣль свыше 60 пудовъ; провалившаяся литература въ счетъ не входитъ. Это количество было распредѣлено такъ: 15 пудовъ на югъ, 20 — въ центръ, 20 — востокъ, 4 — сѣверо западъ и 3 — Кавказъ. Въ названіяхъ всего было распространено такъ: первомайскихъ прокламацій — 100.000; Къ деревенской бѣднотѣ, Ленина — 400; Къ учащейся молодежи, Ленина — 2500; Въ ожиданіи успѣховъ — 9400; Извѣщеніе о съѣздѣ — 400; Пролетарскій праздникъ — 12.350; Рѣчь Гольдмана — 1500; Война противъ войны — 15.000; Искра №№ 54 и 55 — по 2500 экз.; Зачѣмъ правительство затѣяло войну? — 6000. Изъ этого количества на югѣ распространено: первомайскихъ прокламацій — 32.000; Къ учащейся молодежи — 630; Въ ожиданіи успѣховъ — 7500; Война противъ войны — 9950; Зачѣмъ правительство затѣяло войну? — 1200; Пролетарскій праздникъ, Мартова — 2350; №№ 54 и 55 — по 490.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Арестованы: Ивановъ (студ.), Завяловъ, Равинъ, Козловъ (раб.), Суслова (медичка), Анисимовъ (раб.), Коробовъ (студ.), раб.: Роторъ, сестры Калинины, Цвѣтковъ, Гусевъ, Рожевъ, Усовъ, Виноградовъ, Бутофій и Мазуринъ; Ферре (мед.).

Харьковъ. Въ апрѣлѣ арестованы: Гречка (служ. жел. дор.), Пересъ (служ. губ. зем. упр.), Т. Ефименко (техн.), Высоцкій, Гринбергъ (дант.) и технологи Чижъ, Мефертъ, Сморчевскій. — **Таганрогъ.** Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Ал. Мейснеръ (обв. въ участіи въ кружкахъ и на сходкахъ), Як. Маисъ (тоже), Вас. Мериновъ (тоже), Стан. Новикъ (тоже), Чудаковъ (нашли при обыскѣ три проклам.), Сонинъ (обв. въ распр. прокл. „Международный жандармъ" и майской), Качура (обв. въ распр. прокламацій на 19 февр.), Лаврентьевъ (обв. въ участ. на сходкахъ). — Въ станицѣ **Ново-Николаевской** сидятъ Иванъ Сапоновъ и Конст. Бойни. — **Рязань.** Въ апрѣлѣ были многочисленные аресты: Взяты: братья В. и Е. Стерлиговы (раб. и гимназистъ), В. Стерлигова (ихъ сестра, служ. въ правл. зав. Полякова), М. Абрамовичъ (апт. учен.), Ник. Ильинъ (бывш. моск. студ., недавно вернувшійся изъ Сибири), В. Ильинъ (вольноопр.), А. Унксовъ (быв. студ.), Илья Гольцевъ (модельщ.) и мн. др. М. Грикманъ, сосланный по дѣлу 1900 г. изъ Рязани въ Симбирскъ, теперь высланъ въ Ачинскій окр. Енис. губ. Акстр. подд. И. Муаль увезенъ изъ Рязанской тюрьмы въ Москву.

Въ Кіевской тюрьмѣ за апрѣль перебывало 237 полит., изъ нихъ 145 пробыло весь мѣсяцъ. Въ апрѣлѣ арестованы: стол. Дан. Бутько-Синица, портные З. Бейлинъ, Г. Дубина, Дав. Друбновъ, Ф. Дворкинъ, Ш. Каспинъ, I. Залюбскій, Яковъ Кацъ, Кузьма Шараповъ; наборщики Гр. Бѣлоусовъ, Петръ Горбатенко, Никита Говорухинъ, Вас. Бѣляевъ, Дм. Яблонскій; типограф. Сем. Куликовскій; футлярщикъ Аронъ Бенціановъ, кондитеръ Николай Галкинъ; булочники Алексѣй Ершовъ, Акимъ Калашниковъ, Яковъ Кремневъ; слесаря И. Клюнеръ, Григ. Ляховъ; чернораб. М. Осмоловскій; работницы Х. Волохова, Бр. Какузина, Малка Ялкута и Паша Ялкута; дворникъ Арт. Заволока; студ. унив. Бука, Ѳ. Кремень, Е. Евлевъ, А. Знаменскій, В. Метельскій, С. Максимовскій, О. Пожога, Іос. Понекъ, Н. Солововъ, Ал. Шурла, Шкапа, Ѳ. Юрьевъ; бывш. студ. Пав. Стечькинъ, Вейцманъ, Безлущенко и студ.-политех. Ушаковъ, интелл. Х. Эткинъ; студ. П. Зарубинъ; инт-ка Галина Дзенкевичъ; уч. худож. учил. Иванъ Запорожецъ и „Неизвѣстный" (нелегальн.). Послѣдній переведенъ въ крѣпость, гдѣ, кромѣ него, въ апрѣлѣ находились: Вл. Винниченко, солдатъ (съ іюня 1903 г.), М. Винокуръ, инт. (съ іюня 1903 г.), солдатъ Вас. Зазирный (съ марта 1904 г.), интелл. Г. Гиршбергъ (съ января 1904 г.), позолотчикъ Сергѣй Лола (съ того же времени), Ал. Локкерманъ (нелег. Оглоблинъ, съ марта 1904 г.), интелл. Пав. Колокольниковъ (съ янв. 1904 г.), офицеръ Красницкій (со времени всеобщей стачки), раб. Никонъ Казаковъ (съ дек. 1903 г.), инж. А. Шиманскій (съ апр. 1902 г.), интелл. Пав. Синицкій (съ янв. 1904 г.), солдатъ Автономъ Худоба (съ марта 1904 г.).

Сосланы изъ Одессы въ Арханг. губ. на 3 года (вмѣсто Сибири): портной Геркнеръ, слесарь Бузиноверъ, Исаакъ Бухъ, электр. Горнштейнъ, Ис. Чернякъ и Золотаревъ. Столяръ Гр. Хайкинъ — на 3 г. въ Арх. губ.; Гольцъ — на 5 л. туда же; Н. Кельфманъ — на 3 г. туда же; Аф. Ивановъ — на 4 г. въ Олонецк. губ.; стекольщикъ Прохоръ Ипаткинъ — на 3 г. туда же; кровельщикъ Яковъ Оксенгуренъ — на 3 г. въ Арх. губ.

Въ Архангельской губ. всѣхъ ссыльныхъ въ настоящее время 425. Ожидаютъ еще 200, назначенныхъ туда же. Теперь заселяются уже села и деревушки дальнихъ уѣздовъ. Одесситъ Бернштейнъ (6 лѣтъ — вмѣсто В. Сиб.) сосланъ въ Пустозерскъ. Изъ Холмогоръ бѣжалъ Н. Рѣдкозубовъ (вторично); изъ Онеги раб. Богушевскій; изъ Архангельска — Юда Пиратинскій.

Списокъ высланныхъ за предѣлы Кавказа въ началѣ апрѣля: Вадо Авсаджановъ, Инашвили, Асодуръ Грикуровъ, Марсаковъ, Асодуръ Кахаянъ, Айрумьянъ, Шавдія, Кукулова, Копанидзе, Жоржикайшвили, Артакъ Ягубьянцъ, Тотибадзе, Яшвили, Цулукидзе, Цулава, Виталій Блокъ, Владиміръ Гарбузовъ, Рожденъ Арсенидзе, Розалія Локкерманъ, Леонидъ Пересъ, Викторъ Нанейшвили, Артокъ Зурабовъ, Марія Борисова, Дмитрій Посталовскій, Домидзе.

Высланы на родину: Ираклій Церетели, Массалкинъ (оба въ Кутаисъ) и Андронниковъ (въ Сигнахскій уѣздъ).

Насъ просятъ сообщить, что переписка сибирскихъ ссыльныхъ: В. Бобкова, М. Нахимовича, Руднева и В. Громана взята подъ контроль. В. А. Шанцеръ арестованъ въ Ачинскѣ.

Баку. Въ бакинскомъ замкѣ находятся слѣдующія лица: Калашниковъ Алекс. (арестованъ 17 іюля 1903 года, обвиняется по статьямъ 269, 270 и 1459), Айрапетовъ Хач. и Гогоношвили Семенъ (арестованы 18 іюля 1903 года, обвиняется по ст. 271, сидятъ съ уголовными, но пользуются провизіей); Хрусталева Дарья (арестована 31 января 1904 года за демонстрацію 2 марта); Цахнакидзе Багр. и Хундадзе Габріель-Оноре (арестованы 29 декабря 1903 года, обв. по ст. 250 и 251); Айвазьянцъ Мин. (арестованъ 13 декабря 1903 года, обв. по ст. 318); Сомораева Марья (арестована 28 января за демонстрацію 2 марта); Чочія Григ. (арестованъ 29 января, обв. по ст. 252, 4 ч.); Щелчковъ Михаилъ, Ардзъ Ген. и Меликянцъ (арестованы 2 февраля, обв. по ст. 250, 252 и 318); Малѣевскій Алексѣй, Рабиновичъ Абрамъ и Гейденрейхъ Марія (арестованы 24 февраля, обвин. по ст. 250 и 251); Толоконовъ Мих. (арест. 29 февраля, обв. по ст. 318); Логурько Михаилъ и Рубцова Ольга (арестованы 4 февраля). Кроль Гита и Леусъ Вѣра (арестованы 16 марта за забастовку въ магазинѣ Барскаго); Михайлова Настя и Генкина Раиса (арест. 18 марта за забастовку въ Берлинскомъ магазинѣ и у Черномордикова); Гордлизейнъ Сол. и Ледеценко Хрис. (арестованы 18 марта за забастовку. — *Переведены* въ арестный домъ: Виноградовъ Анат., Лазаревъ Николай, Москаленко Иванъ, Рагулинъ Кон., Котинъ С., Щепетковъ Андрей, Черновъ Андрей, Маркіановъ Ник., Мораховскій Зин., Кондратскій Вик. и Хрусталевъ Кон. (арестованы 28 февраля, отб. наказаніе за демонстрацію 2 марта). *Переведены* въ Кубу: Аракеловъ Абрамъ (обв. по ст. 250); Романовъ Ив., Корнѣевъ Ник. и Самораевъ Алек. (арестованы 2 марта 1903 г., обв. за демонстрацію 2 марта); Бендельяни Иванъ, Ждановъ Фед. (арестованы 27 апрѣля 1903 года, обв. за демонстрацію 27 апр.); Костаньянъ М. и Погосовъ Георгъ (арестованы въ сентябрѣ 1903 года); Ратнеръ Анна, Вирновскій Сол. и Швайцевъ Влад. (арестованы 7 ноября 1903 года); Гуревичъ Семенъ (арестованъ 7 ноября 1903 года, обв. по ст. 250 и 251); Мукосѣевъ Дмитрій (арестованъ 10 октября 1903 года, обв. по ст. 318). *Высланы* въ Архангельскую губернію: Дадаянцъ Арш., Семеновъ и Гридневъ (арестованы 2 марта, обв. за демонстрацію 2 марта, высл. 11 февраля на три года); Айрумовъ Кон. (арестованъ 27 апрѣля, обв. за демонстрацію 27 апрѣля, высланъ 25 января на три года въ Восточную Сибирь); Х... русскій и Х... еврей (обв. за демонстрацію, высланы 25 января); Желевичъ и Мирзаянцъ Мак. (арестованы 28 апрѣля, обв. за демонстрацію, высланы 25 января на пять лѣтъ); Гиграшевскій (высланъ 25 января); Вукертъ Фил. (высланъ на 3 г.). *Освобождены:* 4 января — Шлимакъ, Бастрычевъ и Х... (арестованы 1 янв., обв. за демонстрацію въ театрѣ); 20 февраля — Сальманъ, Вассеръ и Косяковъ (арест. 31 января, обв. за демонстрацію въ театрѣ); 21 февраля — Блиновъ Вл., Блиновъ Леонъ, Груда, Сильчевъ, Пономаревъ, Комаровъ и Савеловъ (арестованы 23 января, обв. за стачку 21 января); 5 марта — Куликовъ (арестованъ 1 января); 9 марта — Красильниковъ Н. (арестованъ 7 марта, обв. по 318 ст.); 20 марта — Мопсикъ Г., Штеренъ Абрамъ и Холодовскій М. (арестованы 31 января, обв. за демонстрацію въ театрѣ); 22 марта — Костинъ Ив. и Ройнгольдъ К. (арестов. 2 февраля, обв. по ст. 250, 252 и 318 ст.); Сергѣевъ Н. (арестованъ 23 дек., обв. за демонстрацію 27 апрѣля); Познеръ, Ратнеръ Евс., Ратнеръ Рах. и Грошевъ Кир. Выпущ. на поруки 20 февраля Кочіевъ Арш. (арестованъ 7 ноября, обв. по 250 и 251 ст.). Переведенъ въ Ленкор. 22 февраля Егоровъ Ив. (арестованъ 7 ноября, обв. по 250 и 251 ст.). Выбылъ Өедоровскій Ал. (арестованъ 30 января). Подлежатъ высылкѣ: Кемашвили Ал. — въ Архангельскую губернію на три года (арестованъ 20 марта, обв. за демонстрацію 27 апрѣля); Грюнеръ Серг. (вет. врачъ-магистръ) — въ Восточную Сиб. (высланъ въ Пермскую губернію 24 марта, арестованъ 27 янв.).

Некрологъ. 4 іюня н. ст. 1904 г. въ Женевѣ, въ госпиталѣ скончалась 24 лѣтъ отъ роду отъ туберкулеза легкихъ политическая эмигрантка *Юлія Исааковна Гольдманъ.* Покойная, будучи еще гимназисткой, принимала участіе въ революціонныхъ кружкахъ въ Вильнѣ. Уже тогда она намѣтила себѣ свою дальнѣйшую дѣятельность — дѣятельность въ рядахъ революціонной соц.-демокр., которой отдали свои силы нѣкоторые члены ея семьи (осужденный въ прошломъ году на поселеніе Л. Гольдманъ — ея родной братъ). Мечтой ея было поѣхать въ Петербургъ, этотъ центръ русской общественной, политической и культурной жизни; съ большимъ трудомъ ей удается, наконецъ, въ 1897 г. пріѣхать туда и поступить на акушерскіе курсы, необходимые ей для права жительства. Занимаясь на курсахъ, перебиваясь изо дня въ день перепиской, уроками и т. п. заработками русской интеллигентнаго пролетаріата, нуждаясь матеріально и порой голодая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, она въ то же время подготовляется къ будущей революціонной дѣятельности, участвуя въ разныхъ кружкахъ самообразованія. Но, готовясь къ будущей дѣятельности, покойная не уходила отъ жизни и систематически оказывала болѣе или менѣе активныя услуги дѣйствующимъ въ Петербургѣ соціальдемократическимъ организаціямъ. Въ декабрѣ 98 г. у Юліи Исааковны былъ обыскъ, у нея найдена пишущая машина и другія компрометирующія ее вещи; она была арестована и привлечена къ дѣлу группы „Рабочаго Знамени", подготовившую и организовавшую извѣстную стачку у Максвеля и Паля. Просидѣвъ 3½ мѣс., она была выпущена подъ особый надзоръ полиціи въ Вильнѣ, гдѣ она отбыла послѣ особаго надзора и гласный надзоръ (1 годъ). Въ Вильнѣ она вступила въ мѣстную организацію „Бунда" и была дѣятельной и видной пропагандисткой, отдавая всѣ свои силы дорогому ей дѣлу соціальдемократіи. Осенью 1903 года ей пришлось скрыться, въ виду того, что при одномъ обыскѣ нашли сильно компрометировавшее ее письмо. Гольдманъ скрылась за-границу, чтобы отдохнувъ и пріобрѣтя больше знаній, снова вернуться въ Россію уже въ качествѣ нелегальной. Но осуществить это ей не пришлось, такъ какъ при переходѣ черезъ границу она простудилась и, проживъ въ Берлинѣ, гдѣ принимала участіе въ Берлинской группѣ содѣйствія Бунда, всего нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно заболѣла и въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ жила въ разныхъ курортахъ и санаторіяхъ, желая поправить свое здоровье во что бы то ни стало, чтобы ѣхать въ Россію. Совершенно больная и обезсиленная, она 1-го мая этого года была привезена изъ Италіи въ Женеву, гдѣ дожила свои послѣдніе дни.

Покойная до послѣднихъ минутъ своей многострадальной жизни живо интересовалась всѣмъ происходящимъ въ Россіи, слѣдила за всѣми перипетіями революціонной борьбы и страстно рвалась туда, въ гущу революціонной жизни. Но ей не суждено было увидѣть Россію...

Спи же спокойно, дорогой товарищъ, пусть будетъ легка тебѣ земля и пусть потерявшихъ тебя друзей и товарищей будетъ утѣшать въ ихъ потерѣ мысль, что и ты прожила не даромъ для общаго соціальдемократическаго дѣла.

Перу покойной, между прочимъ, принадлежитъ беллетристическое произведеніе „Встрѣча Новаго Года", помѣщенное въ № 31 „Искры".

Насъ просятъ заявить:

1) Рабочій Николай Афанасьевъ, привлекавшійся въ 1902 г. по дѣлу СПБ. Рабоч. Организаціи и сосланный въ Вост. Сибирь, откуда бѣжалъ, просилъ товарищей въ Парижѣ заняться разсмотрѣніемъ циркулирующихъ о немъ, Афанасьевѣ, слухахъ, приписывающихъ ему роль провокатора. Коммиссія изъ товарищей Кричевскаго, Дейча и Невзорова, собравъ всѣ относящіеся къ этимъ слухамъ свѣдѣнія, пришла къ положительному заключенію, что слухи эти явились результатомъ недоразумѣнія и что никакихъ данныхъ, компрометтирующихъ тов. Афанасьева, не имѣется.

2) Группа товарищей заявляетъ, что бывшій статистикъ Граціанскій, сосланный изъ Костромы въ Архангельскую губернію, никакихъ компрометтирующихъ показаній *не давалъ*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Чижикову. Объясните, какимъ ключемъ писано. Не разобрали.
Изгою. Пойдетъ въ слѣд. №.

Отчетъ заграничнаго представителя Ц. К.

Съ 1 мая по 1 іюня экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. были получены слѣдующія суммы:

1. Отъ Фридбергской группы содѣйствія Партіи за литературу — *31 фр. 14 с.* (изъ нихъ 6 фр. 14 с. были получены черезъ администрацію „Лиги"). 2. Отъ Берлинской группы содѣйствія Партіи (30 марокъ) — *37 фр. 50 с.* Отъ Г—ской гр. сод. Партій по отчету до 1 апрѣля (116 мар. 20 пф.) — *145 фр. 25 с.* 4. Отъ нея же по отчету къ 1 іюня (267 мар. 40 пф.) — *329 фр. 30 с.* 5. Отъ Женевской группы содѣйствія Партіи — *120 фр.* 6. Отъ „Г. С. Д. согласно отчета" (571 марка 18 пф.) — *711 фр. 85 с.* 7. Отъ администраціи Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. за литературу — *231 фр. 50 с.* 8. Отъ редакціи Ц. О. за литературу — *711 фр.* 9. Отъ подписчиковъ на „Искру" — *94 фр. 95 с.* 10. Отъ книжныхъ магазиновъ за литературу — *322 фр. 45 с.* 11. Отъ продажи литературы изъ экспедиціи по мелочамъ — *331 фр. 15 с.* 12. Изъ Карлсруэ старый долгъ — *60 фр.* 13. По подписнымъ листамъ Ц. К. отъ Вѣнской группы содѣйствія Партіи (получено черезъ „Лигу") — *37 фр. 6 с.* 14. Подписка и пожертвованія на „Разсвѣтъ" — *23 фр. 95 с.* 15. Отъ Бернской группы содѣйствія Партіи на изданіе книги Бельтова — *205 фр.* 16. На напечатаніе одной рукописи — *40 фр.* 17. Изъ Цюриха для консума — *17 фр. 50 с.* 18. Отъ группы парижскихъ рабочихъ — *90 фр.* (изъ нихъ черезъ Л. — 15 фр. и черезъ „Лигу" — 75 фр.) 19. Черезъ Deferment'a за литературу — *45 фр.* 20. Для кассы политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ — *62 фр. 85 с.* 21. Въ пользу Ц. К. отъ X. X. — *5 с.* 22. Отъ дамы въ пользу Ц. К. — *25 фр.* 23. Отъ Ц. К. — *62 фр.* 24. Черезъ Олина отъ „товарища" — *250 фр.* 25. На партію отъ Z. — *20 фр.* 26. „Въ пользу Ц. К." — *65 с.* 27. Отъ администраціи Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. за напечатанныя ей изданія — *117 ф. 35 с.* 28. На организаціонныя нужды отъ Капитана — *11 фр. 10 с.* 29. Въ пользу Ц. К. — *10 с.* 30. „Для якутянъ" отъ сосланнаго въ архангельскую губ. черезъ Deferment'a — *18 фр. 45 с.* 31. Отъ Рейнгольдта для Ц. К: — *260 фр.* 32. Отъ Е. Н. — *49 фр. 25 с.* 33. Заимообразно на „спеціальную цѣль" — *1000 фр.* 34. Отъ К. изъ Женевы — *15 фр.* 35. Отъ „товарища" — *200 фр.* 36. Черезъ Г. изъ Вѣны взносы С. Л. за апрѣль и май (40 кронъ) — *42 фр.* *А всего съ 1 мая по 1 іюня* въ экспедицію Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи поступило — *5718 фр. 70 сант.*

Отчетъ Женевской „Эмигрантской кассы" съ 1 марта по 1 іюня 1904 года.

ПРИХОДЪ. — Отъ группы „Единеніе" съ рефератовъ 227 ф. 71 с. Съ подписныхъ листовъ: № 145 — 6 фр. 50 с., № 2 — 15 фр., № 0 — 7 фр. 20 с., № 3 — 24 фр. 30 с., № L — 31 фр. 30 с. Ежемѣсячныхъ взносовъ: отъ П. 20 фр., отъ Б. 8 фр., отъ И. 25 фр., черезъ Н. отъ N 17 фр., отъ М. 2 фр. Единовременно отъ Д—а 50 франковъ. Съ дискуссій въ марксистскомъ кружкѣ 20 фр.; сборъ въ томъ же кружкѣ 3 фр. 55 с. Возвращено долгу: черезъ М. 15 фр., отъ роженицы 20 фр. Собрано въ Давосѣ 58 фр. Получено отъ Ц. К. 62 фр. и мебель для эмигрантской квартиры; отъ больной дамы 1 фр. 25 с.; отъ продажи листковъ 2 фр.; отъ сочувствующихъ 32 фр.; изъ Дрездена 28 фр.; изъ Митвейды 11 фр.; изъ Гейдельбергской кассы ссыльныхъ и заключенныхъ 25 фр.; собрано на вечерѣ 6 фр. 25 сант. Всего прихода 718 фр. 6 сант.

РАСХОДЪ. — Выдано З. въ разное время 63 фр., Д. въ разное время 62 фр.; черезъ М. 25, 30 фр., черезъ Б. 15 фр., Л. 5ф., С. 27 фр. 20 с., Ф. 15 фр., И. 20 фр., въ Италію 20 фр., черезъ Л. 20 фр., въ Давосъ 58 фр., Н. 25 фр., Ю. 25 фр., П. 15 фр., С. 20 фр., П. 20 фр., Ч. 20 фр., Н. 15 фр., Л. 25 фр., Г. 32 фр., В. 10 фр., К. 10 фр. Больнымъ товарищамъ: 20, 5, 40 и 20 фр. Уплачено за эмигрантскую квартиру 35 фр., за матрацы 30 фр.; рабочимъ на дорогу 10 и 10 фр.; почтовые расходы 5 фр.; оказались фальшивыми 5 фр.; за обѣды 30 фр. Всего израсходовано 797 фр. 85 сант.

Дефицитъ въ кассѣ въ 79 фр. 79 сант.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено: изъ Бреславля — 6 фр. 15 с.; отъ сосланнаго въ Арханг. губ. „для Якутянъ" черезъ Deferment'a — 18 фр. 45 с. Черезъ него же передано: для якутскихъ товарищей — 111 фр.; въ Л—ую тюрьму — 42 фр.

Отчетъ Берлинской эммигрантской кассы. Получено: изъ Б. К. 90 мар.; отъ нѣмцевъ 185 м.; пожерт. 81 м.; собрано по лис. 16 м. 50 пф.; собрано на рефер. 21 м. 50 пф.; изъ Фрейберга 60 м.

Цюрихской Сиб. Кассой получено отъ ред. „Искры" по листу № 228 (черезъ В.) изъ Давоса 37 ф. 60 с.

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.